

ПОСТРЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА:

**экономические ориентиры и
политические коопизии**

**ИСЭ РАН
Москва 1995**

Российская Академия наук
Институт славяноведения и балканистики

Постреволюционная Восточная Европа:

**экономические ориентиры и
политические коллазии**

Ответственный редактор
доктор философских наук
профессор
Ю.С.Новопашин

Москва
1995

Сборник подготовлен в Отделе современной истории и социально-политических проблем восточноевропейских стран в рамках проекта «В поисках нового вектора: социально-политические процессы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» при поддержке Российского гуманитарного научного фонда

Редколлегия:

доктор исторических наук **Б.И. Желицки**
доктор исторических наук **Э.Г. Задорожнюк**
доктор философских наук **Ю.С. Новопашин**
кандидат исторических наук **Ю.Ф. Зудинов**

Рецензенты:

кандидат исторических наук **Н.И. Бухарин**
кандидат исторических наук **И.В. Михутина**

ISBN 5-7576-0016-0

© Институт славяноведения и
балканистики РАН,
1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пять лет назад в новейшей истории восточноевропейского региона была открыта новая страница. В ноябре 1989 г. начались в странах этого региона антиправительственные митинги и демонстрации, а кое-где и массовый исход за границу (ГДР, Албания), которые завершились падением коммунистических режимов, просуществовавших здесь четыре с лишним послевоенных десятилетия. "Впервые за тысячу лет, – писала по данному поводу одна из нью-йоркских газет, – нет в Европе державы, которая бы являлась ядром этого континента с военно-политической точки зрения: нет ни османской, ни австро-венгерской, ни российской, ни французской, ни габсбургской, ни нацистской, ни советской империи. Впервые со времен Французской революции нет международной политической идеологии, которая была бы противоположна демократическому либерализму в Европе. Этот временной дефицит противоположных идеологий и четко определенных границ между военными противниками является примечательным фактом настоящего момента, а для многих в высшей степени тревожной реальностью"¹.

В этом суждении справедливо указывается, во-первых, на преодоление на европейском континенте блокового противостояния, постоянно инициировавшего гонку вооружений, опасную обстановку "холодной войны"; во-вторых - на ликвидацию политико-идеологического раскола в результате краха так называемого марксизма-ленинизма, претендовавшего на роль "единственно верного" и "всепобеждающего" учения об обществе. Речь тем не менее не только о плюсах, но и минусах, хотя первые все же, видимо, перевешивают вторые. Однако слова американского автора, называющего теперешнее положение в Европе "для многих в высшей степени тревожной реальностью", заслуживают пристального

внимания. Ведь при всех позитивных макроэкономических показателях и успехах в рыночных преобразованиях хозяйственной жизни издержки этих успехов продолжают накапливаться, в том числе и в тех странах, которые считаются пионерами реформ – Чехии, Польше и Венгрии. Растет, к примеру, безработица – явление, официально считавшееся в этом регионе четыре последних десятилетия несуществующим. Она составила на конец 1994 года, по оценкам экспертов Венского института сравнительного анализа мировой экономики, в Польше 17% трудоспособного населения, в Словакии – 16%, в Болгарии – 13%, в Румынии – 12%, в Венгрии – 11% и в Чехии – 4%. Могут, конечно, приводиться и несколько отличные оценки, но расхождения будут все же несущественны.

К вышеупомянутым издержкам рыночных реформ относится также высокая по европейским меркам инфляция. В Болгарии в 1994 г. она превысила 100%. Цены на потребительские товары возросли в 2-2,5 раза. В Польше инфляция в среднегодовом исчислении равнялась 31-32%. В Румынии зарплата рабочих и служащих не поднялась выше 50-55% от показателя 1990 г. Высоки еще темпы инфляции в Албании, хотя и имеют тенденцию к снижению. Так, потребительские цены в этой стране в истекшем году возросли в 19 раз, тогда как в 1993 г. – в 31 раз, а в 1992 г. – в 237 раз. Для сравнения с ЕС, коль скоро было сказано о европейских мерках, отметим, что там в 1994 г. рост потребительских цен был на уровне 3,1%, а предполагаемая инфляция в 1995 и 1996 гг. составит, соответственно, 2,9 и 3,1%.

В общем, если несколько перефразировать высказывание софийской газеты "Труд", относящееся к собственной стране, все восточноевропейские народы к пятилетию событий 1989-1990 гг. в социально-экономическом плане "образно говоря, вернулись к тому рубежу, с которого они начали демократические преобразования"². И то, что реальность развеяла за эти пять лет многие иллюзии и надежды, – одна из

основных причин известной серии политических перемен в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, в результате которых бывшие коммунисты вновь оказались у власти в Польше, Венгрии, Словакии и Болгарии. Не говоря уже о том, что в Румынии они постоянно оставались и по сей день остаются у государственного кормила.

Кстати, "если на Западе в целом эти перемены, – по словам Энн Эпплбаум, – вызывали удивление, то у бывших диссидентов и антикоммунистических интеллектуалов Центральной Европы они породили просто шок. Как на Западе, так и на Востоке обозреватели считали, что бывшие коммунистические партии уже полностью деморализованы, побеждены и могут рассчитывать стать лишь маргинальной политической силой. Большинство полагало, что потенциальной опасностью для Центральной Европы является другое – возрождение националистических партий образца 30-х годов"³.

Есть, конечно, в восточноевропейском регионе и националистические партии, порой весьма крикливые, эпатирующие общественность, но главная опасность для демократических преобразований действительно не в них. Сегодня уже ясно: прогнозы доморощенных и зарубежных футурологов по поводу угрожающего роста национализма в Центральной и Юго-Восточной Европе были основаны на явной переоценке силы этого явления. Нигде в регионе не наблюдается возрождение националистических настроений в стиле 30-х годов*. Главная опасность для демократии и стабильности исходит не от наследников довоенных националистов, а от бывших коммунистов, использующих национализм, чтобы сохранить власть. Почти повсеместно в Центральной и Юго-Восточной Европе бывшие компартии обладают полити-

* При всей трагичности и масштабе событий в бывшей Югославии, их следует считать исключением, а не правилом. Причины войны там уникальны и происходят из особой истории страны как до второй мировой войны, так и после нее.

ческой и экономической монополий, ослаблять которую придется годами; пока этого не произойдет, политика подлинно демократической не станет. На первый взгляд это не кажется таким уж очевидным, ибо идеологическая угроза демократии в Европе отсутствует, идеалы марксизма-ленинизма мертвы; и опасности политико-экономического возвращения к коммунистическому тоталитаризму тоже уже нет – ведь за пять лет во всех странах региона произошли такие преобразования, так изменилась хозяйственная и вся общественная жизнь, что если и мыслим еще где-то поворот к диктаторским методам правления, то скорее лишь в виде фарса, но никак не трагедии.

Так что проблема в другом: какой рынок и какую демократию при нынешнем раскладе политических сил получит восточноевропейский регион. Ему угрожает не призрак 30-х годов, а коррумпированные режимы, возглавляемые бывшими компартиями, которые полагаются на полумафиозный деловой класс. Этот формирующийся класс бизнесменов тоже состоит в основном из бывшей коммунистической номенклатуры, и его связи с политиками левой ориентации, называющими себя теперь социалистами, социал-демократами или как-нибудь еще в том же духе, не только сохраняется, но и во всех отношениях укрепляются. То есть создается правящий класс, удерживающий власть в ключевых сферах, где мало места для конкуренции как в политике, так и в экономике. Исследования социологов, политологов и экономистов, прослеживающих карьеры многих сотен коммунистических функционеров высшего и среднего звена, показывают, что больше половины из них стали главными управляющими в различных частных коммерческих структурах. В России этот процент еще выше, и не только, разумеется, в коммерческих структурах. Прав хорошо знающий эту проблему мэр Петербурга А.А.Собчак, когда отмечает, что "все поры государства заполнили люди, десятилетиями сидевшие в руководящих креслах, имеющие опыт и навыки аппаратной

работы. И поэтому сегодня подавляющее большинство (подчеркнуто мною. – Ю.Н.) работников государственного аппарата – это ведь люди из прежних партийного и государственного, советского аппарата. Для того, чтобы они изменились или были заменены другими – нужно время"⁴.

Имея хорошо налаженные и десятилетиями существующие связи, больше денег* и больше собственности, с которой можно начать, бывшие коммунисты, включая многочисленных представителей разветвленной в прошлом сети тайной полиции, безусловно, больше всех выиграли в финансовом смысле. Эта набирающая силу и достаточно закрытая финансовая элита оказывает негативное экономическое воздействие по многим направлениям. В частности, гэбистские сети, если их не разбить политическим путем, легко превращаются в деловые структуры, подверженные коррупции; банкиры из бывших коммунистов-гэбистов охотно дают ссуды дельцам из некогда всемогущей партийно-правительственной номенклатуры, причем собственно коммерческие соображения оказываются на заднем плане. Экономическому подъему страны такого рода "бизнесмены" способствуют, как правило, ничтожно мало, а вот на разного рода махинации по

* Не говоря уже о благополучно перекочевавших в свое время на зарубежные банковские счета многих миллиардов долларов КПСС, любопытна также заметка в одной из западногерманских газет. "Федеральная разведывательная служба,- писала она,- доложила 12 января 1990 г. боннскому правительству о том, что в конце 1989 или в начале 1990 г. фирма ИМПАГ, служащая прикрытием Главного управления по разведке МГБ ГДР, предложила швейцарской компании "Йенцен АГ" купить в общей сложности от 50 до 100 тонн золота. При этом представители "штази" предлагали это золото по цене на 10% ниже мировой. Об этом стало известно из надежных источников. Ежедневно,- подчеркивалось в секретном донесении БНД,- в Швейцарию должно было поступать до тонны золота в слитках весом по 12,5 кг. Рыночная стоимость проданного золота составляла, по оценкам разведслужб ФРГ, от одного до двух миллиардов марок" (Das Bild. 30.III.1994).

личному обогащению они весьма горазды. Нет ничего удивительного в том, что в некоторых странах, например в Сербии и Румынии, бывшие компартии вкупе с поддерживающими их экономическими элитами используют свои хорошо отработанные организационные мощности также для подавления роста других, прежде всего оппозиционных им партий.

Все это, кстати, начинает осознаться зарубежными демократическими силами, представители которых подчеркивают, что "вовсе не партии левого центра нуждаются в дипломатической и интеллектуальной поддержке Запада, а силы правого центра. Помимо идеологии, сильная правоцентристская или консервативная политическая альтернатива, полностью отсутствующая в Польше, Словакии и на Украине, составит политическую конкуренцию бывшим коммунистическим элитам и внесет элемент конкуренции в экономическую систему. Сильный правоцентристский премьер-министр Вацлав Клаус позволил провести в Чешской Республике приватизацию быстрее и шире, чем в любой другой стране региона"⁵.

Как это конкретно происходило в Чешской Республике, какие обусловило результаты и породило проблемы, подробно рассказывается в одной из статей настоящего издания. Социально-экономической стороне развития восточноевропейских стран за истекшие пять лет со времени памятных для них конца 1989 -- начала 1990 г. уделено в нем большое внимание. И в первую очередь речь идет, естественно, о приватизационных процессах -- ключевых с экономической точки зрения для всего переходного периода к рыночному хозяйствованию.

Что касается, скажем, факта отсутствия в некоторых восточноевропейских странах сильной правоцентристской или консервативной оппозиции, то представляется, что статья о такой партии современной Польши, как Либерально-демократический конгресс, несколько прояснит для читателя вопрос о причинах пока что более чем скромного места этой

партии правоцентристской ориентации на польской политической сцене. Вообще же можно надеяться, что все помещенные в этом издании статьи будут интересны для читающей публики, в первую очередь, конечно, для специалистов, ибо публикации по новейшей истории восточноевропейского региона сократились до ничтожного минимума.

Причин такого в исследовательском плане катастрофического, а в политическом – просто преступно близорукое положения можно назвать несколько, но главная из них: вольная или невольная политика государственного бюджетно-финансового удушения российского академического общественно-научного сообщества, соответствующих научных периодических и иных изданий и т.д. Вот и в настоящем сборнике из-за отсутствия некоторых специалистов представлены не все страны восточноевропейского региона. Число весьма ценных исследователей из-за ничтожно низкой оплаты их труда, к сожалению, сокращается, а ведь это через очень небольшое время негативно скажется на интеллектуальном уровне в целом и профессиональном в частности наших политиков, дипломатов, торговых представителей и всех других россиян, которым придется работать в соответствующих странах, соприкасаться так или иначе с их населением.

Западные дипломаты, к слову сказать, имеют возможность знакомиться с достаточно обширной научной и публицистической литературой об этих странах. Там ее не только научное, но и большое политическое значение власть предержащие хорошо понимают, и нужные ассигнования находят. Это в западных, а не в наших публикациях мы сталкиваемся с рекомендациями тамошним дипломатам, которые «должны быть заинтересованы в центральноевропейских правых и в здоровых националистических движениях во всей Восточной Европе. Ни "националистические", ни даже "патриотические" чувства вовсе не обязательно являются симптомом антидемократических тенденций. Одно из немногих чувств, способных удержать хорошего словацкого ученого в Словакии или

талантливому украинскому предпринимателю на Украине, – это патриотизм»⁶.

Наши же так называемые демократы зациклились на опасности красно-коричневых, о чем не устает предостерегать в своих многочисленных интервью и главный российский дипломат, а всех патриотов они склонны отождествлять с воинствующими членами небезызвестного общества "Память", т.е. с откровенно антидемократической силой. В восточноевропейских странах такой примитивизм в мировоззренческом смысле и политической деятельности уходит уже в прошлое. Эти страны делают шаги по пути европеизации, органического включения в соответствующие коллективные структуры континента. Хотя движение по пути европейского объединения является далеко не простым и не скорым. "Европейская интеграция, – пишет в одной из своих статей министр иностранных дел ФРГ Клаус Кинкель, – это формула, избавившая нашу часть континента от заколдованного круга европейских войн. Государства – члены Европейского союза должны сейчас обрести совместную идентичность в плане безопасности и обороны. Европа должна иметь возможность говорить одним голосом, если она намерена заставить прислушиваться к себе. Сопровождающий этот процесс отказ от национального суверенитета равнозначен для многих государств болезненному отказу от прежнего мышления. Совместная внешняя политика и политика безопасности потребует в рамках ЕС более эффективных структур принятия решений, тем более, что число членов будет расти и дальше. И этот вопрос придется обсудить на конференции по обзору в 1996 г. Европейский союз открывает двери для государств Центральной и Восточной Европы. Политика расширения ЕС – это также и политика безопасности. Надежная безопасность появится в Европе только в том случае, если наш континент не будет вновь разделен границей различий в благосостоянии"⁷.

Границы различий в благосостоянии еще достаточно высоки между западноевропейскими странами, с одной сторо-

ны, и странами Центральной и Юго-Восточной Европы – с другой. Потребуется не одно десятилетие, чтобы барьеры тут стали преодолимыми. Что же касается России, эти границы в обозримом будущем вообще непреодолимы. Да и слова Кинкеля об отказе хотя бы от части национального суверенитета в пользу коллективных европейских институций просто, наверное, режут ухо различным представителям нынешних российских властей, воспитанных в советских традициях опоры прежде всего и главным образом на собственные силы. Да потом и по многим другим критериям Россия еще очень далеко отстоит от насущных проблем европейской интеграции. Чтобы подумать об этих проблемах всерьез, надо суметь подняться над злобой нынешнего сумрачного российского дня, когда почти всем государственным функционерам – от президента и его окружения до какого-нибудь Бабурина или Анпилова – заливает глаза (и естественно мешает видеть вдаль) липкий пот бесконечной и беспардонной борьбы за власть и весь связанный с обладанием ею материально-снабженческо-охранный антураж. Этой борьбе они готовы принести в жертву все на свете, а слов про совместную идентичность просто не знают или знать не хотят. Недалеко от истины был здесь бывший президент Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали, который на встрече с группой журналистов из Франко-русской ассоциации печати заметил, что "из многочисленных бесед с представителями российских властей и деловых кругов самого различного уровня, а также информации из других источников у меня сложилось свое мнение об основной причине экономического и финансового кризиса, переживаемого Россией. Это царящая повсеместно психология временщиков"⁸.

Однако хватит о России, это в конце концов не предмет исследований для данного сборника. Возвращаясь же к его содержанию, остается сказать, что авторами отдельных статей выступили следующие сотрудники отдела современной

истории и социально-политических проблем Института славяноведения и балканистики РАН: доктора исторических наук Б.Й.Желицки, Э.Г.Задорожник, Н.В.Коровицына; доктор философских наук Ю.С.Новопашин; кандидаты исторических наук Е.Л.Валева, Ю.Ф.Зудинов, О.Н.Майорова, В.В.Мирошников и Г.Ю.Харциева.

Примечания

- 1 Newsday. 23.XII.1993.
- 2 Труд (София). 1.XII.1994.
- 3 The Wall Street Journal. 2.XII.1994.
- 4 Московский комсомолец. 24.XII.1994.
- 5 The Wall Street Journal. 2.XII.1994.
- 6 Ibidem.
- 7 Die Welt. 30.XI.1994.
- 8 Мир и мы. (Вестник ИТАР-ТАСС). 13.X.1994. С.8.

Ю.С. НОВОПАШИН

Болгария в середине 90-х годов: по-прежнему на перепутье

Посттоталитарный период в Болгарии насыщен противоречиями, а порой и драматическими событиями, неоднозначно воспринимаемыми отдельными группами населения. Развитие страны не имеет пока четко обозначенного, устойчивого курса, ясных целей и перспективы. Вполне очевидно, с чем распрощалось, от чего отреклось болгарское общество в конце 1989 г.: от образа жизни, определяемого тоталитарным, хотя и относительно "мягким" режимом, от набившего оскомину авторитарного правления, плодившего массу некомпетентных, паразитирующих, но внешне преданных "первому лицу" партийных и государственных чиновников всех рангов, угодливых идеологов и др.; от растущего обилия социально-экономических и иных проблем, часто выступающих в форме повседневных житейских трудностей, возможности решения которых в существовавших условиях представлялись сомнительными.

Но отказ от чего-либо далеко не всегда ведет к быстрому приобретению нового, всеми тем более приемлемому, желаемому. Известно также, что потерять легче, чем найти, если к тому же единое представление относительно содержания этого "нового" и путей его достижения отсутствует и разброс мнений весьма велик. Здесь и полное отрицание минувшего, связанного с "реальным социализмом", наделение его исключительно негативными характеристиками. Налицо также ностальгические мотивы, хотя вряд ли найдутся сейчас сколько-нибудь известные партии, движения, политические деятели (если они не стопроцентные маргиналы), которые оспаривали бы необходимость утверждения демократии, введения в той или иной степени рыночных отношений и т.д. или же ратовали за полный возврат к прошлому. Даже

наиболее твердые, ортодоксальные приверженцы коммунистической и социалистической идеи резко осуждают "живковские" деформации и извращения социализма.

В сегодняшней Болгарии практически все общественно-политические объединения и их лидеры, более или менее существенно влияющие на социально-экономическую, политическую и идеологическую ситуацию в стране, широко используют в своем лексиконе "рыночные" понятия, пытаясь, разумеется, утвердить свое видение соответствующих проблем. При этом, как отмечается в одной публикации в болгарской печати, и теоретики, и практики считают излишним вопрос, есть ли в Болгарии почва для рыночной экономики. Однако, вопреки единодушному положительному ответу, в реальной жизни все обстоит гораздо сложнее. В мире, отмечает автор, существуют различные типы рыночной экономики: один – в США, Западной Европе, Японии; другой – в Латинской Америке и некоторых азиатских странах; третий – в Африке; четвертый – в "банановых" республиках. Болгарская рыночная экономика не похожа ни на один из названных типов. Очевидно, внедрявшийся в свое время в сознание тезис о специфике строительства социализма в каждой стране укоренился столь глубоко, что стремление к "специфичности" сохраняется и в наши дни, и она проявляется в соответствующих (весьма негативных) результатах. Автор напоминает также, что еще недавно предполагалось за сравнительно короткий срок ввести в Болгарии "шведскую модель" общественного развития, сторонником которой является и нынешний президент страны. Выдвигались теории и лозунги, что всем гражданам будут обеспечены "равные стартовые возможности", а тяготы кризиса пропорционально распределены на все слои населения и т.д. Сейчас все это "отшумело", практически забыто¹.

Многие болгарские политики, ученые, публицисты, как и ряд зарубежных экспертов, в основном негативно оценивают нынешнюю социально-экономическую ситуацию в

стране, динамику и другие конкретные проявления экономической реформы, становления рыночного хозяйства (о некоторых из этих оценок будет сказано ниже). Естественно, хотя при этом зачастую используются почти одни и те же фактические данные, в их интерпретации явно просматриваются определенные политические позиции. Во многом справедливым представляется, в частности, суждение, что рыночные реформы, проводимые в Болгарии (и не только в ней), ставят перед собой прежде всего политические цели, связанные со сменой общественной системы. Возвышение политической целесообразности над всем другим ведет к непродуманному разрушению жизненно важных экономических структур. Похоже, Болгария стала жертвой новой утопии, когда термины "приватизация", "рыночное хозяйство" используются в качестве магических заклинаний, которые призваны чудесным образом излечить все "болячки". Но подобные басни, преподносимые широкой публике, не имеют ничего общего с реальной экономикой².

Какова же эта реальность? Народное хозяйство Болгарии уже сравнительно давно, по крайней мере в течение последнего десятилетия переживает спад. Ответственность за него было бы неправомерно, если отвлечься от сугубо политизированных и идеологизированных оценок, возлагать или только на коммунистов (апологетов централизованного планового хозяйства), или только на радикал-демократов (жестких сторонников либеральной экономики). Свой вклад в формирование нынешней социально-экономической ситуации в стране внесли и те, и другие, и не только они (в данном случае речь не идет о величине этого вклада, о мере ответственности какой-либо стороны).

* * *

Известно, что в живковской Болгарии целеустремленно, в соответствии с "общими закономерностями", а также "национальными особенностями", нередко довольно своеобразно трактуемыми, возводилась так называемая материально-техническая база социализма. В ходе ее создания произошла самая тесная привязка болгарской экономики к социалистическому рынку, главным образом к советскому. Но вместе с тем достаточно явно просматривались и определенные тенденции к автаркии, стремление в максимально возможном объеме и ассортименте "заиметь" у себя в стране основные, претижные (или кажущиеся таковыми) отрасли промышленности. Это было время осуществления многочисленных амбициозных проектов, весьма дорогостоящих, зачастую экономически плохо просчитанных, но всегда обильно обеспечивавшихся в идеологическом плане. Можно, например, вспомнить, что в 70-х годах какое-то время один из главных лозунгов официальной пропаганды (кстати, остро обыгрываемый в анекдотах) гласил: "Болгария – техническая нация"; Т.Живков вынашивал замысел превратить Болгарию в "мини-Японию", а в директивных партийных документах была поставлена цель вывести Болгарию к концу XX - началу XXI в. в число наиболее передовых в экономическом отношении государств мира.

Как правило, большинство подобных начинаний не было подкреплено наличием внутренних сырьевых, энергетических, людских (кадровых) ресурсов. В ряде случаев не было и надежного, устойчивого и перспективного рынка, даже с учетом не особо разборчивого, склонного многое прощать советского потребителя. Тем не менее в Болгарии возводились предприятия металлургии, машиностроения, химии, большинство из которых оснащались зарубежным оборудованием, работали на привозном сырье (основным поставщиком был СССР); началось строительство крупнотоннажных танкеров, развивалась электронная промышленность и т.д. Все это поглощало колоссальные, по масштабам страны, материаль-

ные и финансовые (включая валютные) средства и, в частности, повлекло за собой упадок традиционных отраслей – текстильной, пищевкусовой, сельского хозяйства. Сложившийся в Болгарии в период строительства "развитого социализма" народнохозяйственный комплекс стал поистине "само-едским" – около 90% производственных фондов были заняты "самообслуживанием" и лишь немногим более 10% давали продукцию для потребительского рынка. Следует заметить, что некоторые объекты тяжелой индустрии возводились в Болгарии даже вопреки рекомендациям "старшего брата" – Советского Союза.

Характерным моментом социально-политического развития Болгарии в рассматриваемый период явилось огосударствление всех сфер народного хозяйства и, как следствие, радикальная, если исходить из "ленинских критериев", трансформация социально-классовой структуры общества. Так, согласно официальной статистике, с 1965 г. по 1975 г. удельный вес рабочего класса увеличился с 42% до 60,6%, служащих (включая интеллигенцию) – с 16,7% до 23,2%, доля кооперированных крестьян снизилась с 37,5% до 14,4%, а в графе "крестьяне-единоличники" в обоих случаях стоял прочерк³. Кроме того, показатель "кооперированные крестьяне" был во многом формальным, ибо болгарские сельскохозяйственные кооперативы по существу являлись государственными предприятиями, включенными в систему централизованного планового управления. Формирование подобной социально-классовой структуры, в которой удельный вес лиц, связанных с государственным сектором народного хозяйства, превышал аналогичные показатели экономически более развитых "братских" стран (ГДР, ЧССР), обеспечивалось преимущественно административно-командными методами. Абсурдность подобной политики, ее ущербность в практическом и моральном плане сказались довольно скоро и выразились в ухудшении количественных и качественных характеристик производства, росте технического и технологи-

ческого отставания, в массовом ослаблении мотивации к труду и т.д. Тем не менее высшее болгарское руководство продолжало "плодотворно" теоретизировать и экспериментировать в деле "дальнейшего совершенствования" социалистического строительства; всему миру с гордостью возвещалось о достигнутых успехах, одним из главных среди которых значилось быстрое становление пресловутой "социальной однородности". С целью придания правдоподобия победным реляциям, "дежурной" демонстрации приверженности к критическим мышлению и подходам запускалось в оборот и традиционное признание наличия слабостей, деформаций, которые обычно списывались на "субъективные искривления" правильной генеральной линии, на внешние факторы и т.п.

Однако реальная жизнь все более не соответствовала политическим и идеологическим декларациям. В частности, все очевиднее проявлялись порочность хозяйственного механизма и безнадежность попыток повысить его эффективность, не выходя при этом за "социалистические рамки", точнее – что подразумевалось под таковыми. Думается также, что правящая верхушка, ее консервативная (и наиболее влиятельная) часть или не придавала значения такому важнейшему фактору, как смена поколений, перемены в качественном составе населения страны, или же просто не сумела найти достаточно действенных "верных ходов", чтобы учесть это фактор. Постепенно отходили от активной общественно-политической жизни те, кто непосредственно "делал революцию", энтузиасты первых лет социалистического строительства. Идущая им на смену новая возрастная генерация была качественно иной. Для ее мировоззрения было характерно увеличение удельного веса реализма, прагматизма. Это мировоззрение определялось более высоким образовательным и профессиональным уровнем, расширяющимися возможностями сравнения социально-экономического положения в своей стране с ситуацией в развитых государствах Запада и т.д. Однако не только для поколения молодых, но и самых

широких слоев населения Болгарии все более очевидным становился идеологический цинизм "верхов" и их "подпевал", который, в частности, наглядно иллюстрировался фактическим переходом так называемой "общенародной" собственности в руки руководящей элиты, партийно-чиновничьей бюрократии. Формировался слой подлинных, а не "плакатных" хозяев, и это являлось одним из главных звеньев углубляющегося процесса нового разделения на "верхи" и "низы", отчуждения народа от экономической и политической власти. Его все труднее было маскировать периодическими кадровыми перегрясками, лозунгами о дальнейшем расширении социалистической демократии, "новыми концепциями социализма", призванными, несмотря на кажущийся радикализм, произвести косметический ремонт системы, сделать ее внешне более привлекательной и для своего народа, и для мировой общественности.

Ставшие в 80-е годы чуть ли не нормой провалы в экономической политике, систематическое невыполнение народнохозяйственных планов соответствующим образом отражались на жизненном уровне населения, на массовых настроениях. Ширились масштабы "социальной усталости", таяла вера в выполнимость решений партийных съездов, конференций, пленумов ЦК и других директивных документов, в которых, при всем разнообразии проблематики обсуждаемых вопросов, неизменно проводился по существу один из главных тезисов: вот теперь-то руководство нашло единственно верное решение, определило самые оптимальные пути и средства быстрого преодоления "временных трудностей", устранения допущенных ранее (как правило, по вине отдельных недобросовестных или нерадивых деятелей) ошибок, приближения недалекого "светлого будущего" и т.п.

Внутренние проблемы Болгарии органически переплетались с внешними негативными экономическими, политическими и идеологическими факторами, в совокупности своей свидетельствовавшими о несостоятельности модели общест-

венного строя, функционировавшей в государствах "социалистического содружества". Особенно болезненным для Болгарии стало прогрессирующее, вызванное объективными и субъективными причинами ослабление экономических связей с СССР, которые со стороны последнего имели в немалой степени "попечительский", патерналистский характер, позволяя, в частности, "болгарским друзьям" решать некоторые свои проблемы за счет, например, резкспорта советской нефти, льготных кредитов или просто безвозмездной помощи. При этом, разумеется, от развала советско-болгарского сотрудничества теряли и теряют по сей день обе стороны. И распад СЭВ ни в какой другой европейской бывшей социалистической стране не сказался, пожалуй, столь разрушительно, как в Болгарии.

Крайне отрицательно и на внутреннем положении, и на международном имидже Болгарии отразился инициированный правящей верхушкой печально известный "возродительный процесс", когда была предпринята, казалось бы, невозможная в современной Европе, не совместимая с общепринятыми политическими и нравственными нормами попытка одним махом решить проблему турецко-мусульманского меньшинства, обеспечить "гомогенность" болгарской нации. Думается, что здесь присутствовал не афишируемый "генеральный" замысел – отвлечь внимание населения от растущих социально-экономических неурядиц, их действительных причин. Этот замысел не только не удался, но еще более обострил общественно-политическую ситуацию, а его последствия называются и по сей день

Провозглашенный в середине 80-х годов в СССР курс на перестройку стал мощным стимулом для распространения в болгарском обществе оппозиционных настроений – до этого местное диссидентство чем-то особо громким и масштабным о себе не заявляло и носило в основном латентный характер. Кроме того, объект этих настроений был в существенной мере персонифицирован, и адресовались они конкретным

представителям правящей верхушки. Негативное отношение к власти отнюдь не всегда имело принципиально антисоциалистическую окраску и часто (в "обывательском" контексте) было скорее "антиживковским". Однако продолжающееся ухудшение социально-экономического положения страны, явный консерватизм Живкова и его ближайших соратников на фоне демократических процессов в других восточноевропейских государствах накапливали в обществе мощнейший антисоциалистический, антикоммунистический потенциал. Можно также добавить, что сам Т.Живков в последние годы своего правления и после ухода с политической сцены неоднократно выражал разочарование в социализме, сомнения в его жизнеспособности на болгарской почве.

В Болгарии был, вероятно, возможен драматический "румынский" вариант свержения коммунистического тоталитаризма. До такого поворота событий дело не дошло во многом благодаря тому, что по мере накопления в обществе взрывоопасных настроений, подошедших к критической черте, внутри высшего партийно-государственного руководства также оформилось реформаторское крыло. Его представители видели гибельность сохранения у власти Т.Живкова и им удалось сравнительно безболезненно, мирно убрать его в отставку, предотвратив вполне возможный стихийный социальный взрыв с непредсказуемыми и неуправляемыми действиями "толпы".

* * *

Пять лет, прошедшие после свержения в Болгарии тоталитарного режима, – не столь большой срок в общесоциальном аспекте, но вместе с тем и достаточно велик, если речь идет о крутом, революционном повороте в развитии общества. Начавшийся в конце 1989 г. переход от тоталитаризма к демократии можно условно разделить на несколько периодов, каждому из которых, помимо общих,

определяющих характеристик (демонтаж старой и формирование новой общественной системы, ее социальных, экономических и политических структур и институтов), присущи и определенные специфические черты. Вначале имел место так называемый "болгарский феномен", когда примерно в течение года после отстранения Т.Живкова компартия, переименованная весной 1990 г. в социалистическую (БСП), находилась у власти и сумела выиграть в июне 1990 г. парламентские выборы, проведенные на многопартийной основе. Разумеется, это не было прежним всевластием – и в названный период экс-коммунисты теряли свою социальную базу, постепенно, но неуклонно вытеснялись из управляющих структур на всех уровнях, уступив, в частности, оппозиции пост президента страны. Ушло в конечном счете в отставку и правительство социалистов, возглавлявшееся А.Лукановым, хотя БСП и имела большинство в парламенте.

Утрата социалистами высших государственных постов, когда они еще сохраняли положение партии парламентского большинства, подлинные глубинные причины подобных "уступок" вызвали различные суждения, предположения, догадки, тем более, что публичные "официальные" объяснения по этому поводу далеко не всех удовлетворяли. Довольно расхожим является мнение, что неспособное справиться с углубляющимся социально-экономическим кризисом правительство А.Луканова подало в отставку перед угрозой общенациональной забастовки. Такое объяснение нельзя сбрасывать со счетов, как и нельзя признать его исчерпывающим, указывающим на главные причины ухода правительства. Угроза забастовки – это еще не сама забастовка, и неизвестно, состоялась ли бы она, останься социалистическое правительство у власти. Думается, последнее оказалось жертвой двойственности своего положения. С одной стороны, правительство не могло, конечно, игнорировать содержащиеся в документах БСП, в ее предвыборной платформе заверения, обещания облегчить тяготы кризиса,

ударившего прежде всего по благосостоянию трудящихся, широких масс населения, с другой – оно стояло перед объективной необходимостью проведения экономической реформы, сопряженной с непопулярными мерами, немалыми социальными издержками.

В этой связи представляет интерес суждение, согласно которому антикоммунистический Союз демократических сил (СДС) и БСП приняли формулу "ваш президент – наш премьер-министр", которая могла бы использоваться долго. Но перед неизбежной либерализацией цен и, соответственно, их ростом социалисты решили отдать власть противнику, чтобы последний и осуществил больше приличествующий "правым" политикам переход к рыночному хозяйству. Расчет был простой: СДС "вводит капитализм", БСП ("красные") критикует его "слева", после чего возвращается к власти на "белом коне", исправляет недостатки строя, внося социальные коррективы. Новая "красная" стратегия состоит в конструировании левоцентристской коалиции и выдвигании центристской программы⁴.

С 1991 г. в Болгарии начался период "несоциалистического управления". БСП, проиграв парламентские выборы (хотя и далеко не так сокрушительно, как прогнозировали и желали ее оппоненты), стала оппозиционной партией, сохранив при этом позиции влиятельной политической силы. За период этого управления в стране функционировало три состава правительства; в двух случаях его возглавляли беспартийные, в одном – лидер СДС, и сформировано оно было в основном из демократов радикального, ярко антикоммунистического толка. Все эти кабинеты декларировали свою приверженность демократическим и рыночным преобразованиям (что в принципе не встречало возражений в общественно-политических кругах различной ориентации), высказывали намерения ускорить темпы и оптимизировать содержание экономической реформы с целью вывода страны из кризиса и т.д. Естественно, у этих трех правительственных

составов были расхождения, иногда существенные, в их конкретных программах, в иерархии выдвигаемых задач и подходах к их решению. Но во многом общими оказалась судьба данных правительств, основные результаты их деятельности: ни одно из них, в силу различных объективных и субъективных причин, не смогло до конца осуществить свои намерения и особо преуспеть в преодолении социально-экономического кризиса.

Для посткоммунистических государств Восточной Европы характерны быстрые темпы политических преобразований по сравнению с экономическими⁵. В Болгарии эти "ножницы" весьма заметны, что отмечается ведущими политическими деятелями страны. Так, президент республики Ж.Желев заявил, что демократические процессы, демократические завоевания в стране в целом стали стабильными и необратимыми. Создана многопартийная система, функционируют независимые профсоюзы и средства массовой информации, другие элементы гражданского общества. Говоря о конкретных достижениях посттоталитарной Болгарии, Ж.Желев назвал в первую очередь именно существование в стране демократии, хотя и отягощенной определенными проблемами; во-вторых – осуществление перехода к демократии и рыночной экономике мирным путем, без эксцессов; в-третьих – разумное решение проблемы межэтнических отношений. Вместе с тем, отметил президент, страна очень запоздала с началом приватизации; отсутствуют инвестиции (Болгария находится на одном из последних мест по объему иностранных инвестиций, что напрямую связано с опозданием в деле экономических реформ)*; наблюдается рост преступности, появление мафиозных структур⁶.

* Объем иностранных инвестиций в Болгарии составил к середине 1994 г. менее 400 млн долл. Для сравнения можно отметить, что в бывшую ГДР ежегодно вкладывается около 1/4 федеральных расходов ФРГ, или 100 млрд долл. (что составляет примерно 5 годовых ВВП Болгарии). При том, по мнению германских специалистов, для выравнивания восточных

В приведенных президентом оценках прозвучал и определенный оптимизм, и серьезное беспокойство. Бесспорно, однако, что позитивные явления в нынешней болгарской действительности при всей их безусловной значимости не снимают остроты множества проблем, подрывающих политическую стабильность, создающих почву для социальной напряженности, конфликтов.

В стране продолжается затянувшийся, хотя и несколько замедлившийся в последнее время экономический спад. В целом за период с 1990 по 1993 г. реальный объем внутреннего валового продукта (ВВП) сократился на 40%, национального дохода – на 50%, уровень промышленного производства снизился почти на 50%, строительства – на 77%, сельского хозяйства – на 36%. Указанные процессы соответствующим образом отразились на жизненном уровне населения. При формировании относительно тонкого слоя богатых более половины болгар живут на уровне или ниже черты бедности. Потребительские цены за указанный период возросли в 17 раз, а реальные доходы сократились в 3 раза. Численность официально зарегистрированных безработных в конце 1993 г. превысила 600 тыс. человек, что составляет свыше 16% активного населения⁷. По этому показателю Болгария занимает одно из первых мест в Восточной Европе.

Одним из важнейших симптомов неблагополучия в социально-экономической сфере является нестабильность национальной денежной единицы и рост внешней задолженности. Уровень инфляции в Болгарии составил в 1992 г. около 80%, в 1993 г. – 64% (по другим оценкам – свыше 70%), в первом квартале 1994 г. – 16,6% (вместо земель с земель с

земель с западными по эффективности производства понадобится 20-25 лет. Какой же срок, какие финансовые средства нужны тогда Болгарии, чтобы достичь уровня развитых стран? (см.: *Отечествен вестник*. I.VI.1994; *Сегодня*. 23.VIII.1994.). Конечно, немцы вкладывают в 1992 г. восточные земли свои, а не зарубежные средства, но в данном случае речь идет не столько об источниках, сколько о масштабах инвестиций.

прогнозируемых 10%). Дополнительным бременем для большей части населения явилось введение с 1 апреля 1994 г. налога на добавленную стоимость, повышение цен на электроэнергию и бензин. Только в течение месяца с момента этой акции инфляция составила 21,7%, продукты питания подорожали на 26,3%, промышленные товары – на 19% и услуги – почти на 16%. В целом за январь-апрель 1994 г. розничные цены возросли на 41,9%. Внешняя задолженность Болгарии составила к середине 1994 г. свыше 12 млрд долл. Весной 1994 г. произошел серьезный "срыв" на валютном рынке страны. До этого курс болгарского лева по отношению к американскому доллару был сравнительно стабилен, на уровне 22-24:1. К марту 1994 г. официальный курс составил уже 38:1, а к концу месяца – 65:1 (в обменных пунктах доллар был еще дороже). В апреле ситуацию удалось несколько поправить и стабилизировать – цена одного доллара по официальному курсу установилась на уровне 51-53 лева⁸.

Нынешние социально-экономические трудности, переживаемые Болгарией, обусловлены, как уже отмечалось, не только объективными причинами, наследием прошлого, но и крупными просчетами, ошибками, непоследовательностью и нерешительностью, допущенными уже в процессе перехода к рыночной экономике. По существу первые, действительно радикальные меры по трансформации планового хозяйства в рыночное были предприняты в начале 1991 г. и носили сугубо монетаристский характер – была осуществлена либерализация цен без какой-либо структурной реформы. О том, что подобный подход был ошибочен и повлек за собой серьезные негативные последствия, говорят не только болгарские, но и зарубежные специалисты. Так, по мнению австрийских экспертов, для "шоковой терапии" Болгария не была подготовлена; либерализация цен при наличии монопольных структур обусловила инфляцию при одновременной потере как внутреннего, так и внешнего рынка⁹. Свою роль сыграли здесь и международные валютные институты, применившие в

Болгарии методы, опробованные в развивающихся странах, где уже существовали определенные рыночные отношения¹⁰.

К главным слабостям экономической реформы в Болгарии многие политики и специалисты (как местные, так и иностранные) относят не только ее запоздалый старт, отсутствие реальных структурных преобразований, но и медленные темпы, противоречивые подходы к решению ключевой проблемы реформы – приватизации. Весной 1994 г. президент Ж.Желев прямо и открыто обвинил правительство (возглавляемое, кстати, его бывшим экономическим советником – профессором Л.Беровым) в "отсутствии" приватизации¹¹. Во время пребывания в Болгарии в декабре 1993 г. бывшая в то время генеральным секретарем Совета Европы К.Лаломьер отметила замедление реформ и приватизации в стране, считая при этом, что за бездействием правительства стоит определенная политическая сила¹². По опубликованному в болгарской печати в начале 1994 г. мнению экспертов из западно-германских промышленных кругов, приватизация в стране, если она будет осуществляться нынешними темпами, завершится через 20 лет. Болгария, считают названные эксперты, находится на последнем месте среди государств Восточной Европы по темпам и масштабам разгосударствления¹³. Президент Всемирного банка Д.Уиллгот заявил, что методы приватизации, применяемые в Болгарии, "болезненно медленны"¹⁴. Однако, несмотря на столь "высокую" критику, к тому же, на наш взгляд, не всегда учитывающую болгарскую специфику, было бы неправомерно утверждать, что в стране не было достаточно видимых подвижек в деле разгосударствления, приватизации (включая реституцию).

В конце 1993 – начале 1994 г. в частную собственность перешло около 50% земли, более 60% сферы розничной торговли и услуг. Примерно 3% болгарских граждан стали владельцами небольших магазинов, мастерских. К тому времени более 34% реституционных исков относительно восстановления прав собственности на землю было удовлет-

ворено и введено во владение свыше 35 тыс. собственников. В целом частный сектор охватил до 25% экономики, около 18% ВВП, 13% промышленного производства, 52% розничного товарооборота¹⁵.

Приватизацию промышленности, особенно крупных предприятий, проводить, естественно, сложнее, если к тому же учесть, что более 90% ее основных производственных фондов создано в период социалистического строительства и претендентов на реституцию здесь ждать не приходится. Тем не менее необходимость приватизации в этой отрасли очевидна, и она (в обстановке острых политических, отнюдь не всегда корректных споров) с определенной непоследовательностью, но все-таки проводится. Нужно также отметить, что колебания в этой области проявляли обе "ветви власти" – и правительство, и парламент, причем амплитуда этих колебаний не всегда совпадала.

Кабинету Л.Берова, которому вплотную пришлось заняться проблемами приватизации (это было главным пунктом правительственной программы), нужно было сделать выбор между двумя ее вариантами – "рыночным" ("денежным") и "массовым" ("народным", "социальным"). Внутри правительства шли по этому поводу споры, прозвучали обвинения, что премьер-министр блокирует рыночную приватизацию¹⁶. В итоге предпочтение было отдано второму варианту без, однако, исключения первого, тем более, что у него было и остается много приверженцев и среди теоретиков, и среди практиков.

В 1993 г. в ходе "денежной" приватизации через занимающийся этими вопросами орган – Агентство по приватизации – была продана государственная собственность на сумму около 500 млн левов. Руководство Агентства расценило эти результаты как хорошие. Однако зарегистрированный капитал государственных предприятий превышает названную сумму примерно в 1000 раз. Нетрудно подсчитать, на сколько лет растянется в Болгарии процесс приватизации, если

последняя будет культивироваться только в "денежном" варианте и пойдет такими же, как в указанном году, темпами¹⁷. Правда, летом 1993 г. совет министров Болгарии принял принципиальную схему "массовой" приватизации, к осуществлению которой намечалось приступить в первой половине 1994 г. Но парламент не сумел своевременно принять необходимый нормативный документ, и сроки начала массовой приватизации пришлось отложить в лучшем случае на конец года.

В список подлежащих разгосударствлению объектов включено 500 промышленных предприятий (их перечень будет уточняться). Примерно на 10% из них предъявлены реституционные иски, общая сумма которых, однако, не очень велика и будет возмещена акциями. Примечательно, что в список попали убыточные предприятия, отягощенные долгами. Последние также будут приватизироваться¹⁸.

Совладельцем приватизируемых предприятий может стать каждый болгарский гражданин старше 18 лет и проживающий в стране. Он, однако, получит от государства не "подарок", а льготный кредит в виде "приватизационного удостоверения" (бона), стоимостью 25 тыс. левов. При его получении нужно заплатить 500 левов, а остальная часть стоимости бона должна погашаться по номиналу шестью равными взносами в период 1999–2005 гг. Владелец бона может инвестировать его в то или иное, по своему выбору, предприятие. Возможно посредничество между приватизируемыми объектами и "бонодержателями" со стороны инвестиционных банков. Болгарская схема массовой приватизации во многом схожа со схемой, реализованной в Чехии. Будет ли она успешной в Болгарии, зависит от множества объективных и субъективных факторов, не в последнюю очередь – от "расторопности" законодателей, от общественно-политической ситуации в стране в целом. А эта ситуация, вероятно, не изменится к лучшему. В сентябре 1944 г. подало в отставку

правительство Л.Берова¹⁹; на декабрь были назначены новые парламентские выборы.

Однако проблему приватизации, ее темпы, характер нельзя связывать только с взаимоотношениями между ветвями власти и внутри каждой из них, расстановкой и влиянием тех или иных политических сил и т.п., придавая этим факторам определяющее значение. Приватизация – во многом объективный процесс, и для его нормального развития нужны соответствующие предпосылки и условия, включающие много составляющих. Так, согласно уже цитированному выше мнению западногерманских экспертов, причинами медлительности приватизации в Болгарии являются, помимо прочего, и отсутствие инвестиций, неблагоприятное состояние важных элементов инфраструктуры. Вполне справедливым представляется также мнение, что на темпы и глубину рыночных преобразований сильное влияние оказывает такое наследие прошлого, как распространенная среди населения атмосфера апатии, отсутствие инициативы, боязнь взять на себя ответственность. Здесь необходима перемена менталитета, формирование "рыночной культуры", а это – длительный процесс. В этой связи перед властями стоит важнейшая задача – содействовать ориентации граждан к рынку, стремлению к нормальной, "цивилизованной" конкуренции, т.е. создавать необходимый климат для формирования и развития нового среднего класса²⁰.

Нормальный ход приватизации, доверие к ней населения подрывают и некоторые сопутствующие ей явления, известные не только в Болгарии. В болгарском обществе выражаются вполне обоснованные опасения, что "массовая", "народная" приватизация в ряде случаев подменяется "номенклатурной", "растаскиванием государственной собственности новыми и сохранившими свои позиции старыми государственными и хозяйственными чиновниками, теневыми структурами.

Так, в одной из публикаций в болгарской печати утверждается, что вопрос, какая приватизация осуществляется в стране – массовая или мафиозная? – отнюдь не риторический, а чисто прагматический. Приватизация – не миф, не утопия, а реальность, истоки которой лежат в 80-х годах, когда начался распад коммунистической империи и ее трансформация в "мафиозно-капиталистическую", в дикий, варварский капитализм, не виданный в человеческой истории. "Перестройка" стала политической базой для этой зловещей трансформации, которая захватила в свои сети немало добронамеренных, но заблуждающихся людей. Она (перестройка) являет собой отравленный эрзац, заменитель действительного рыночного перехода на этапе посткоммунистического общества. В Болгарии указанная трансформация была задумана за несколько лет до внутрикоммунистического переворота, состоявшегося в конце 1989 г., и сразу же вступила в действие. Как бы из небытия возникла целая плеяда "бизнесменов", "банкиров", "реформаторов", которые сегодня решают судьбу народа, установили контроль над национальным богатством. И хотя в Болгарии официально признаны два типа приватизации – рыночная и массовая, в реальности же осуществляется только мафиозная²¹.

Характерно, что опасность криминального перерождения бывшей социалистической экономики отмечается представителями политических сил различной ориентации. Так, на будапештской международной конференции христианских демократов подчеркивалось, что приватизация является основой экономических и политических реформ в Центральной и Восточной Европе. Если собственность остается в руках государственных чиновников, их легко можно купить и они становятся проводниками закулисных интересов теневых экономических группировок²². Один из видных деятелей БСП А.Луканов предупреждает о возможности необратимых последствий от союза грязных денег, коррумпированной части государственного аппарата и преступного мира. Этот

союз подрывает основы внутренней безопасности Болгарии и ее граждан и направлен против принципов действительно рыночной экономики, ибо дает преимущество мошенникам, махинаторам, спекулятивному капиталу и монополизму перед добропорядочными предпринимателями, перед свободной конкуренцией равноправных хозяйственных субъектов, перед интересами общества. Это не только несправедливо, но ослабляет общественную поддержку перехода к рыночной экономике, препятствует утверждению роли национального капитала как фактора экономического развития²³.

* * *

Как уже отмечалось, среди причин, повлекших в последние годы обострение социально-экономической ситуации в Болгарии, немалую роль играет утрата страной своих внешних рынков, резкое ослабление, по существу – развал традиционных торгово-экономических связей с восточноевропейскими государствами, особенно с Россией. понадобилось сравнительно немного времени, чтобы возникшие у некоторых политиков эйфорические надежды по поводу быстрого "возвращения в Европу", включения Болгарии в европейские политические, военные и экономические структуры во многом развеялись. И если здесь есть определенные подвижки в политической и военной областях – Болгария в качестве ассоциированного члена принята в Европейский союз, присоединилась к инициативе НАТО "Партнерство ради мира", стала полноправным членом Совета Европы (в мае 1994 г. она первой среди посткоммунистических государств председательствовала в этой организации), то в более прагматичной сфере экономики успехи выглядят гораздо скромнее. Иначе говоря, Болгарии, ее предпринимателям, даже при наличии соглашения с ЕС, не удалось найти нишу на Западе, пробиться на западноевропейский рынок,

ибо болгарские товары неконкурентоспособны ни по качеству, ни по цене, ни по стабильности поставок. Такое положение – не только наследие прошлого, но и обусловлено определенным своеобразием осуществления в стране реформ, когда благие намерения не находят реального воплощения или же под прикрытием реформаторских лозунгов реализуются узко-групповые корыстные интересы. Так, одним из наиболее видимых результатов аграрной реформы (восстановление частной собственности на землю, роспуск кооперативов "колхозного типа" и раздача их имущества новым хозяевам) пока что явилось значительное сокращение посевных площадей, рост себестоимости многих видов сельхозпродукции до уровня, превышающего мировой²⁴. Отсюда – удушающее местных производителей обилие импортной, но также не дешевой продукции на болгарских прилавках и даже изменения в традиционной болгарской кухне – "слишком дорогие мясо и зелень вытесняются блюдами из теста"²⁵.

Естественно, существенное сужение внутреннего, утрата прежнего (при необретении нового) внешнего рынка относятся к числу главных факторов, порождающих многие проблемы. В их цепочке нетрудно прослеживается причинно-следственная связь: отсутствие поставщика и покупателя – сокращение или закрытие производства – рост безработицы и, соответственно, количества "государственных иждивенцев", бремя содержания которых становится для бюджета все более непосильным, – падение жизненного уровня – "подогрев" очага социальной напряженности с усилением угрозы его взрыва. Попытки погасить этот очаг, заменить хлеб и зарплату лозунгами типа "необходимо потерпеть", "свобода стоит недешево" и т.п. не выглядят надежными, долгосрочными.

В нынешней ситуации вполне закономерно встречное российско-болгарское стремление к восстановлению прежних связей, разумеется, с учетом новых политических и экономических реалий. Президент Ж.Желев при всей его

"прозападности" без обиняков заявил, что "мы должны вернуться на русский рынок, это очень важно"²⁶. Однозначна позиция по этому вопросу Чрезвычайного и Полномочного посла Болгарии в России Х.Миладинова, по мнению которого распад СЭВ, ликвидация госпланов и т.п. "не означает, что болгарская продукция не нужна России, а российская – Болгарии. Напротив, разрыв связей больно бьет по благосостоянию обеих стран... Я считаю, – и с этим согласны многие, – что главным торговым партнером (для Болгарии. – Авт.) должны оставаться страны СНГ, прежде всего Россия"²⁷. Посол высказал убеждение, что и Болгария, и Россия пришли к выводу о ненормальности положения, когда отношения между ними оказались в последние годы почти замороженными²⁸.

Сегодня в сфере российско-болгарских отношений важнейшим является материализация обоюдных намерений по восстановлению и расширению связей, создание необходимой для этого современной правовой основы, наполнение реальным содержанием соответствующих политических деклараций, неукоснительное соблюдение уже достигнутых и разработка новых конкретных и реально выполнимых соглашений. В августе 1992 г. президенты Б.Ельцин и Ж.Желев подписали договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Россией и Болгарией. Этот документ призван служить базой для оживления и развития торгово-экономических и культурных двусторонних связей на "совершенно новой основе"²⁹.

Следует заметить, что в различных документах, заявлениях политических и общественных деятелей довольно часто и подчеркнуто говорится именно о новой основе российско-болгарских отношений. Однако не всегда внятно расшифровывается, какая новизна здесь нужна, что конкретно подразумевается под этим термином, и интерпретируется он иногда по-разному. В частности, в интервью российской газете "Сегодня" Ж.Желев отметил, что после 1989 г. в

Болгарии появилось негативное отношение к Советскому Союзу, перенесенное затем и на Россию. На вопрос Б.Ельцина о причинах антирусских настроений болгарский президент ответил, что это временное явление. "Все эти идеологические наслоения эпохи большевизма постепенно отпадут и останется главное – непреходящие ценности. Г-н Ельцин согласился со мной", – заявил Ж.Желев корреспонденту этой газеты³⁰. В данном случае рассуждения Ж.Желева представляются мало что проясняющими (может быть, здесь сказалась ограниченность газетной площади или что-то иное). Во всяком случае не совсем ясно, вытекают ли антирусские настроения в Болгарии только из "большевистских наслоений", и если да, то что последние из себя представляют? Вообще само понятие "настроения", тем более, если речь идет об общественных настроениях, предполагает некую масштабность, массовость. Думается, вряд ли отвечают таким критериям довольно одиозные высказывания отдельных политиков и "общественников" (или же претендующих на это звание, статус) о виновности СССР, России за "ограбление Болгарии", за приведение ее к очередной "национальной катастрофе" и т.п. Вероятно, многие из подобных политиков просто стремятся заработать на "антирусскости" какие-то политические очки, создать себе имидж (в основном для внешнего употребления) "последовательных демократов", "неизменных антикоммунистов", хоть как-то заявить о себе, дабы не исчезнуть с общественно-политической сцены.

Невольно возникает вопрос: коль скоро СССР, Россия сыграли для Болгарии столь губительную роль, коль так негативными выглядят в их отношениях "большевистские наслоения", зачем же тогда стремиться к восстановлению* связей? Ведь восстанавливать приходится именно прошлые связи, особенно если брать в расчет их материальные, натуральные показатели; но о реальном их возобновлении в

* Подчеркнуто авторами.

полном объеме (например, прежнее количество поставок в Болгарию советской нефти) думать не приходится. Бесспорно, российско-болгарское сотрудничество нуждалось в освобождении от явно чрезмерной, назойливой идеологизации недавнего прошлого, когда на множестве болгарских предприятий, других объектов красовался, буквально царил лозунг "Детище советско-болгарской дружбы", а одним из главных направлений деятельности агитпропа были призывы неустанно учиться у "старшего брата", "полной горстью черпать из сокровищницы бесценного советского опыта" и т.п. Но при этом вряд ли было бы оправданным попытаться просто заменить коммунистическую идеологию новой, с антиросийской закваской. В целом же вполне очевидно, что какая-то сколько-нибудь массовая русофобия среди болгарского народа отсутствует, а отдельные ее проявления – это прежде всего следствие недалекости, конъюнктурщины некоторых общественно-политических деятелей. Если уж говорить о новой основе отношений между двумя странами, то, наверное, здесь нужен большой реализм, видение перспективы, более полный учет действительных и долгосрочных национальных интересов, принципа взаимной выгоды.

После нескольких лет кризисного обвала в российско-болгарских экономических связях наступило заметное оживление. Хотя до полного "бума" еще далеко (по некоторым данным, после 1989 г. объем торговли между Россией и Болгарией сократился примерно в 10 раз), положительные сдвиги все же налицо. Так, в 1993 г. по сравнению с предыдущим годом двусторонний товарооборот увеличился на 20% и достиг 1,7 млрд долл. (по другим данным – 1.2 млрд долл.). Подписаны соглашения о сотрудничестве Болгарии с рядом российских регионов – республикой Коми, Башкирией, Краснодарским краем, Воронежской, Иркутской и некоторыми другими областями. Ведется работа по созданию соответствующей современной международно-правовой базы; в

частности завершается инвентаризация договоров и соглашений, заключенных в период с 1945 по 1991 г.³¹.

Весьма положительно встретили в Софии достигнутые в августе 1994 г. конкретные договоренности о развитии торгово-экономических связей с Россией. По существу речь идет о материализации соглашения, подписанного двумя странами еще в октябре 1991 г. Особенно важной для Болгарии является договоренность о ежегодных поставках в страну 5 млн тонн российской нефти. В целом же, как отмечалось в одной болгарской газете, в результате августовских переговоров "словно дождь из роз падают на наше подорванное государство совместные проекты. Связи, замороженные в течение четырех лет, неожиданно возрождаются в масштабе времен, о которых неприлично вспоминать. Но если смотреть чисто экономически – это путь, по которому наша страна может найти выход из беспросветного тупика"³².

Большую заинтересованность проявляют обе стороны в восстановлении военно-технического сотрудничества. Реализация стремления Болгарии к полноправному членству в НАТО – вопрос времени и больших материально-финансовых затрат, которые в данный момент для страны непосильны. Нынешние же проблемы заключаются в том, что болгарская военная промышленность, весьма, кстати, развитая, возводилась по советской технологии, а вооружение болгарской армии копирует оснащение советской (русской). Отсюда – потребность в российских поставках соответствующего оборудования, материалов, запчастей, оружия и др. Не остается в накладе и Россия, поскольку, помимо прочего, за счет продукции ВПК можно погасить часть российского долга Болгарии, увеличить загрузку своей оборонной промышленности, которая обеспечена лишь на 10% объема заказов, необходимых для ее выживания. В 1994 г. российско-болгарские связи в области производства оружия возродились, в результате чего Болгария, в частности,

получила возможность восстановить изготовление и экспорт вооружений до объемов середины 80-х годов³³. При всем различии политических и моральных оценок развития связей в этой довольно специфической сфере, может быть, именно этот динамизм послужит примером и для других сфер; кроме того, он является свидетельством тех больших возможностей, которые создает объединение усилий для решения различных проблем.

* * *

Сегодня в болгарском обществе довольно распространено разочарование. Возникшие в конце 1989 г. и поддержавшиеся политиками всех мастей надежды не оправдались. Страна еще далека от тех целей и идеалов, которые были провозглашены пять лет назад. Более того, в глазах значительной части населения по многим важным параметрам – социальная защищенность, поддержание правопорядка, обуздание преступности и др. – ситуация в стране сейчас много хуже, чем в минувший период "развитого социализма". Все это способствует росту ностальгических, включая авторитаристские, настроений. Социально-экономические причины для массового недовольства в Болгарии существуют, и весьма немалые, а политический "детонатор" тоже может (не дай Бог!) найтись. Хочется однако надеяться, что все же оправдается мнение президента Ж.Желева, согласно которому Болгария более предсказуема, чем Россия³⁴, и болгарское общество решит свои проблемы без великих потрясений.

Примечания

¹ См.: *Съев Й.* Пазарна икономика по български // *Икономически живот.* 1994. № 18. С. 2.

- 2 См.: Герасков Е. Пазарна не означава модерна икономика // Отечествен вестник. 28.II.1994.
- 3 См.: Народная Республика Богария. М., 1983. С.237.
- 4 Отечествен вестник. 3.VI.1994.
- 5 Об этом, в частности, говорилось на состоявшейся в мае 1994 г. в Будапеште международной конференции по проблемам приватизации. В конференции, организованной Христианско-демократической академией Центральной и Восточной Европы, участвовали представители Европарламента, всех восточноевропейских стран, а также Германии, Испании, Голландии, Греции // Отечествен вестник. 31.V.1994.
- 6 Сегодня. 4.V.1994.
- 7 Дума. 4.VI.1994.
- 8 24 часа. 14.XII.1993 и 11.III.1994; Отечествен вестник. 1.VI.1994; Компас (Вестник ИТАР-ТАСС).1994. № 62. С.15-17.
- 9 Отечествен вестник. 1.V.1994.
- 10 Компас... С.16.
- 11 Стандарт. 5.IV.1994; Сегодня. 4.V.1994.
- 12 24 часа. 14.XII.1993.
- 13 Отечествен вестник. 28.II.1994.
- 14 Отечествен вестник. 7.VI.1994.
- 15 24 часа. 14.XII.1992; Дума. 31.XII.1994; Отечествен вестник. 1.VI.1994.
- 16 24 часа. 29.IV.1994.
- 17 Икономически живот. 1994. № 14. С.7.
- 18 Отечествен вестник. 7.VI.1994.
- 19 Сегодня. 10.IX.1994.
- 20 См.: Отечествен вестник. 28.II.1994 и 31.V.1994.
- 21 См. Николаев Н. Масова или мафиотска приватизация?// Икономически живот. 1994. № 9. С. 3.
- 22 Отечествен вестник. 31.V.1994.
- 23 Дума. 10.II.1994. В комментарии газеты "Отечествен вестник" по поводу публикации А.Луканова отмечается не только права его утверждений, но и ответственность автора как политического и государственного деятеля за возникновение в стране указанной ситуации.
- 24 Российские вести. 17.V.1994.
- 25 Сегодня. 10.IX.1994.
- 26 Сегодня. 4.V.1994.

- 27 Российские вести. 17.V.1994.
28 Труд (София). 4.II.1994.
29 Там же.
30 Сегодня. 4.V.1994.
31 См.: Российские вести. 17.V.1994 ; Сегодня. 18.VI.1994.
32 Труд (София). 28.VIII.1994.
33 См.: Сегодня. 18.VI.1994; Московская правда. 14.X.1994.
34 Сегодня. 4.V.1994.

Б.Й. Желицки

**Венгрия в системе центральноевропейских
социально-экономических преобразований
начала 90-х годов XX в.
(Попытка сравнительного анализа)**

В условиях затяжного экономического спада, наметившегося в конце прошлого десятилетия, общего кризиса коммунистической системы новая политическая и экономическая элита стран Центральной и Юго-Восточной Европы все определеннее стала брать на рубеже 80-90-х годов курс на реформы или отрицание прежних порядков в различных сферах общественной жизни. Она исходила из учета того, что естественный процесс политического и хозяйственно-экономического развития в свое время был насильственно прерван. Провозглашалась смена не только режима власти, но и всего общественно-экономического механизма, следовательно, всей существовавшей системы.

В народнохозяйственной сфере это означало прежде всего переход от планово-командной экономики к рыночной.

Как свидетельствует пятилетний опыт такого перехода, он оказался более сложным и противоречивым, в частности в социальном плане – более болезненным, чем предполагали сторонники демократического процесса как в самих странах Центральной и Юго-Восточной Европы, так и на Западе. Характерный факт: мировая практика не обладает реальным опытом перехода от полностью огосударственной экономики к частнособственнической (в этом плане не показателен даже опыт тоталитарных режимов других регионов мира с частичным огосударствлением хозяйственной сферы). А ведь восточноевропейский регион принадлежит именно к типу полностью огосударственных, т.е. начатое после развала прежней системы разгосударствление не имеет аналогов в истории. Именно по этой причине оно и вызывает особый интерес во всем мире. Отсутствие опыта до известной степени объясняет, видимо, те трудности и неудачи, которые переживают страны региона в условиях переходного периода. Следует отметить, что здесь весьма низкой оказалась эффективность и тех советов, которые попытались дать на начальном этапе преобразований каждой из стран восточной половины Европы западные эксперты, хорошо знающие рыночную экономику. Дело в том, что их опыт не сочетался с доскональным знанием "секретов" централизованной экономической системы советского типа, равно как и исторической специфики, особенностей общественно-политического развития центрально- и восточноевропейского региона.

После первоначальной волны революционного воодушевления, иллюзорных представлений и ожиданий, связанных со стремлением быстро осуществить переход к рынку и органически войти в мировую экономику, к середине 1993 г. появились оправданная озабоченность, осознание того, что не удастся бывшим социалистическим странам наскоком решить эту задачу. Правда, некоторые признаки оживления на пути реформ были налицо, но еще более определенно давали о себе знать их экономические и социальные издержки, тяжелым

бременем ложившиеся на плечи широких масс. Это вызывает нестабильность, таит в себе политические опасности, которые заранее не прогнозируемы.

И все же перемены, произошедшие в странах Центральной и Юго-Восточной Европы за последнее пятилетие, безусловно демонстрируют решимость руководства этих стран возвратиться на рельсы рыночной экономики. Направление и сущность начатых преобразований не ставит под сомнение приход к власти левых сил в Польше (1993 г.) и Венгрии (1994 г.). Что касается Венгрии, то не только заявления нынешнего премьер-министра Дьюлы Хорна и других членов его кабинета, но и первые практические шаги этого правительства в области экономики подтверждают решимость левых сил продолжить реформы, начатые прежним правопоцентристским руководством.

Ниже будет сделана попытка охарактеризовать основные итоги экономических и социальных преобразований 1990-1994 гг., осуществленных прежним кабинетом, который возглавлял сначала Йозеф Антал, а затем Петер Борошш. То есть речь идет о деятельности с весны 1990 до лета 1994 г. коалиционного правительства, созданного Венгерским демократическим форумом (ВДФ) совместно с Независимой партией мелких хозяйств (НПМХ) и Христианско-демократической народной партией (ХДНП). Рассмотрение деятельности этого правительства предпринимается посредством сравнительного анализа процессов преобразований в Венгрии с аналогичными процессами в других бывших социалистических странах, прежде всего центральноевропейских.

* * *

При всей схожести протекающих в восточной части Европы переходных процессов страны этого региона несомненно имеют лишь им присущие черты возвращения к рыночной экономике, базирующейся на частной собственности.

Темпы и методы преобразований 1990-1994 гг., равно как и выбранные в каждой стране приоритеты отличаются друг от друга даже в рамках одной Центральной Европы, не говоря уже о сравнении, скажем, с балканским регионом. Здесь достаточно сослаться на то, что Польша, например, пошла форсированным путем "шоковой терапии", а Венгрия не сочла это для себя приемлемым. Она сумела удержать инфляцию на относительно низком уровне, добиться высоких показателей по иностранным инвестициям в свою экономику. Чехия же, которая также привлекательна для иностранного капитала, умело справилась с инфляцией, решила погасить свою небольшую задолженность Международному валютному фонду (МВФ) и не допустила пока высокой безработицы¹. В осуществлении реформ она, однако, отстает от Польши и Венгрии, имеющих существенные иностранные долги. Общим же для этих трех государств Центральной Европы является то, что каждое из них после определенного спада к концу 1993 г. уже имело позитивные показатели экономического роста и качестве обнадеживающего признака выхода из охватившего их кризиса. Здесь упомянутые страны опережают своих партнеров по восточноевропейскому региону, в частности балканских, не говоря уже о России, Украине и других государствах на европейских просторах бывшего СССР.

Последнее социалистическое правительство Венгрии, которое передало эстафету реформ избранному в мае 1990 г. кабинету Й.Анталла, еще в конце 80-х годов начало предпринимать меры к переходу на рыночные рельсы. Подчиняясь требованиям МВФ и Всемирного банка, тогдашнее правительство Миклоша Немета приступило к сокращению или даже прекращению дотаций нерентабельным промышленным предприятиям и сельскохозяйственным кооперативам. Это повлекло за собой спад производства и снижение доходов населения, особенно в сельском хозяйстве. Кроме того, оно решилось и на сокращение экспорта в восточноевропейские страны, включая СССР, несмотря на то, что это также

приводило к снижению стоимости подлежащих приватизации госпредприятий, особенно средних размеров. Результатом явилась безработица, сразу же охватившая прежде всего те районы страны, которые в народнохозяйственном плане были ориентированы на советский рынок. Все это было тогда уступкой как возникающей оппозиции, так и международным финансовым учреждениям.

Весной 1990 г. в результате первых свободных парламентских выборов на многопартийной основе в Венгрии одержала победу оппозиция в лице ВДФ, создавшего, как уже упоминалось, свой коалиционный кабинет в союзе с НПМХ и ХДНП. Этот кабинет во главе с Анталлом получил в области экономики весьма тяжелое наследство. В венгерском хозяйстве тогда имел место затяжной спад производства, явившийся следствием предшествовавшей политики. Правоцентристское правительство не имело четкого представления о состоянии дел в стране, поскольку не получило об этом достоверной информации. Представляя парламенту свои программные устремления, Й.Анталл тогда заявил, что "полную оценку бед еще предстоит сделать". Он исходил из того, что преодоление кризиса требует времени и проведения обязательных преобразований в народнохозяйственной сфере. В частности, отметил, что в 1991-1993 гг. могут быть решены лишь ближайшие и среднесрочные задачи по пресодолению спада производства, а интенсивный рост экономики начнется лишь к середине 90-х годов. В центре стратегических задач кабинета, подчеркнул Анталл, "стоит создание прочного, основывающегося на частной собственности социально ориентированного рыночного хозяйства"². Одной из основополагающих для своего кабинета он назвал задачу снижения темпов роста внешней задолженности страны, обратил также внимание на инфляцию, которая уже тогда превысила 20%, пообещав в течение одного года остановить ее дальнейшее увеличение, а через три года снизить уровень до однозначной цифры. Анталл считал реальным решение этих задач, если после двух лет необходимых

экономических преобразований начнется рост производства на уровне 3-4% годовых. Среди этих необходимых преобразований им были названы прежде всего изменения структуры экономики путем создания системы малых и средних предприятий частного и акционерного типа, приватизация государственной собственности. В краткосрочной правительственной программе предусматривалось создание "социальной защитной сетки" и осуществление мер в интересах решения проблемы предполагаемого роста безработицы³.

Первый коалиционный кабинет не сумел вплоть до 1993 г. остановить начавшийся лавинообразный спад производства в условиях сокращения стоимости производственных мощностей и развернувшейся приватизации (летом 1990 г. правительство ликвидировало крупные убыточные социалистические предприятия). Правда, на начальном этапе своей деятельности правоцентристский кабинет еще мало занимался экономикой, доверяя решение хозяйственных вопросов тем, кто был вытеснен из сферы правительственного управления, у кого по сути дела оставались в руках экономические рычаги воздействия на хозяйственную жизнь.

В 1991-1992 гг. венгерский парламент принял ряд основополагающих законов, которые способствовали экономическим преобразованиям, либерализации хозяйственной жизни. Были освобождены цены, заработал рыночный механизм, страна открылась для импорта и иностранного капитала. Осуществляемые меры быстро продемонстрировали, что экономика нуждается в модернизации, так как далеко не во всем выдерживает конкуренцию с иностранными товарами. На нее тяжелым бременем ложились внешние долги, полученные в наследство от коммунистической эпохи. По данным Венгерского национального банка, брутто-задолженность страны на апрель 1994 г. составляла 25,6 млрд долл., нетто-задолженность – 16,8 млрд⁴. Характерно, что основная часть этого долга образовалась еще в 70-е годы, когда кадаровский либеральный социализм в целях поддержания экономики и

осуществления реформ "хозяйственного механизма" обратил-ся к западным кредиторам. В 1978 г. на 10 млн венгерского населения страна уже имела 9,5 млрд долл. долга. К 1990 г. валовой объем внешней задолженности составлял 20 млрд. К концу 1992 г. кабинет Анталла в условиях достижения активного бюджетного баланса сократил внешнюю задолженность на 1,2 млрд. Следующий финансовый год характеризовался, однако, дефицитом, что помешало дальнейшему позитивному развитию в этой сфере⁵. Венгрии в первой половине 80-х годов только по процентам приходилось выплачивать до 1 млрд в год, во второй половине в связи с увеличением коэффициента обслуживания долга – уже до 2-х млрд, а в начале 90-х годов размер этих денежных выплат уже превысил 3 млрд долл.

Одним словом, внешний долг Венгрии в пересчете на душу населения, несомненно, велик. По своим масштабам он является одним из наиболее существенных в регионе. Следует отметить, однако, что экономическая модернизация в восточной части Европы вряд ли мыслима ныне без внешнего финансирования. Подтверждением тому являются кредиты, полученные бывшими социалистическими странами от западных кредиторов. Согласно имеющимся сведениям, внешний долг восточноевропейского региона (вместе с новыми суверенными государствами на территории распавшегося СССР) в 1990 г. составлял в нетто-размерах 147,4 млрд, в 1991 г. – 161,5 млрд, в 1992 г. – 172 млрд долл.⁶ Однако такой внушительный размер задолженности не может не оказывать гормоизирующего воздействия на процессы осуществляемых преобразований.

Венгрия, правда, несмотря на все внутренние трудности, регулярно возвращала в 1990-1994 гг. проценты по кредитам и считается надежным финансовым партнером. Экономисты страны полагают неприемлемым для себя, например, болгарский путь решения проблем задолженности. Болгария, как известно, еще в марте 1990 г. оказалась вынужденной объявить о своей неплатежеспособности и

перестала возвращать проценты по долгам (согласно оценкам зарубежных финансовых кругов, внешний долг Болгарии в его нетто-размерах составлял тогда 8,1 млрд, в брутто-размерах 9,3 млрд долл, а ныне валовой объем болгарского внешнего долга колеблется в пределах от 12 до 15,4 млрд долл.)⁷, что сразу же вызвало остановку притока иностранного капитала в страну, были закрыты каналы дальнейшего его поступления, инфляция достигла 20-30% в месяц⁸. Венгрия же за 1990-1994 гг. получила извне более 7 млрд долл. капиталовложений в свою экономику. Болгарии, наоборот, лишь летом 1994 г. удалось заключить соглашение с Лондонским клубом, западные участники которого взяли на себя возвращение 47% (3,8 млрд) болгарского долга⁹, что вновь открывает возможность для страны пользоваться кредитами Всемирного банка и МВФ.

О финансовой политике ВДФ и его коалиционных партнеров следует заметить, что они, имея большую задолженность, сумели сохранить в период своего правления платежеспособность страны. В 1990 г. эта коалиция унаследовала валютный запас всего в 500 млн долл., но за 4 года нахождения у власти приумножила его до 6 млрд долл.¹⁰ Без преувеличения можно сказать, что это являлось одним из несомненных достижений экономической политики правящего кабинета.

Кстати, перед глазами этого кабинета постоянно стоял также пример Польши, которая еще в 1981 г. заявила о своей неплатежеспособности. Как известно, это повлекло за собой резкое снижение жизненного уровня населения (примерно на 50%), безработицу и эмиграцию. К тому же Польша на протяжении 10-ти лет не могла получить западной финансовой помощи. Лондонский клуб после многократной отсрочки прерванных переговоров, лишь в марте 1994 г. решился на оплату 42,5% польского долга в размере 13 млрд долл.¹¹. Венгрия не пошла по такому пути уменьшения задолженности и не согласилась на "шоковую терапию" внутри страны.

Следует сказать, однако, что отдельные специалисты, в частности генеральный директор Центральноевропейского международного банка Д.Здеборски, считают, что подобное польскому резкое снижение жизненного уровня должно привести к тому, что страна за относительно короткое время (10-15 лет) выйдет из экономического кризиса¹².

Что касается структурных сдвигов в отраслях экономики и в сфере собственности, то Венгрия, как и другие посткоммунистические государства, характеризовалась, с одной стороны, сокращением занятости в промышленности и сельском хозяйстве при одновременном ее росте в области услуг и обслуживания, а с другой – динамичным ростом частного сектора. Согласно статистике за 1990-1994 гг., удельный вес частного сектора в производстве валового национального продукта в Венгрии увеличился с 15 до 51%, соответственно удельный вес крупных предприятий (свыше 500 чел.) сократился с 51 до 25%¹³.

Государственные предприятия, госсобственность подлежали приватизации, от которой ожидали как усовершенствования структуры экономики, создания активного и мощного слоя новых собственников, так и модернизации и роста производства. Именно этим задачам была подчинена правительственная философия приватизации. По сути это явилось весьма масштабной задачей, ведь в стране абсолютное большинство движимого и недвижимого имущества находилось в государственной собственности (почти 98%)¹⁴.

К началу 1994 г. было приватизировано более половины бывших государственных предприятий. Они продавались на аукционах, что пополняло доходную часть бюджета (в 1991 г. на 500 млн долл., в 1992 г. – почти на 1 млрд¹⁵). С упразднением СЭВ и распадом СССР интерес иностранцев к венгерской приватизации несколько упал, и выставяемые на аукцион предприятия стало сейчас продавать зарубежным покупателям гораздо сложнее.

Правительственная программа возвращения к частному производству осуществлялась с учетом необходимости хотя бы частичного удовлетворения интересов тех, у кого около 40 лет тому назад коммунистическими властями была отнята собственность. Бывшим собственникам или наследникам некогда национализированных предприятий, банков, землевладений – ради исторической справедливости – была предоставлена возможность получить компенсацию или же частичное возвращение прежней собственности. Такой возможностью в Венгрии воспользовались около 800 тыс. граждан. К середине 1993 г. в стране наряду с тысячами госпредприятий и кооперативов было создано порядка 180 тыс. новых хозяйственных единиц, на которых работало около 600 тыс. частных хозяев. Этот сектор дает уже около 45% товарной продукции страны.

Особую проблему для Венгрии составляла перестройка производственных отношений в сельском хозяйстве. Как известно, в период кадаровского социализма аграрный сектор страны давал первоклассную продукцию. Правда, в отличие, например, от Дании или Нидерландов, этот сектор здесь имел свою специфику – дополнялся приусадебным хозяйством. В начале 90-х годов в парламенте неоднократно вставал вопрос: а следует ли ломать то, что оправдало себя? Сторонники приватизации этой сферы с цифрами в руках доказывали, что по сравнению с наиболее развитой в сельскохозяйственном отношении Данией, где производство тоже дотируется государством, венгерское сельское хозяйство все же гораздо более затратно. Было принято решение о развитии фермерской системы хозяйства и сохранении стабильных госхозов и сельскохозяйственных кооперативов только для селекционных работ. Предполагалось разделение кооперативного имущества между полутора миллионами собственников. Государственная программа предлагала передать почти все земли госхозов в частные руки. Характерно, однако, что в 1992 г., когда появилось уже 1,2 млн собственников, только 70 тыс. из них

изъявили желание выделиться и создать свои самостоятельные фермерские хозяйства. Остальные вновь выбрали сельскохозяйственные кооперативы. В итоге было не только полностью сохранено 1200 кооперативов, но даже создано 200 новых.

Венгерское сельское хозяйство тем не менее переживает кризис, ибо по причине перепроизводства продуктов сельского хозяйства и сужения рынка сбыта наблюдается спад производства, снижаются посевы, растут затраты. Правда, следует подчеркнуть, что даже в условиях кризиса внутренний рынок остается переполненным продуктами сельского хозяйства. Экономисты международных научных центров установили, что перестройка в сельском хозяйстве легче осуществляется в тех странах, где относительно низок уровень развития этой отрасли. Они указывают на то, что в Албании и Румынии, например, было легче в ходе приватизации разделить примитивные средства и орудия труда, чем в более развитых в этом отношении Болгарии, Венгрии или Чехословакии¹⁶.

Как бы то ни было, кабинету Й.Анталла, а затем П.Борошша удалось за четыре года существенно продвинуться по пути создания реальных основ рыночного хозяйства и частного предпринимательства. Если в 1990 г. в частном секторе венгерской экономики было занято лишь 14%, а в 1991 г. – 26, то к концу 1993 г. – уже 43% экономически активного населения. В начале 1994 г. частный сектор давал почти половину валового национального продукта¹⁷.

Структурная перестройка экономики во всех восточноевропейских странах сопровождалась и еще сопровождается в ряде из них ощутимым спадом производства. В 1991 г. в условиях развала внешнеэкономических связей по линии СЭВ объем промышленного производства в стране сократился на 40, а в сельском хозяйстве – на 45%. Однако уже в 1992 г. переориентация внешней торговли позволила удержать производство на прежнем уровне. Одновременно принимались

меры в интересах восстановления объема товарооборота с Россией (в 1991 г. он резко, на 70% сократился), который начал расти и в 1993 г. уже составил 3,5 млрд долл.¹⁸. В целом за 1990-1993 гг. спад производства в Венгрии составил 17%, что по сути является наименьшим в регионе. Причины этого спада коренятся и в непростой обстановке перехода к новой системе экономических отношений, и в упомянутом развале восточного рынка (СЭВ как-никак в свое время все же гарантировал реализацию произведенной продукции и поэтому в известной мере являлся своеобразной "защитной сеткой" для производства, не мешая при этом вывозу товаров и на западные рынки), и в почти моментальной и по сути полной либерализации импорта, которая произошла как в Венгрии, так и во всех остальных странах бывшего советского блока.

Не стала Венгрия исключением и из такого "правила" переходных посткоммунистических процессов, как инфляция. Уже упоминалось, что рост внешней задолженности и инфляции кабинету Й. Анталла достался в наследство. Поэтому неудивительно, что первые его шаги были нацелены на лечение именно этих двух болезней экономики. Однако улучшение положения в сфере внешней задолженности почти автоматически вело к росту темпов инфляции, а точнее, в надежде на сокращение внешней задолженности экономика была сознательно поставлена на рельсы инфляции. Здесь, правда, есть существенное отличие от большинства стран восточноевропейского региона: инфляция в Венгрии нарастала в условиях не товарного дефицита, а наоборот – при его избытке. Ее рост начался раньше, до вступления в должность первого коалиционного кабинета. В 1988 г. она уже выразилась двузначной цифрой, в 1989 г. потребительские цены выросли на 17%, приблизившись в 1990 г. к 29%. Рост мировых цен на энергоносители на рубеже 1990-1991 гг. еще больше подогрел инфляционные процессы, и поэтому в 1991 г. уже приходилось считаться с почти 30% годовым ростом оптовых и

розничных цен. Это был пик венгерской инфляции. В дальнейшем удалось снизить ее уровень: в 1992 г. до 22%, в 1993-1994 гг. – до 17% за год¹⁹. Явным упущением политики и пропаганды правоцентристского блока было то, что он не сумел соответствующим образом донести до сознания населения и использовать в своей предвыборной кампании 1994 г. тот факт, что венгерский уровень инфляции являлся одним из самых низких во всем регионе. Разумеется, любая инфляция, будь она даже латентной, незначительной по темпам роста, не входит в арсенал "достижений" той или иной правящей группировки, однако на фоне восточноевропейской, по-настоящему "шоковой" (нередко составлявшей за один месяц значительно большую величину, чем в Венгрии за год) венгерская выглядела поистине малосущественной. Разумеется, даже 10-20% рост потребительских цен болезненно затрагивает интересы низкооплачиваемых категорий населения, влияет на жизненный уровень в целом, вызывая недовольство. Тем не менее умение сдерживать инфляцию является безусловной заслугой бывшего коалиционного кабинета в тех условиях, когда в стране более 90% цен уже были свободными. По оценкам венгерских профсоюзов, эти успехи кабинета объясняются прежде всего тем, что в Венгрии в отличие от большинства посткоммунистических государств не было недостатка в товарах и прежде, хотя не наблюдалось и особого избытка средств для их приобретения²⁰. Но переоценивать отмеченное в э же не следует, ибо по западным масштабам даже венгерский уровень инфляции является чрезвычайно высоким. Дальнейшее ее сокращение необходимо, если Венгрия желает стать членом Европейского союза. Как известно, Маастрихтское соглашение в числе условий для вступления в этот союз предписывает допустимый уровень инфляции, который лишь на 1,5% может быть выше уровня самых развитых стран ЕС²¹.

Не следует рисовать обстановку в Венгрии в неких розовых тонах, ибо и там, как и во всех постсоциалистических

странах, реальные доходы населения за истекшее пятилетие существенно снизились. В 1993 г. они составляли 82,7% от уровня 1985 г.²². Неудивительно, что социологические опросы 1993 г. подтвердили высокий уровень недовольства населения как состоянием экономики страны, так и собственным положением в последние годы. Ученые, сравнивая условия жизни в Венгрии с условиями в Болгарии и Румынии, пришли к выводу, что степень разочарованности масс своим положением в Венгрии выше, хотя ухудшение экономических условий там не столь масштабно, как в двух балканских государствах²³.

Сохранение достигнутого уровня жизни для большинства населения в условиях перехода к рыночной экономике, не сбалансированного бюджета и значительного внешнего долга по сути невозможно. Лечение народнохозяйственных проблем инфляционными методами (в Венгрии тоже есть сторонники такого подхода), по мнению специалистов, не дает нужного эффекта, так как приводит к сокращению капиталовложений, свертыванию производства, неиспользованию производственных мощностей, а следовательно, лишает государство необходимых отчислений в бюджет посредством налогов. Кроме того, высокая инфляция оказывает отрицательное воздействие на структуру потребления, сокращает покупательную способность населения, что в свою очередь также ведет к снижению производства и жизненного уровня, к безработице.

В соответствии с оценками новых финансовых руководителей Венгерского госбанка реальные доходы венгерского населения в I квартале 1994 г., т.е. на последнем этапе правления прежней коалиции, начали расти, и этот рост за квартал составлял 6-9%²⁴. Это связано с начавшимся в 1993 г. подъемом экономики, который кроме Венгрии затронул также Албанию, Словению, Румынию и Чехию, а еще раньше (с 1992 г.) – Польшу. Правда, в Венгрии и Чехии валовой национальный продукт увеличился лишь незначительно. В Словакии и Болгарии по-прежнему продолжается спад

производства, равно как и во всех государствах на территории бывшего СССР. По прогнозам известного американского специалиста по восточноевропейской экономике К.Крене, в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, за исключением Болгарии и Румынии, ожидается экономический рост порядка 4-5% в год, в Албании – до 10%. Что касается инфляции, то она в Венгрии и Чехии, Словакии и Румынии должна сократиться в 1994 г. до однозначной цифры²⁵.

Названные показатели экономического развития Венгрии и других восточноевропейских стран за первые 5 лет преобразований нашли также отражение в отчете парижской штаб-квартиры развитых стран мира, объединенных в международную Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСД). Согласно этому отчету, в 1993-1994 гг. наблюдалось оживление экономики главным образом в частном секторе, которое будет продолжаться и в 1995 г. Как здесь подчеркнуто, наиболее быстрый рост имел место в Польше, а "Прага и Будапешт уже прошли низшую точку спада"²⁶. В целом же переход к западному типу парламентской демократии и рыночной экономике существенно осложнен оживлением черного рынка, ростом преступности, инфляции, безработицы и социальными потрясениями во всем посткоммунистическом пространстве.

На проблеме роста безработицы следует остановиться особо. В 1990 г. венгерская статистика учитывала 80 тыс. безработных. В дальнейшем их численность вплоть до начала 1993 г. последовательно росла, а затем несколько снизилась. По данным ЦСУ Венгрии, в конце марта 1994 г. в стране зафиксировано 482 тыс. безработных, что на 12 тыс. было меньше, чем в последнем квартале 1993 г.²⁷. Отдельные политические партии, а также Всевенгерский центр труда считают, что эти данные несколько занижены. Они полагают, что имеются еще неучтенные, так называемые "пассивные безработные". Всевенгерский центр труда пользуется цифрой

в 570 тыс. безработных, из которых к началу июня 1994 г. было трудоустроено 230 тыс. человек²⁸.

Называя эти цифры, следует учитывать, что безработица в ее скрытой форме имела место и ранее как в Венгрии, так и в других странах социализма, но тогда безработных официально не регистрировали. Динамика роста безработицы в посткоммунистической Венгрии выглядит следующим образом: в начале 1990 г. 0,2% (в конце года 1%) в составе трудоспособного населения; в 1991 г. – 8,5%; в 1992 г. – 12,3%; в начале 1993 г. удельный вес безработных достиг 13% (центр изучения трудовых ресурсов, правда, учитывал только 10,4%)²⁹, а затем началось снижение. По мнению специалистов, пик безработицы в Венгрии позади. Возросшие капиталовложения, начавшееся оживление в промышленности и сельском хозяйстве позволили сократить число безработных благодаря созданию более 50 тыс. новых мест в венгерской промышленности.

Приводя эти данные, целесообразно взглянуть на международный или хотя бы региональный контекст данного явления. По программе международных исследований Института экономики Венгерской академии наук и Католического университета ЛИКОС г. Левена был проведен сравнительный анализ, который показал, что в ряде стран Центральной Европы безработица начала увеличиваться непосредственно с переходом к рыночной экономике. В 1991 г. рост удельного веса безработных в составе трудоспособного населения ускорился, и этот процесс на протяжении 1992 г. продолжался. При этом самый высокий уровень безработицы наблюдался в тех странах, где преобразования находились в наиболее продвинутом состоянии, – в Польше, Венгрии и Словении. К концу года удельный вес безработных в этих странах приблизился либо превысил 13% (в Польше – 13,8, в Словении – 13,2, в Венгрии – 12,3%). На протяжении 1993 г. безработица продолжала расти и превысила средний европейский уровень. В Венгрии удельный вес безработных составил 13%, в Словении

- 15, а в Польше – еще выше³⁰. В отношении безработицы в Венгрии необходимо учитывать высказывание нового министра финансов Ласло Бекеша, который заявил: "Безработица, ее сегодняшний удельный вес – 12,5-13% – сохранится надолго, но в худшем случае может подняться и до 18%"³¹. Это было сказано министром-социалистом летом 1994 г. в канун передачи кабинету Д.Хорна правительственных полномочий. Перспективы здесь будут зависеть от эффективности социальной политики кабинета левых сил. Опыт других стран, в частности Польши и Словении, прошедших низшую точку экономического спада, показывает, что рост безработицы у них не остановился и продолжает оставаться серьезной социальной проблемой. В Чехии, только сейчас прошедшей критическую фазу преобразований, также наблюдается тенденция к падению занятости. И в Румынии, где налицо резкий спад производства, дальнейший рост безработицы неминуем³².

В Венгрии безработные получают пособие, официально выделяемое правительством для этих целей. Только в 1993 г. по этой статье было израсходовано 52 млрд форинтов, что тогда соответствовало 600 млн долл. Безработный за первые три месяца после лишения работы получал 75% своей основной зарплаты, в последующие 9 месяцев – 60%. Минимальный размер пособия по безработице в 1993 г. составлял 8600 форинтов (или около 90 долл.), максимальный же – 18 тыс. форинтов (около 185 долл) в месяц³³. По истечении года безработный, если ему не была найдена работа, получал ежемесячные субсидии в зависимости от общего уровня доходов семьи. Д.Кишш, последний министр труда в правительстве П.Борошца, в мае 1994 г. заявил в печати, что "именно это неоднократно критикуемое правительство сумело создать жизнеспособные формы согласования интересов при участии министерств, работодателей и трудящихся"³⁴. Речь шла о согласованных акциях, проводимых правительством по созданию специальной системы социальной защиты и обеспечения безработных.

Трехпартийное правоцентристское правительство за время своей деятельности (1990-1994) действительно предприняло соответствующие меры по обеспечению безработных. Эти меры, согласно оценкам руководителя Международной организации труда (ИЛО) в Восточной Европе Г.Стендинга, являются достаточно эффективными. "Обеспечение венгерских безработных находится на самом высоком уровне в регионе Восточной и Центральной Европы, – суммировал он свои наблюдения. – Венгрия является единственной страной, в которой началось сокращение удельного веса безработных" ³⁵.

Переход к рыночной экономике, становление частной собственности как основы производственных отношений повлекли за собой изменения в социальной структуре венгерского общества. Разумеется, этот процесс лишь начался, но уже сегодня видны его контуры. Правительство Анталла еще в 1990 г. провозгласило цель – создание среднего класса общества, достижение которой еще далеко от своего финала. Оно предполагало прежде всего укрепление позиций мелких и средних производителей, предпринимателей. Такой подход и такая необходимость безусловно соответствовали решению поставленной правительством цели, но, с другой стороны, это далеко не означало безраздельной поддержки тех слоев, которые своим трудом ранее добились среднего достатка. Правительство мало учитывало их интересы и стремилось к созданию именно класса предпринимателей, что делало процесс социальных сдвигов и перемещений достаточно противоречивым. В Венгрии еще с кадаровских времен образовался слой тружеников, которые в основное время трудились на госпредприятиях или в качестве членов сельхозкооперативов, а в свободное время становились мелкими производителями. В 80-е годы эта часть общества жила довольно зажиточно и поднималась до уровня средних слоев общества. Со сменой режима, когда официально провозглашалась цель создания среднего класса и отечественной буржуазии, из средних слоев

лишь немногие приспособились к новым условиям и стали средними и мелкими предпринимателями. Образовалась прослойка акционеров и крупных предпринимателей (среди последних было немало выходцев из директорского корпуса и партийных функционеров прошлых лет). Эта прослойка сегодня еще достаточно тонка. В целом же те слои общества, которые ранее достигли уровня средней зажиточности, стали опускаться по социальной лестнице и превратились в наемных рабочих, которые в своем большинстве не уверены в завтрашнем дне. Немалое число среди бывших средних слоев венгерского общества за пятилетие посткоммунистических преобразований оказались на грани обеднения. Следовательно, пошатнулись социальные устои средних слоев (что на деле противоречит объявленной цели создания среднего класса общества), развернулся процесс дифференциации в средних слоях, которые в кадаровские времена составляли весьма значительную часть венгерского населения. Пренебрежение интересами этих слоев, ядром которых являлась интеллигенция, по сути и привело к поражению на майских (1994 г.) парламентских выборах правящей коалиции ВДФ-НПМХ-ХДНП.

Процесс общественных преобразований и современного обуржуазивания сложен. Стране недостает средств для поддержания среднего и мелкого предпринимателя. Прочно чувствует себя лишь прослойка богатых, или, как ее в Венгрии именуют, "новых богатых", которая рекрутируется в основном из рядов бывших директоров госпредприятий, кооперативов, а также партноменклатуры 80-х годов. Именно они с большой пользой для себя приватизировали или акционировали значительную часть государственного имущества. Именно они, наряду с вернувшимися из эмиграции собственниками, приобретшими за рубежом опыт предпринимательства и имеющими средства для бизнеса, кооперировались с представителями иностранного капитала и фактически заняли ключевые позиции в экономике, т.е. стали новыми буржуа.

Правда, говоря о Венгрии, печать нередко сообщает о "новом классе собственников", куда авторы соответствующих публикаций причисляют около 2 млн человек. На деле же, как и в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, за пятилетие посткоммунистических преобразований еще не произошло существенного расширения "среднего класса" или же средних слоев общества, на что рассчитывала политическая элита демократических сил. Скорее наоборот – усилился процесс пролетаризации, скатывания бывших средних слоев вниз по социальной лестнице. Такого рода перемещения подтверждены конкретными социологическими исследованиями, которые проводились в Венгрии, Чехии, Словакии, Польше, а отчасти и в России.

Сказанное означает, что социальное неравенство в условиях становления рыночных отношений значительно увеличилось по сравнению с прежним периодом и системой хозяйствования. Применительно к Венгрии отметим, что в 1992 г., согласно социологическим исследованиям, к прослойке наиболее бедных людей причислялось от 1,6 до 2 млн человек из почти 10 млн населения страны³⁶. Решение проблем беднейших слоев остается важной государственной задачей, ибо в противном случае неизбежны острые социальные конфликты, которыми могут воспользоваться крайние политические силы отнюдь не в интересах демократии.

Подводя итоги деятельности в 1990-1994 гг. первого коалиционного демократического правительства в Венгрии в области экономики и социальной сферы, следует констатировать следующее. Кардинальные преобразования, начатые и частично осуществленные этим правительством, по своим масштабам сравнимы разве что с теми процессами, которые имели место в стране в конце 40-х – начале 50-х годов, но прямо с противоположным знаком и направлением: как тогда, так и в начале 90-х годов в структуре экономики и общества, в системе политических институтов были осуществлены коренные изменения. За 1990-1994 гг. государственная

собственность сократилась на половину, почти в 5 раз увеличилась численность самостоятельных хозяйственных единиц, удвоилось число предпринимателей. В страну хлынул значительный иностранный капитал, который ныне работает в экономике. Однако за эти преобразования пришлось заплатить немалую цену. Это прежде всего спад производства, снижение прироста валового национального продукта, сокращение реальных доходов большинства населения, безработица, охватившая от 600 до 700 тыс. человек трудоспособного возраста. Однако если исходить из неизбежности возвращения страны на путь капиталистического развития (а на этот путь встают практически все страны бывшего социалистического ареала Европы), из неотложных задач модернизации экономической сферы, то масштабы социальных издержек в сравнении с другими восточноевропейскими странами следует признать далеко не самыми высокими, а это уже несомненный плюс. К этому надо прибавить осознанную тактику более плавного перехода к новым условиям. С учетом сказанного деятельность правительственной коалиции во главе с ВДФ надо, как представляется, оценить положительно. Тем более, что ей удалось избежать социальных конфликтов. Это не означает, правда, умаления сложностей переходного периода, которые легли тяжелым бременем на плечи подавляющего большинства венгерского народа (что безусловно отразилось на итогах парламентских выборов 1994 г., когда население проголосовало за отставку кабинета и за программу ВСП, от которой ожидается смягчение социального пресса).

Правительству удалось сделать, несомненно, больше в политической сфере. По части обеспечения гражданских прав и свобод, демократизации общественно-политической жизни венгерское общество сделало решительный шаг вперед. А вот в экономическом плане, в обеспечении благосостояния общества это правительство явно проиграло. Правда, демократический кабинет внес необходимый вклад в создание основ

социальной защиты. Этому кабинету к концу периода своего правления удалось увидеть некоторые симптомы улучшения ситуации в социальной сфере. Так, за первое полугодие 1994 г. доходы населения Венгрии выросли на 25-28%, а пенсии были увеличены на 33%³⁷.

Однако социальные издержки переходного периода все же перевесили в настроениях венгерских избирателей весной 1994 г. Вектор этих настроений определило не позитивное начало, не то, что демократический кабинет избежал резких перепадов в экономической политике и "шоковой терапии". Определяющим здесь оказалось негативное для кабинета сравнение широкими слоями населения своего ухудшающегося положения с относительно благополучным состоянием позднекадаровской эпохи. Эти ностальгические сравнения и подвигли людей отдать свои голоса не за правительство, а за его противников, как это было в 1990 г. Четыре года спустя сложившийся избирательный расклад способствовал укреплению позиций не демократов, а Венгерской социалистической партии, которая вступила в коалицию с Союзом свободных демократов. Эта коалиция возникла исключительно быстро, ибо ССД резко поменял свое амплуа, функции и даже принципы, превратившись вдруг из бывшей самой яркой антикоммунистической партии в союзника социалистов.

Новая коалиция (ВСП и ССД) во главе с Д.Хорном, которая предпочитает именовать себя социал-либеральной, после поражения прежней коалиции дала свою оценку положения вещей в венгерской экономике, квалифицируя получаемое наследство в качестве весьма тяжелого и кризисного. Еще в стадии своего формирования ее создатели заговорили о "глубоком и всеобщем кризисе преобразований", нажимая при этом на то, что для экономики страны характерными стали "одновременный спад производства и внешней торговли, безработица, дефицит бюджета, сокращение капиталовложений, ухудшение конкурентоспособности и неудовлетворительное обеспечение внутреннего рынка"³⁸. В урядительном

соглашении новых партнеров по коалиции подчеркивалось, что для разрешения возникших проблем требуются нетрадиционные методы и средства, что "изменить кризисную ситуацию возможно лишь многолетними хозяйственными усилиями, последовательной экономической политикой"³⁹. Партнеры выразили свою приверженность рыночной экономике, базирующейся на частной собственности. Эти принципы должны определить политику кабинета на предстоящие 4 года (1994-1998).

Состояние венгерской экономики и осуществляемых преобразований на деле не заслуживают тех мрачных красок, в каких пытаются обрисовать деятельность прежнего кабинета отдельные политики из оппозиционного лагеря, которые утверждают, что принимаемое экономическое наследство находится в гораздо худшем состоянии, чем оно было в 1990 г. Подтверждением обратного служат оценки экспертов. Так, в частности, представитель МВФ в Венгрии, Д.Копич полагает, что венгерская экономика и особенно ее предпринимательский сектор "находится в гораздо более благополучном состоянии", чем в 1990 г., когда ее принимал кабинет во главе с Й.Анталом. Он отметил также, что нынешнему правительству Д.Хорна достались "экономические субъекты, значительно больше ориентированные на рынок, более гибкие и более чутко реагирующие на затраты, чем прежние"⁴⁰. Структуру венгерской экономики этот эксперт определил как более здоровую и положительно оценил то обстоятельство, что прекратили свое существование нежизнеспособные предприятия. Говоря об отрицательных последствиях проводимых преобразований, он подчеркнул: "Это безусловно сопровождалось безработицей и снижением жизненного уровня части населения, и к тому же необходимостью создания системы социальной защиты. Однако обнадеживает множество новых предпринимательских начинаний и те иностранные капиталовложения, которые благодаря внедрению современных технологий уже приводят и привели к созданию новых рабочих

мест"⁴¹. В качестве важного достижения 4-летнего правления прежнего кабинета Д.Копич назвал то, что Венгрия стала полностью открытой для мирового хозяйства и рынка, а ее внешняя торговля "больше не реализуется через монополию крупных государственных предприятий". Несбалансированность госбюджета и внешнюю задолженность этот специалист МВФ назвал тяжелыми проблемами, заслуживающими серьезного внимания и требующими решения. По его мнению, они были вызваны прежде всего тем, что долго откладывалась реформа государственного хозяйства и эти проблемы не решались в прошлом. Заслуживает внимания и такая еще оценка представителя МВФ: "Современная ситуация никак не сравнима с положением четырехлетней давности, когда страна практически не имела валютных запасов"⁴². Упомянутые Д.Копичем актуальные проблемы осознаны новым правительством Венгрии, и оно считает своим долгом приступить к их решению. Во всяком случае новый министр финансов Л.Бекеши еще до вступления в должность отозвался о них как о первостепенных экономических задачах будущего кабинета. Премьер-министр Д.Хорн (также до вступления в должность) заявил о своей приверженности начатым прежним кабинетом экономическим преобразованиям и рыночному хозяйству, базирующемуся на частной собственности. В начале июля 1994 г. в интервью для печати Л.Бекеши говорил о "венгерской экономике, которая, к счастью, не находится в таком положении, что было бы необходимым объявить о неплатежеспособности страны"⁴³. Фактически это явилось косвенным признанием компетентного специалиста заслуг прежнего кабинета и опровержением уничтожающей критики его хозяйственно-экономической деятельности. Следует, правда, отметить, что министр обратил внимание и на существующие недостатки своих предшественников: утечка капитала за рубеж; недостаточный экономический рост; несовершенство налоговой системы; спасение от краха отдельных убыточных предприятий, которым к тому же давались средства на повышение

зарплаты их персонала на 25-28%; высокое внутреннее потребление – рост заработной платы только за первое полугодие 1994 г. на 10% при увеличении валового общественного продукта всего на 1%; дефицит бюджета и чрезмерные затраты на госуправление; затянувшаяся выплата компенсаций и др. Желая исключить повторение этих недостатков, он выразил намерение превратить министерство финансов в своего рода суперминистерство по экономике, которое должно жестко контролировать расходы государственных средств, регулировать не только денежный поток, но экономический рост, ориентируясь прежде всего на развитие экспорта и международных экономических связей.

Нынешняя правящая коалиция (ВСП и ССД) еще накануне передачи ей рычагов власти обнародовала основы своей правительственной программы, в которой четко выражены экономические и социальные устремления кабинета. В них подчеркнута решимость продолжить начатые в 1989 г. преобразования, создать основы экономики, "базирующейся преимущественно на частой собственности и эффективном росте", "модернизировать общество и экономику"⁴⁴. В программных установках даны обещания повысить техническую оснащенность производства и строительства "социально чувствительного", т.е. ориентированного государства. В случае реализации программы новое правительство считает, что ему удастся поднять венгерскую экономику за 5 лет. Специалисты, анализируя программные установки, считают возможным добиться этого на базе уже сделанного за 1990-1994 гг. прежним кабинетом в случае подъема мировой экономики. Следует отметить, что такой подъем в ряде развитых капиталистических стран после кризиса последних лет, сравнимого разве что с мировым экономическим кризисом начала 30-х годов, уже начался. Некоторые экономисты обращают внимание на то, что кабинет Хорна, так же как и прежний, экономические проблемы страны собирается решать монетарными средствами и методами. При этом они предупреждают, что

осуществить экономический подъем и остановить спад жизненного уровня поможет только политика, нацеленная на развитие производства и на экспорт⁴⁵.

Нынешний двухпартийный кабинет собирается уделять больше внимания экономическим и социальным проблемам. Он провозглашает ликвидацию бюджетного дефицита, сокращение инфляции и безработицы, заботу о малоимущих. Вопрос в том, сумеет ли он выполнить свою экономическую программу и при этом соответствовать ожиданиям масс в сфере социальной политики? Не вызовет ли эта программа и обещания нового кабинета разочарования в широких слоях общества? Ведь специалисты уже сейчас обращают внимание на внутреннюю противоречивость этой программы, которая в народе называется просто "программа Бекеши" (по имени нового министра финансов). В ней, по мнению специалистов, меньше элементов социалистического, а точнее, социально-защитного характера, а больше уступок представителям ССД, известным в прошлом еще более радикальными экономическими устремлениями, чем представители ВДФ. Некоторые обозреватели в этой связи обращают внимание на следующие слова из программных установок нового кабинета: "Состояние экономики критическое. Создание условий стабилизации, модернизации и экономического роста требуют экономии (средств), накопления и капиталовложений, — но все это возможно обеспечить только за счет (сокращения.— Б.Ж.) потребления"⁴⁶.

Поразительный успех социалистов на весенних парламентских выборах 1994 г. (54% голосов) мог бы способствовать выдвиганию более весомых и принципиальных программных целей и задач. Правда, социально-защитную направленность социалистической политики в области экономики весьма нелегко сочетать с императивами сбалансирования бюджета и выплаты иностранного долга. Известный венгерский независимый экономист Ш.Копачи выразил свое сомнение в верности правительственной программы социально-

защитным идеалам следующим образом: "Бекеши бюрократ, который считается только с миллиардами, но за деньгами не видит человека. Господин премьер-министр предоставляет экономическую политику на откуп специалистам, так же как это делал Йожеф Анталл. Делает он это с той существенной разницей, что Анталл не предоставлял им политическую власть для осуществления экономических задач. Хорн же дает им слишком большую власть... Результат будет идентичным – потеря доверия избирателей"⁴⁷. До окончательной проверки этого пессимистического высказывания остается, однако, еще 4 года.

Коалиционное правительство ВСП-ССД заявляет в правительственной программе о выработке новой приватизационной стратегии, для реализации которой предпочтение собирается отдавать не маломощным и средним акционерам, а крупным иностранным и отечественным хозяевам. При этом подчеркивается, что создание условий для развития венгерской экономики немыслимо без привлечения внешних средств и ресурсов. Выражено стремление к активному поиску рынков сбыта для венгерских товаров, включая потерянный ранее восточноевропейский рынок. В отношении политики занятости коалиция обещает коренное улучшение ситуации в условиях продолжающегося продвижения к рынку. Правда, здесь налицо и некоторая внутренняя противоречивость. "Даже в случае оживления в экономике необходимо будет считаться с высоким уровнем безработицы из-за неизбежного сокращения рабочих мест в результате модернизации и изменения структуры экономики"⁴⁸, – говорится в одной из характеристик этой правительственной программы. Значит, социальные издержки по-прежнему имеются в виду, устранения их не предусматривается.

Любопытно обратиться к некоторым оценкам самих левых сил. Так, созданное еще в 1991 г. объединение "Левая альтернатива" об экономической программе социал-либеральной коалиции писало, что она по сути предполагает

"шоковую терапию", но может вызвать "шок без терапии"⁴⁹, следовательно, неприемлема для профсоюзов. "Левая альтернатива", критикующая новую политическую элиту слева, по свидетельству печати, упрекает ее в том, что эта элита стремится "продать", т.е. преподнести общественности, финансовую политику либералов (ССД), защищающих по сути интересы зарубежного финансового капитала, не просто в качестве социалистической программы, но и общенациональной. Отмечается, что предлагаемая социал-либеральной коалицией программа радикальной перестройки рынка труда приведет к обнищанию около 30% общества⁵⁰. Разумеется, лишь конкретная политика и будущее покажут, каким будет реальный исход. И все же социалисты не должны забывать предвыборное заявление своего лидера, нынешнего премьер-министра Д.Хорна о том, что любое правительство, которое одержит победу на выборах 1994 г., "будет обречено на поражение, если оно не согласует свою политику в области экономики, социального переустройства и смены режима с профсоюзами"⁵¹. С учетом этих факторов и обстоятельств премьер-министр страны в начале февраля 1995 г. оказался вынужденным принять отставку И.Бекеша, который далеко не только по причине несогласия с методами дальнейшей приватизации госсобственности, но скорее за свою жесткую социально-экономическую политику, приведшую к дальнейшему резкому спаду жизненного уровня широких слоев населения, был вынужден расстаться с креслом министра финансов Венгрии.

В заключение остается заметить, что новая политическая и экономическая элита затронутых преобразованиями восточноевропейских государств еще не до конца осознала, что рыночное хозяйство или свободный рынок не столь уж "свободны". Переход к ним нуждается в определенной подготовке, четкой и продуманной государственной программе и в известной мере даже в контроле в интересах самих же преобразований, смягчения их социальных издержек и последствий,

исключения возможных катаклизмов. Цивилизованные условия перехода требуют не столько внедрения свободного рынка любыми методами, сколько направляемого процесса переустройства и модернизации с учетом социальных условий, чтобы исключить пессимизм и назревание разочарования в реформах, осуществляемых далеко не в отсталом регионе мира, а в европейских странах, где население обладает довольно высоким образовательным и профессиональным уровнем, интеллектуальным потенциалом. Успехи модернизации в этом регионе во многом зависят от учета всего комплекса этих обстоятельств.

Примечания

- 1 Сегодня. 19.VIII.; 27.VIII.1994
- 2 Népszabadság. 1990. majus 23.
- 3 Ibidem.
- 4 Népszava. 1994. augusztus 9.
- 5 Еженедельный бюллетень МТИ, 25.II.1994. С. 12.
- 6 *Inotai A. A Nyugat és a közép-és kelet-európai átalakulás // Közgazdasági Szemle. 1993. 11. sz. 919. old.*
- 7 Magyar Nemzet. 1994. július 1; Visszajáró pénzek // HVG. 1994. 27. sz. 29. old.
- 8 Ibidem.
- 9 Visszajáró pénzek. 29. old.
- 10 Magyar Nemzet. 1994. augusztus 9.
- 11 Visszajáró pénzek. 29. old.
- 12 Magyar Nemzet. 1994. augusztus 9.
- 13 Népszabadság. 1994. július 23.
- 14 Magyar Hírlap. 1994. július 8.
- 15 Известия. 8.VII.1994.
- 16 Megszépitő távolság // HVG. 1994. 27 sz. 9. old.
- 17 Еженедельный бюллетень МТИ. 29.IV.1994. С. 2-3.
- 18 Венгеро-русские торгово-экономические связи и перспективы // Вид на Венгрию. Будапешт. 1994 (весенний выпуск). С.2; Вести Европы (Вестник ИТАР-ТАСС). 5.V.1994. С. 9.

- 19 Magyar Nemzet. 1994. július 21.
- 20 Népszava. 1994. augusztus 9.
- 21 Magyar Nemzet. 1994. július 21.
- 22 Környezetvédelem. A Magyar Nemzet Melléklete. 1994. június 24.
- 23 Andorka R. A magyar társadalom lelkiállapota // Magyarok Világlapja. 1994. 8. sz. 26. old.
- 24 Magyar Hírlap. 1994. június 21.
- 25 Megszépitő távolság, 9. old.
- 26 Magyar Nemzet. 1994. július 1.
- 27 Ibid. április 28.
- 28 Magyar Hírlap. 1994. június 24.
- 29 Új Magyarország. 1993. július 6; Koltay J. Munkanélüliség és foglalkoztatáspolitikai Közép-és Kelet-Európában // Közgazdasági Szemle. 1994. 2. sz. 148-149. old.
- 30 Koltay J. Op. cit. 149. old.
- 31 Pesti Hírlap. 1994. május 17p
- 32 Koltay J. Op. cit. 164-165. old.
- 33 Új Magyarország. 1993. július 6.
- 34 Magyar Hírlap. 1994. május 4.
- 35 Ibidem. 1994. április 23.
- 36 Magyar Nemzet. 1993. július 31.
- 37 Ibid. 1994. július 9.
- 38 Magyar Hírlap. 1994. június 22.
- 39 Ibidem.
- 40 Magyar Nemzet. 1994. július 26.
- 41 Ibidem.
- 42 Magyar Nemzet. 1994. július 26.
- 43 Magyar Hírlap. 1994. július 4.
- 44 Népszava. 1994. augusztus 9.
- 45 Magyar Nemzet. 1994. július 11.
- 46 Ibidem.
- 47 Magyar Nemzet. 1994. augusztus 9.
- 48 Magyar Hírlap. 1994. június 22.
- 49 Magyar Hírlap. 1994. június 24.
- 50 Ibidem.
- 51 Magyar Nemzet. 1993. július 10.

Либерально-демократический конгресс в поисках своего места на польской политической сцене

Либерализм как идейно-нравственное явление и как практика общественно-государственного устройства возник в конце XVII – начале XVIII в. У его истоков стояли Д.Локк, А.Смит, Ф.Вольтер, Д.Дидро, И.Кант, Т.Джефферсон – перечень столь известных имен можно продолжить. При всех оттенках и нюансах идеологии классического либерализма к ее постулатам относится признание изначального (от рождения) равенства всех людей и абсолютной ценности личности, автономии ее воли; незыблемости основных прав человека (права на жизнь, свободу, собственность и др.). Однако либерализм не означает утверждения "неограниченной" свободы, а, напротив, предполагает ее нормативно-правовое оформление, наличие социального контроля, соответствующих государственных механизмов. При этом государство, целью которого является защита "естественных" прав индивида, должно строиться на основе консенсуса при неукоснительном соблюдении верховенства закона.

Разумеется, были и есть различия не только в трактовке, акцентах и ранжировке тех или иных либеральных ценностей, но и в видении конкретных способов их обеспечения. В условиях глобальных изменений жизненных реалий, глубоких социальных, экономических и политических сдвигов и потрясений происходит переосмысление этих ценностей, их актуальности, значимости, путей достижения. Либеральные установки неизбежно вступают в соприкосновение с идейными, нравственными и политическими установками и целями других общественных движений. Здесь наблюдаются процес-

сы как отторжения, так и взаимопроникновения и зачастую бывает невозможно провести четкую грань и отнести данные взгляды и позиции к "чисто" либеральным или консервативным, социал-демократическим и т.п. Сегодня, например, мало кто не выступает за последовательное соблюдение прав человека, развитие демократии, рыночных отношений, утверждение законпорядка и т.д. Но, конечно, приверженность общим ценностям не исключает различий, иногда весьма существенных, в определении приоритетов, в практических действиях и др.

В целом либерализм – продукт западной цивилизации, и как система или набор определенных идеологических, морально-нравственных ценностей он является весьма весомым элементом "западноевропейского" и "североамериканского" менталитета. Сложнее обстоит вопрос его организационно-политического выражения, ибо в силу своей широты, "общечеловечности" идеи либерализма не могут быть монополизированы какой-то одной общественно-политической силой или социальной группой. Нужно учитывать, что "чистого", "классического" либерализма на практике ныне вообще не существует. Он, как уже отмечалось, или "растворен", или "совмещен" с другими общественно-политическими теориями, нередко отличаясь при этом заметным "налетом" специфики данного региона, государства, социального слоя и др. Можно также отметить, что в политических системах современных западных государств либеральные партии не играют, как правило, ведущей роли; обычно они выполняют своего рода невралгическую функцию помещенной в центре партийного спектра "стрелки весов" или же партии, поддерживающей правящие силы.

* * *

Польский либерализм имеет свои специфические черты, на которые, в частности, указывается в статье П.Александровича "Либеральное открытие"¹. Так, польские либералы заявляют об особенной приверженности прагматизму, но они не ощущают под собой особо прочной почвы. В сегодняшнем мире либеральное движение стоит на страже уже сложившейся демократии и рыночной экономики. В Польше же либералы призваны пока лишь способствовать их оформлению, причем в довольно сложных социально-экономических и политических условиях. Отсюда – сознание необходимости прагматического, недоктринерского подхода к собственным идеалам. Из условий деятельности вытекают специфические задачи польских либералов. Они возглавляют сторонников широкой, всеобщей приватизации, преследуя двоякую цель: с одной стороны, такая приватизация должна способствовать росту экономической эффективности, с другой – созданию среднего класса как социальной базы нового строя. Параллельная задача, которую польские либералы выпукло обозначают, – это сужение сферы присутствия государства в обществе. По мнению автора, либералы будут, как это ни парадоксально, использовать административные методы и государство, чтобы как можно скорее ограничить его прежнее присутствие. Устранение бюрократии, упрощение и ограничение правового регулирования, регионализация и децентрализация – все это должно служить созданию современного государства.

Следует заметить, что польский либерализм никогда не имел глубоких корней. Это обусловлено двумя основными причинами: во-первых, в стране, так тесно связанной с костелом, как Польша, либералы не могли рассчитывать на слишком большое внимание; во-вторых, либерализм в Европе развивался в обществах, в которых не было особых проблем с государством. Свободный рынок мог функционировать только там, где существовало сильное и стабильное государство, а полякам пришлось полтора века бороться за государственную

независимость. Их энергия была направлена более в сторону политики, чем экономики. Патриотизм выступал как коллективная защитная реакция поляков на экспансию их западных и восточных соседей. Следовательно, решались прежде всего не цели укоренения свободного рынка в польском обществе в качестве фундамента его либерально-демократического развития. Поэтому Дональд Туск, лидер Либерально-демократического конгресса (ЛДК), говоря о его шансах на успех, подчеркнул, что проблемой для либералов всегда было отсутствие возможности обращения к политической истории Польши, которая за последние 100 или 150 лет отнюдь не была страной, где средние слои имели возможность развиваться естественным путем².

О необходимости сохранять своеобразный позитивизм как отличительную черту либеральной ориентации в Польше пишет Я.Левандовский в статье "Какой либерализм необходим Польше?"³. На пороге 1992 г., когда уже "отведали" рынка, приватизации и демократических обычаев, труднее быть либералом, чем на старте реформы, замечает автор. Но тем более необходим в стране прагматический либерализм, а реальная дискуссия над выбором социально-демократического или либерального пути может состояться только тогда, когда фундамент рынка будет готов, когда присутствие государства в экономике сократится до уровня, сравнимого с Австрией или Италией. Левандовский пишет, что особой чертой политической жизни в Польше является любовь переодеваться в христианско-демократические костюмы, провозглашать христианские ценности и заигрывать с костелом. Эта тенденция закралась также в ряды Либерально-демократического конгресса и являет собой попытку переделать либералов в так называемых христианских консерваторов. Либерализм не является программой, охватывающей 24 часа жизни человека. Наоборот, речь идет о гарантии каждому максимально широкого поля приватности и свободного выбора, в том числе религиозного. Поэтому ЛДК выступает за полное

отделение государства от костела. Внедрение этого принципа в жизнь – одна из опор гражданского общества.

ЛДК как партия организационно оформилась в июле 1990 г., но в 1983 г. первый номер "Пшеглэнда Политычного" ("Политического обозрения") указывал, что люди из антикоммунистического подполья, объединенные вокруг издания, обращаются к принципам западного неоллиберализма. Либералы в Польше стали сильной партией как бы случайно, благодаря капризу истории и воле президента. В годы военного положения и в более поздний период это была небольшая сплоченная группа друзей, связанная организацией помощи нелегальной "Солидарности", редактированием "Пшеглэнда Политычного" и общими взглядами на экономику. Я. Левандовский напоминает, что либералы своим особым способом участвовали в демонтаже коммунизма, углубляли трещины системы, создавали зачатки экономической культуры нового типа. Это дополняло эпопею "Солидарности" и наиболее ошутимо проявилось, когда либеральные круги Гданьска организовали материальную поддержку забастовок на Гданьской судовой верфи в 1988 г.⁴

I учредительная конференция Либерально-демократического конгресса состоялась 29-30 июля 1990 г. В ней участвовало 111 делегатов, представлявших главным образом финансово-промышленные компании и деловые круги всей Польши, прежде всего варшавского и гданьского регионов. На конференции было провозглашено создание ЛДК как политической партии, приняты ее программа и устав. Материальную основу свободы и ответственности человека, говорится в программе, составляет частная собственность, которая создает гражданское общество и является предпосылкой его экономической эффективности. Основная цель партии – создание условий для достойного существования человека, разнообразия и терпимости в человеческом общении. В программе подчеркивается большое значение сохранения христианских принципов морали при одновременном отде-

лении церкви от государства и гарантировании свободы совести.

ЛДК определился как партия прагматичного либерализма, делающая минимальный упор на идеологию, а нацеленная на реальную социально-экономическую действительность. Важной задачей провозглашено оздоровление и развитие польского народнохозяйственного комплекса посредством курса на приватизацию и свободный рынок. Особо выделяется необходимость либерализации основ земельного оборота, приватизации госхозов и отмены дотаций на сельское хозяйство. Делегаты учредительной конференции высказались за решительное ускорение приватизации и изменение политики в области зарплаты так, чтобы не тормозилось повышение оплаты труда в частном секторе. ЛДК намерен вступать в союзы с близкими ему организациями при сохранении своего "лица". Председателем правления ЛДК стал Януш Левандовский.

В последующие месяцы идейно-политическая оригинальность ЛДК выражалась также в отношении к Л.Валенсе, что вызвало его включение в Соглашение центристских сил, возникшее перед президентскими выборами как "проваленсовская коалиция". В действительности ЛДК вступил на политическую сцену только в период премьерства Я.К.Белецкого (январь – декабрь 1991 г.). Недоброжелатели либералов утверждали даже, что это Л.Валенса создал Конгресс. Только после его решения поручить формирование правительства Я.Белецкому либералы превратились из клуба друзей-единомышленников в обычную политическую партию. По мнению Д.Туска, следует признать, что либералы сумели использовать "свои 15, может, даже 5 минут, которые им дала история"⁵.

Ко времени II общепольской конференции ЛДК, состоявшейся 18-19 мая 1991 г., он объединял уже 2 тыс. членов в 30 отделениях. "Мы вышли из тени, хотя несколько месяцев назад никто о нас не слышал", – сказал на встрече с

журналистами новый председатель Конгресса Д.Туск. Важнейшим итогом конференции он назвал решение либерально-демократической фракции Демократической партии, насчитывавшей 1000 членов, о присоединении к ЛДК, а также принятие его программной платформы "Польша – к демократическому капитализму". ЛДК признал себя "партией перемен", способной предложить программу для людей активных, желающих изменить действительность и усматривающих в этом шанс материальной гарантии свободы. "Частная собственность освобождает человека и делает его сильным, способным функционировать даже в условиях большой неуверенности", – сказал председатель Политического совета ЛДК Я.Белецкий. Членов ЛДК он кратко охарактеризовал: "Это скорее бизнес, чем профессура"⁶

В ходе предвыборных дискуссий осенью 1991 г. лидер либералов Д.Туск предлагал критиковать или оценивать их через выдвижение альтернатив – ведь альтернативой капитализму является всем известный социализм. Проблема, по его мнению, состоит не столько в убеждении людей в преимуществах капитализма, сколько в том, что переход к нему не будет чрезмерно тяжелым. Зондажи общественного мнения подтверждали, что люди понимают необходимость утверждения частной собственности, гражданских свобод, либеральных ценностей, но не уверены в приемлемости цены, которую за это надо заплатить. Касаясь электората ЛДК, Д.Туск рассчитывал в основном на молодых (25-30-летних) граждан, которые видели шанс для себя в экономической и политической свободе. ЛДК выступал по существу как городская партия, с большим удельным весом интеллигенции. Однако его лозунги и цели не чужды были при соответствующей аргументации и верной тональности и для тех крестьян, которые видели возможности, открываемые для них свободным рынком⁷.

ЛДК не создавал предвыборных коалиций, но не исключал привлечения под свои знамена группировок схожей

политической ориентации, например либерально-демократической фракции в Демократической партии, консервативно-либеральной партии. Главной задачей либералы считали, чтобы в парламент попало как можно больше сторонников рыночных реформ.

Результаты парламентских выборов в октябре 1991 г. – 8,6% голосов избирателей – эйфории у либералов не вызвали. Вместе с тем Я.Белецкий отнесся к ним философски: "Миллион людей в Польше поверил в либерализм", – сказал он сразу после объявления результатов. Известные основания для такой оценки были. В целом предпочтение избирателей было отдано правоцентристским группировкам, но значительная часть общества высказалась не просто за продолжение реформ, а за радикальное смещение их приоритетов и методов. Из участвовавших в выборах 18 партий и объединений больше всех голосов (14,5%) собрал Демократический союз во главе с бывшим премьером Т.Мазовецким, далее Союз демократических левых сил (12,1%), Католическая избирательная акция (9,2%), ЛДК (8,6%), Гражданское согласие центристских сил (8,1%), Конфедерация независимой Польши (7,3%), Польская крестьянская партия – Программный союз (6,5%), профсоюз "Солидарность" (5,5%), крестьянское движение "Крестьянское согласие" (3,4%), Союз реальной политики (2,5%)⁸.

В конце 1991 – начале 1992 г. внутри ЛДК развернулась борьба между сторонниками идеи широкого правоцентристского блока, инициатором формирования которого был бы либералы, и приверженцами концепции исключительно либеральной партии. Ответ должна была дать февральская (1992 г.) конференция ЛДК, до созыва которой шли бурные дискуссии о прошлом и будущем партии. Вице-председатель ЛДК Лех Мажевски считал, что без создания широкого умеренно-правого блока у либералов мало шансов прийти к власти. И если они однозначно хотят сохранить демократию и ввести капитализм, то следует инициировать

объединение всех правоцентристских групп – от праводемократической фракции в ДС, через либеральное и хадецкое течение в Соглашении центристских сил, Республиканскую партию и Партию христианских демократов. Что касается отстаивания исключительно либеральной формулы, то, по его мнению, это привлечет в польских условиях максимум 5-7% электората, а с такой поддержкой либералы оказались бы способными успешно вводить демократический капитализм только с помощью "властителя", которым в нынешних условиях может быть только президент. Л.Мажевски полагал, что вопрос о дальнейшей судьбе польских либералов важен не только для них, но и для формирования и стабилизации (или дестабилизации) всей политической системы⁹ Проявив политическую инициативу и "открываясь вправо", ЛДК должен был внести вклад в упорядочение этой системы через объединение партий в соответствующие блоки. Это особенно важно для вошедших в сейм раздробленными правоцентристов, которые должны перегруппироваться с тем, чтобы, опираясь на общность целей (строительство демократического капитализма) и представляемых интересов (средний класс), создать крупное политическое объединение.

Другую линию представлял Януш Левандовский, министр преобразования форм собственности в правительстве Я.Белецкого. Он утверждал, что либералы должны выступить самостоятельно и сохранять "программную чистоту". Последствием такого выбора, по его мнению, могла бы стать 7-10%-я поддержка электората. "У нас нет силы, объединяющей широкий право-либеральный блок", – утверждал Левандовский. Подобный взгляд разделяли М.Бони и Я.Меркель, которые при этом считали вполне возможным и желательным создание в перспективе блока умеренно правых.

III общепольская конференция ЛДК, состоявшаяся 22-23 февраля 1992 г., дала ответы на вопросы, должен ли ЛДК быть партией "чистого либерализма" или широким правоцентристским объединением, кто будет лидером польских

либералов, как партия бывшего премьера оценивает свое годовое правление. ЛДК осталась партией однозначно либерального характера. Д.Туск, которого оценивали как умеренного сторонника сохранения "целостного либерализма", вновь был избран председателем партии. Его единственный конкурент Л.Мажевски проиграл при соотношении голосов 1:2. Если в качестве сторонников концепции создания большой правоцентристской группировки принять голосование за Л.Мажевского, то в новом Правлении (из 51-го человека) они составили около 1/4.

Оба кандидата в партийные лидеры разошлись в оценке деятельности правительства Белецкого, функционировавшего с января по декабрь 1991 г. Мажевски считал, что вопросов без ответа осталось больше, чем решено проблем. Туск выразил "очень хорошее мнение о правительстве Белецкого". Не всегда удовлетворительные результаты, как он полагал, являются следствием условий; в которых этому правительству пришлось действовать. Конкуренты согласились в одном: председателем парламентского клуба ЛДК должен стать Белецкий. Прежний премьер ушел от непосредственной оценки своего правительства, определив в качестве "условия нынешнего правления" поддержку со стороны коалиции большинства, наличие удовлетворительной программы, незамедлительное принятие по крайней мере "малой конституции"¹⁰.

III конференция ЛДК констатировала, что численность последнего 3100 человек и что наименее "либеральной" территорией страны являются регионы юго-восточной Польши. Ее решения были неоднозначно восприняты политиками различных направлений. Так, М.Буджиш, член Совета Демократического союза и член Правления Форума демократических правых сил заявил, что победа в руководстве ЛДК "изоляционистов" может привести к поражению либерального лагеря в целом¹¹. Лагерь этот, надо заметить, в Польше значительно шире, чем электорат одной либеральной по на-

званию партии. Анализ результатов выборов 1991 г. показывает, что молодых, предприимчивых, позитивно относящихся к происходящим в Польше переменам людей можно найти среди голосовавших за кандидатов по крайней мере нескольких "постсолидаристских" партий.

На IV общепольской конференции ЛДК, прошедшей в конце октября 1992 г. в Гданьске, была принята политическая декларация "Либералы и действительность", в которой утверждалось, что "фундаментом либеральной концепции государства является положение о его мировоззренческом нейтралитете". В программном выступлении лидер либералов Д.Туск, в частности, отметил, что ЛДК представляет интересы частного предпринимательства в Польше, а не конкретного экономического лобби. ЛДК категорически выступил против "попыток введения фактической цензуры радио и телевидения", указав, что наличие в свидетельствах об окончании государственной школы оценки по религии является "нарушением права на приватность убеждений"¹². В целом же принятая конференцией политическая декларация отразила компромисс между сторонниками разных взглядов, что было признано необходимым для сохранения единства партии.

Оценивая решения конференции, Л.Мажевски писал, что в ЛДК произошел сдвиг вправо при одновременном отказе от прежней сдержанности по мировоззренческим вопросам. Была провозглашена чисто либеральная линия, положившая начало эволюции ЛДК в направлении светской партии правого толка. Это перечеркивало возможность сосредоточения в одном блоке всех правоцентристов – Польской конвенции, Соглашения центристских сил, Республиканской коалиции, Союза реальной политики, различных региональных группировок. Сам же Мажевски ратовал за создание партии явно прокапиталистического профиля и одновременно не ортодоксально либеральной¹³.

Депутат сейма от Христианско-национального объединения М.Пилка, трактуя либерализм в интерпретации ЛДК, подчеркивал, что программный атеизм и моральный релятивизм наносят удар по одному из фундаментальных аспектов правых убеждений, которым является признание Бога как всеобщего творца и верховенства моральных принципов над юридическими. Позиция же ЛДК дает основания для перемещения его в левый сектор политического спектра. И экономические установки ЛДК тоже, по его мнению, не способствуют причислению либералов к правым. Они сторонники существования в Польше иностранных фирм, открытых таможенных границ и наплыва заграничных товаров и тем самым не защищают польских производителей¹⁴.

Обращаясь к программной политической декларации ЛДК, М.Буджиш, связанный с Форумом демократических правых сил, отмечал, что в большинстве западноевропейских демократий религия тесно связана с политикой. В несравненно большей степени, чем в Польше, влияет там религиозный фактор на формирование законодательства по политическим, семейным, образовательным и другим вопросам. Несколько отличаются здесь по характеру отношений между религиозными институтами и государством лишь англосаксонские страны. Америка являет собой пример удавшегося эксперимента отделения церкви от государства и абсолютной свободы религии. Польские либералы, ссылаясь на американский опыт, чаще говорят о нейтральности государства. Реализация этого положения должна означать исключение какой-либо религиозной мотивации в законодательной деятельности. Однако, по мнению Буджиша, нельзя обойти молчанием послевоенную историю, когда коммунистический режим целенаправленно стремился вывести костел из многих сфер общественной жизни. С его точки зрения, декларация ЛДК свидетельствует о великой иллюзии, что в Польше, опираясь на идейные основы англосаксонского либерализма, можно создать сильную, доминирующую в политической жизни

правоцентристскую коалицию¹⁵. Во всех странах Западной Европы, в которых существуют группировки с подобными ЛДК установками, они не являются участниками упомянутой коалиции, а их роль, кроме Ирландии и Люксембурга, остается маргинальной.

* * *

Цель реформ, проводимых в Польше после падения коммунизма, – строительство демократического капитализма. В дискуссии же о том, какая общественная группа должна быть движущей силой дальнейших перемен прокапиталистического характера, на первый план вышел вопрос о налогах в связи с принятием бюджета на 1993 г. Здесь проявились две основные позиции: ЛДК и Консервативной партии. ЛДК исходил из того, что двигателем прокапиталистических перемен должен стать слой крупнейших предпринимателей, которые по мере своего развития создавали бы новые рабочие места. Консерваторы высказывались за умеренную прогрессивную шкалу (без 50%-го порога) в области индивидуального налогообложения, за введение инвестиционных льгот в сфере экономической деятельности. Эта программа ориентировалась на широко трактуемое понятие "мещанство" (средние слои), с помощью которого характеризуют тех, кто осуществляет непосредственную экономическую деятельность или использует свою квалификацию на рыночных принципах. Различия в стратегии реформы налоговой системы между консерваторами и либералами имели принципиальный характер. Деление общества на небольшую прослойку богатых и большинство тех, кто еле сводит концы с концами, тормозит его прогресс и порождает антидемократические и антикапиталистические настроения. Противостоять этому, по мнению Л.Мажецкого, следует через обеспечение самого широкого участия общества в процессах приватизации, посредством развития кредитных отношений и проведения

соответствующей налоговой политики¹⁶. Создание многочисленного слоя "мещанства" будет способствовать экономической и политической стабилизации.

Накануне парламентских выборов в сентябре 1993 г. лидер либералов Д.Туск заявил, что не нужно быть политическим гением, чтобы предвидеть: выборы в Польше выиграют левые. В обществе налицо ностальгия по социальным гарантиям. Оказывается, воспитанным в неволе людям весьма трудно или невозможно жить на свободе – она ошарашивает прежде всего необходимостью самостоятельно принимать каждодневные решения. Сейчас люди лечатся от четырех с лишним десятилетий социализма, и многие "солидаристские" политики совсем не случайно утверждают, что действительный триумф свободы связан со сменой поколений в Польше. По его мнению, основной политический вопрос, на который пыгаются сейчас ответить поляки, – в разумном направлении осуществлялись перемены в стране после 1989 г. или нет? Выступающие с критикой политики прошедших четырех посткоммунистических лет не хотят приватизации и считают, что государственная собственность по меньшей мере не хуже, чем частная; более того, дотации являются естественной и желаемой формой активности государства. ЛДК же со своей стороны формирование частной собственности признает приоритетом. Однако нередко в обществе допускается принципиальная ошибка: частная собственность трактуется не как цель, а как инструмент, который можно, но не нужно использовать. ЛДК полагает частную собственность целью, и не только потому, что она господствует в цивилизованном мире, более эффективна, чем государственная, но, быть может, прежде всего постольку, поскольку последняя является источником несправедливости, ибо всегда в конечном счете означает дотации из бюджета или попытку выравнивания шансов путем использования административной власти. И только частная собственность дает гарантии потребителю

демократическим способом – в форме купли-продажи – решать, что для него хорошо и что плохо.

Либералы подчеркивали, что альтернатива проводимому ими курсу – социализм. Кажущаяся простота этого выбора утонула в многопартийном шуме избирательной кампании. Могло показаться, что существует столько вариантов развития страны, сколько функционирует политических партий (а их в Польше было зарегистрировано более 200). Но, считает Д.Туск, есть только два варианта развития: либерально-рыночный, фундаментом которого являются свобода и частная собственность, и социалистический, ставящий эти ценности в большей или меньшей степени под вопрос¹⁷.

На выборах в сейм 19 сентября 1993 г. либералы набрали более чем в два раза меньше голосов по сравнению с 1991 г. – 4%. При наличии 5-процентного барьера для вхождения в парламент ЛДК стал внепарламентской оппозицией. Более всего голосов – 20,5% – получил Союз демократических левых сил (СДЛС). Из 460 депутатских мандатов на его долю пришлось 172. Далее следовали Польская крестьянская партия (ПКП) – соответственно 15,2% и 129 мест, Демократический союз – 10,8% и 69 мест, Союз труда – 7,2% и 46 мест, Конфедерация независимой Польши – 5,5% и 21 место, Беспартийный блок поддержки реформ – 5,4% и 20 мест¹⁸. Оправдались надежды на новую избирательную систему, которая должна была предотвратить раздробленность парламента на мелкие политические группировки. В сейм вошли представители 6 крупнейших партий против 28 в его прежнем составе.

Проигравшие считали, что победа левых сил на выборах не столько их заслуга, сколько результат раздоров и "войн" некогда единой "Солидарности". Победители, в частности один из лидеров СДЛС В.Чимошевич, полагали, что поражение правых – это в значительной степени следствие некомпетентности и грубых ошибок всех четырех предыдущих правительств, которые сменяли друг друга после прихода

к власти "Солидарности" (Т.Мазовецкого, Я.Белецкого, Я.Ольшевского, Х.Сухоцкой). Крайний либерализм в экономике и одновременно полное пренебрежение к социальной сфере неизбежно вели именно к такому результату. Лидер социал-демократов А.Квасьневский отмечал, что либералы провозгласили новую утопию: создадим, мол, рынок, и все наладится. Но рынок сам по себе не действует, его следует регулировать, чтобы он не приводил к таким катастрофическим результатам, как безработица, нищета, банкротство. Он одновременно подчеркнул, что СДЛС намерен внести коррективы в реформы, а не отказываться от них¹⁹.

Анализируя причины поражения ЛДК на выборах, П.Адамович и М.Д.Здорт главным его "грехом" называют "приватизационный". ЛДК не реализовал популярной идеи народного капитализма, отраженной в проекте всеобщей приватизации, который разработали Я.Левандовский и Я.Шомберг еще в 1988 г. Неизвестно, по каким причинам либералы, получив власть в 1991 г. (правительство Я.Белецкого), отказались от этого проекта, который был включен в их первую программу. Выборочная приватизация, растянутая во времени, к тому же неумело пропагандируемая, оказалась непопулярной. Либералы стали объектом обвинений в злоупотреблениях. Именно прекращение всеобщей приватизации проф. Я.Винецки назвал самой существенной ошибкой правящих команд после 1989 г.²⁰ ЛДК рассчитывал на получение поддержки части электората, недоброжелательной к костелу, боявшейся мнимой или действительной угрозы "правительства черных", и проиграл у той части иерархии костела, которая считала, что ЛДК приведет к синтезу католицизма и либерализма, к синтезу, сохраняющему либерализм в сфере экономики и политики, а консерватизм – в сфере идеологии. Следует упомянуть, что в предшествующих декларациях ЛДК проявлялась сдержанность в идейных вопросах, говорилось лишь о близости с Западной Европой, корни и самобытность которой идут от христианства.

Поражение либералов на выборах было явным не только в политической, но и в идеологической сфере. Деятельность ЛДК привела к разочарованию в том, что его лидеры называли капитализмом, к дискредитации либерализма как идеологии. Когда на какое-то время ЛДК взял на себя ответственность за управление страной, его лидеры были вынуждены отказаться от немедленной реализации прежних взглядов и стали утверждать культ прагматизма. Говоря о необходимости введения капитализма, они вместе с тем предостерегали, что по объективным причинам не могут "сразу" проводить либеральную политику. Правительства Я.Белецкого и Х.Сухоцкой готовили "социальное прикрытие" групп, определяемых как "беднейшие", отрицая тем самым принципы классического либерализма. Кабинет Я.Белецкого оттолкнул от ЛДК основную базу представителей среднего класса, введя с 1992 г. прогрессивную шкалу налогообложения, снижающую активность в экономической деятельности.

Социолог П.Щпевак считал, что поражение на выборах партии либералов было вызвано в значительной степени негативным имиджем, созданным вокруг нее. Если на каждом плакате ЛДК от руки дописывалось "Конгресс левых доходов – аферисты", значит, был вопрос, требующий выяснения. Программа ЛДК была сведена к макроэкономическим показателям, тем самым Конгресс показал себя сторонником "капитализма без сердца"²¹.

Одна из причин поражения ЛДК на выборах заключалась в том, что он так и не стал настоящей партией, не имел разветвленной организационной структуры. Вместе с тем либералы утверждали, что, являясь квалифицированными специалистами, они могут исполнять управленческие функции и в качестве внепарламентской партии. Однако ситуация, когда функционировало внепарламентское правительство Белецкого, вряд ли имеет шанс повториться. Даже дойти еще раз дело до формирования президентского кабинета, его составят не либералы. К тому времени Л.Валенса уже неоднократно и

нарочито пренебрежительно заявлял, что в 1991 г. он был вынужден создать правительство из представителей "третьей лиги". В свою очередь и Д.Туск необычно резко выступил против Л.Валенсы. Этот последний аккорд в избирательной кампании был одновременно началом конца для ЛДК. Достаточно символично, что либеральная партия, созданная в свое время Л.Валенсой, проиграла именно тогда, когда пошла в атаку на своего "крестного отца".

После выборов либералы оказались на распутье. Как весьма вероятное вырисовывалось объединение ЛДК и Демократического союза, ибо программно-идейных расхождений между ними не было. К тому же Д.Туск признавал, что действующий в одиночестве ЛДК обречен на поражение. Казалось, что лидеры ЛДК осознали неизбежность распада своего электората. Часть его готова поддержать Демократический союз по принципу "большой сможет больше". Другие – прежде всего частные предприниматели – пополнили число сторонников либерального течения в Союзе демократических левых сил (каждый пятый бизнесмен голосовал за СДЛС). Л.Мажевски считает, что если СДЛС удастся сохранить "свободнорыночную" политику, для большинства предпринимателей будет несущественным, если ее результатом станет "капитализм с номенклатурным лицом", – важно, что это капитализм. Те же, которым СДЛС "не по вкусу", т.е. радикалы, отдадут предпочтение Союзу реальной политики или Консервативной партии²². Следовательно, сильная либеральная партия не может сформироваться в стране, где нет либеральных традиций.

Своего рода расплата с лидерами за поражение на выборах могла бы произойти на V общепольской конференции ЛДК (12-14 ноября 1993 г.). Некоторые либеральные деятели панацеей от всех зол считали смену руководства, другие – объединение с близкими по программе группировками, прежде всего с Демократическим союзом. Наиболее очевидным объектом критики являлся, естественно, председатель партии Д.Туск. Адресованные ему упреки связывались не только с

деятельностью последних месяцев и итогами выборов. Часть либералов обвиняла Д.Туска в "недостаточной заботе" о самобытности партии при создании клуба "Польская либеральная программа" в сейме предыдущего созыва. Однако вопреки ожиданиям особо "горячего" на конференции не произошло. Дискуссия, по замечаниям одного из делегатов, больше напоминала "разговоры у тетки на именинах" – говорили так, чтобы никого особенно не обидеть. А ведь речь шла о том, чтобы обнажить ошибки партии, поскольку это был, пожалуй, единственный способ не допустить их превращения в "смертельный грех" ухода ЛДК в политическое небытие. На конференции оказалось, что отсутствуют кандидатуры альтернативных лидеров. Преобладающим большинством голосов председателем ЛДК вновь был избран Д.Туск.

Важным решением, касающимся дальнейшей судьбы ЛДК, стало почти единогласно принятое постановление, призывающее Демократический союз к созданию "новой прочной политической формации – партии польских перемен". Она должна противостоять как "популистским обещаниям левых", так и "безответственности псевдоправых". Либералы намеревались строить такую партию совместно с ДС, а также со всеми политическими группировками, организациями и лицами, которые поддерживают либеральную модель будущего Польши²³. Политическая драма Польши, заметил Д.Туск, заключается в том, что люди, привыкшие за предшествующие 45 лет к простейшему выбору и пассивности, были брошены в такой круговорот, который даже для либерала, предпочитающего широкое поле для маневра, невыносим²⁴. Процесс объединения казался на тот момент лидеру либералов одним из наиболее естественных.

Что же представлял собой Демократический союз, которому предстояло объединение с ЛДК? 16 месяцев правления кабинета Т.Мазовецкого и его поражение на президентских выборах 1990 г. – непосредственные причины возникновения Союза. Его создал . люди, объединенные вокруг

Т.Мазовецкого, критически настроенные по отношению к Л.Валенсе, к начатой им "войне в верхах", которая, по их мнению, разрушила лагерь "Солидарности". Формально ДС возник 16 декабря 1990 г. как группа лиц, связанных с правительством Мазовецкого и проводимой им политикой. Объединительный съезд всех формирований, поддержавших кандидатуру Мазовецкого на пост президента, прошел в мае 1991 г. В объединенный Демсоюз вошли ДС, Гражданское движение демократическая акция и Форум демократических правых сил, возглавляемый А.Халлем. Пессимисты предсказывали, что объединение группировок столь различной ориентации – от социал-демократической до либеральной – быстро распадется. Оказалось, однако, что "центр" ДС достаточно сильный, и положение Т.Мазовецкого как "скрепки" – достаточно устойчивое.

Демократический союз был весьма влиятельной группировкой. Именно из его среды вышли Т.Мазовецкий и Х.Сухоцкая, которые возглавляли правительство в течение 30 из 50 месяцев "после красной эры". Первая трещина в его рядах появилась осенью 1992 г., когда группа из нескольких человек во главе с А.Халлем, лидером Фракции демократических правых сил, вышла из ДС. Однако раскол не привел к естественному, казалось бы, смещению ДС влево. Сформированное Х.Сухоцкой правительство в коалиции с либералами и Христианско-национальным объединением послужило сохранению центристской позиции ДС. Кроме того, создание этого правительства, функционировавшего с июля 1992 г. до сентября 1993 г., являлось как бы доказательством склонности ДС к компромиссам.

Ситуация, сложившаяся после выборов в сентябре 1993 г., характеризовалась новым раскладом политических сил. ДС выступил на выборах сравнительно неудачно и стал в новом сейме наиболее правой группировкой, а его ближайший союзник – ЛДК – вообще оказался вне парламента. ДС уже не первый раз находился в оппозиции – он играл эту роль при

правительствах и Я.Белецкого, и Я.Ольшевского. Но на этот раз ситуация была принципиально иной. На чрезвычайном конгрессе ДС 5-6 марта 1994 г. было принято решение о создании совместной с ЛДК группировки, которая должна быть "партией центра", находящейся в оппозиции к коалиции СДЛС-ПКП. Предусматривалось, что лидером нового объединения будет Т.Мазовецкий²⁵.

История ДС, включая период, когда премьером был Т.Мазовецкий, фактически была политической историей страны последних лет. Однако такое совпадение завершилось выборами 19 сентября 1993 г. По словам Мазовецкого, закончилась одна и началась другая роль Союза. В стране стал формироваться новый политический организм, творцы которого видят его как "партию реформ" и намерены бороться за 1/3 польских избирателей. ДС – единственная среди вышедших из лагеря "Солидарности" группировка, которая все еще остается значительной силой. Другие, как отчетливо показали выборы 19 сентября, сходят на обочину политической жизни. Демократическому союзу тоже грозит нечто подобное, предостерегали сразу после выборов некоторые деятели ДС, аргументируя свои предупреждения следующими цифрами: 18% голосов было подано за Т.Мазовецкого на президентских выборах 1990 г., на парламентских – 12% в октябре 1991 г. и лишь немногим больше 10% в сентябре 1993 г.²⁶.

Сравнительно краткая история взаимоотношений ДС и ЛДК довольно сложна и противоречива. Во время президентских выборов они занимали полярные позиции – либералы входили в Соглашение центристских сил и решительно поддерживали Валенсу. Однако в сейме первого посткоммунистического созыва ДС и ЛДК оказались ближайшими партнерами. Кабинет Я.Белецкого проводил политику, схожую с критиковавшейся ранее либералами программой Л.Бальцеровича, рождавшейся в недрах ДС. Постепенно стало стираться и такое различие, когда в ДС шла "про-

мазовецкая" интеллигенция, а в ЛДК находили место сторонники Валенсы. Появление в ЛДК группы варшавских интеллектуалов (М.Бони, И.Кшеминьски, Я.Курчевски, П.Щпевак и др.) привело к созданию неформального социал-либерального крыла, высказывавшегося за более решительную социальную опеку для беднейших слоев населения, за либерализм в моральной и правовой сфере, причем крыла с явной антиклерикальной ориентацией.

ДС и ЛДК объединяло совместное пребывание в оппозиции. На период деятельности правительства Я.Ольшевского приходится начало сотрудничества так называемой малой коалиции, включавшей ДС, ЛДК и "Польскую экономическую программу". Они занимали одинаковую позицию во время важнейших голосований в сейме, совместно выступали в ходе переговоров о расширении парламентской базы кабинета Я.Ольшевского. После неудачи этих переговоров малая коалиция выступила с предложением об отставке правительства, а через несколько недель приняла участие в создании кабинета под руководством представителя ДС Х.Сухоцкой.

Вместе с тем ЛДК все более чувствовал себя "младшим братом". В то время "старшая сестра", или ДС (Уния демократычна) недоброжелательно смотрела на создание Д.Туском нового парламентского клуба – Польской либеральной программы, – трактуя его как проявление чрезмерной самостоятельности ЛДК²⁷. Однако общность интересов, вытекающая из участия в кабинете Сухоцкой, способствовала близости обеих партий. Схожесть программ и нередко необходимость совместного фронта против коалиционного Христианско-национального объединения, укрепляли эту близость. Но она оказалась недостаточно прочной, чтобы создать предвыборную коалицию. ДС и ЛДК вышли на старт самостоятельно, несмотря на то что настроения в обществе и Положение о выборах, предусматривающее 5%-й барьер, явно говорили о риске проиграть, что в итоге и случилось.

Несомненно, результаты выборов дали мощный толчок объединительному процессу. В начале октября 1993 г. руководство ДС почти единодушно предложило либералам создать единую политическую партию. Правда, спустя несколько недель часть представителей левого крыла ДС заявила, что решение о выдвижении названного предложения было принято поспешно и явилось скорее эмоциональным порывом, спровоцированным поражением на выборах. В официальном же заявлении руководства ДС отмечалось, что «перед лицом угрозы, которую представляет победа "партии обещаний без выполнения" (так характеризовался СДЛС.— О.М.), объединяя программы и людей, мы сможем действовать в пользу свободного рынка, децентрализации государства, гражданских инициатив и успешной социальной политики. Наша объединенная партия может и должна стать выразителем интересов всех тех, кому близки идеалы свободы и открытого общества, организацией, опирающейся на широкую поддержку»²⁸. Новый импульс был дан на съезде ЛДК в ноябре 1993 г., когда либералы формально приняли предложение ДС, не выдвинув практически никаких условий. Было только еще раз подтверждено, что ЛДК отказывается сотрудничать с группами, стремящимися к диалогу с СДЛС. Согласно опросу, проведенному Институтом социальных исследований в апреле 1994 г., решительное большинство избирателей — сторонников ЛДК и ДС — высказались за объединение.

Объединительный съезд ДС и ЛДК, состоявшийся 23-24 апреля 1994 г., проходил по запланированному сценарию. Неожиданностью был только непонятный для большинства делегатов отказ Я.Куроня выставить свою кандидатуру в руководство новой партии. В кулуарах это комментировалось как реакция на ее "слишком либеральную" программу. В программной декларации отмечалось, что "целью новой партии является создание сильной альтернативы группировкам, стоящим на позиции централизованного государства, кадровой партийной политикой и административного управле-

ния экономикой". Партия высказалась за "защиту свободы личности и прав меньшинства в русле главного принципа соблюдения равенства прав всех граждан", заявила о приверженности принципам "мировоззренческого нейтралитета" государства и "отделения костела от государства". Она выступила также за участие Польши в структурах международной безопасности, прежде всего в ЕС и НАТО.

Неожиданностью стало название новой партии – Союз свободы. Раньше фигурировали варианты названий: Либерально-демократический союз, Демократический конгресс, Союз свободных демократов, Конгресс свободных демократов, Партия демократов. Председателем Союза свободы в соответствии с предсъездовскими договоренностями стал Т.Мазовецкий, его заместителем – Д.Туск. Этот выбор был, по-существу, безальтернативным, ибо последние недели перед съездом показали: кандидатура Мазовецкого – единственная, которая гарантировала, что в день объединения не наступит разделение на "левых" (представленных В.Фрасынюком) и "правых" (объединенных вокруг Я.Рокиты и Х.Сухоцкой). Принятый устав предусматривает высшим органом партии Всепольский Совет из 100 человек. В его состав было избрано большинство ведущих деятелей обеих партий: 73 представителя ДС и 27 – ЛДК. Аналогичная пропорция сохранилась и при формировании Президиума из 11 человек, в состав которого из ДС вошли Вл.Фрасынюк, Я.Литыньски, В.Кучиньски, Я.Рокита и Х.Сухоцкая, а из ЛДК – Я.Левандовски и П.Пискорски, а также председатель партии и его заместитель, шеф парламентского клуба ДС Б.Геремек, генеральный секретарь Б.Коморовски. Как заявил Т.Мазовецкий, объединение ДС и ЛДК было "единственно логическим решением, которое стояло перед нашими партиями"²⁹.

Еще до формального объединения, с осени 1993 г. велась острая дискуссия о том, какими должны быть идейный облик и, соответственно, социальная база новой партии. Либо она будет "мещанской" (т.е. опираться на средний класс) с

легкими консервативными оттенками, избегающей идеологических споров с костелом и одновременно открытой и решительно "прорыночной". Либо будет делать акцент прежде всего на либеральных принципах экономики, мировоззренческом нейтралитете – как представляли себе лидеры ЛДК. Или же партия должна быть более "социальной", но не отрицающей рыночных реформ и одновременно радикально либеральной в вопросах совести, противостоящей растущей – по мнению сторонников этой линии – позиции костела. Этот спор и сегодня во многих отношениях не закончен.

Новая партия остается преимущественно "городской", в связи с чем жизненно важной проблемой для нее является обретение электората больших и малых городов. Известно, что в странах Западной Европы избирателей либеральной ориентации значительно больше хотя бы потому, что там население концентрируется главным образом в городах. В Польше же в сельской местности проживает 38% населения. Ясно, что для "мещанской" партии в Польше поле маневра значительно меньше, чем на Западе. Однако, по мнению Я.Рокиты, новое объединение сможет получить 30-40% голосов³⁰.

Актуальным является (и в текущем, и в перспективном плане) вопрос "политического поведения" партии, находящейся в оппозиции. Поиску ответа на него было уделено особое внимание на состоявшейся 27 марта 1994 г. в Кракове дискуссии политиков-интеллектуалов, связанных с ДС и ЛДК. "Мы должны быть стратегической оппозицией, завоевывающей свой собственный, постоянный электорат, а не искать каких-либо соглашений с правящим сейчас лагерем", – убеждала бывший премьер Х.Сухоцкая. Д.Туск полагал, что основа стратегии и тактики новой партии – отношение к правящей коалиции СДЛС-ПКП. "Нужно стать такой оппозиционной силой, – подчеркнул он, – которая намерена вернуться к власти в результате победы на выборах, а не через договоры с СДЛС". Этот взгляд – равное, дистанцирование от

ПКП и СДЛС – разделили почти все. "Если постсолидаристские политики не объединятся на президентских выборах и не поддержат общего кандидата, то он будет оппозицией до XXI века, – заявил Я.Рокита. Подобный взгляд выразил и А.Халь из Консервативной партии. Было также признано, что, кроме поиска совместной кандидатуры на президентский пост, главной задачей оппозиции является помощь местному самоуправлению, поддержка соответствующих широких предвыборных соглашений на местах³¹. Следует отметить, что ДС уже имел крупные отделения в Варшаве, краковско-сондецком регионе, Вроцлаве, Валбжихе, Катовицах, а либералы – в Гданьске и Варшаве. Объединение ДС и ЛДК не изменило в целом "партийную географию", общественно-политический спектр страны.

Политические оппоненты Союза свободы выражают немало скептицизма по поводу объединения ДС и ЛДК, считая, что дело не дойдет до суммирования электоратов ДС и ЛДК. Так, Е.Шмайдиньски, генеральный секретарь Социал-демократии Республики Польша убежден, что создание Союза свободы ничего не изменит на политической сцене "в количественном отношении", так как "электорат ДК и ДС не суммируется, даже если так решили лидеры"³². Хотя он и признает, что создание Союза сделало политическую сцену более ясной. Однако есть и оптимисты, которые расценивают создание Союза свободы как появление в польской политике силы, могущей стать сильным противовесом коалиции СДЛС-ПКП. С.Михалкевич (Союз реальной политики) утверждает, что новая партия обречена на объединение с СДРП, по крайней мере с ее частью, которую представляют такие политики, как А.Квасьневский или В.Качмарек. В противном случае она больше 10% избирателей не получит. По мнению же Я.Качильского из Соглашения центристских сил, если на правом фланге польской политической сцены не будет создано ничего нового, более прочного, то Союз

свободы может рассчитывать на 30% общепольского электората.

Однако доминирует все же скорее мнение, согласно которому Союз свободы как механическое объединение двух партий не может быть действенной оппозицией тем, кто сегодня находится у власти, поскольку он слишком слабо спаян. Третья сила, несомненно, может возникнуть, но на совершенно другой основе, и она должна быть объединением, разделяющим требования "Солидарности". То есть речь идет о массовом движении недовольных, в котором Союз свободы мог бы иметь определенные шансы лишь при условии, что ему удастся привлечь к себе новых сторонников. Простое объединение прежних электоратов проблему здесь не решит. Очевидно, правы те, кто прогнозирует, что Союз свободы будет более либеральным, чем ДС, но менее – чем ЛДК. Шансом для партии Мазовецкого является ее преобразование в последовательно правоцентристскую партию³³. Суммируя же все многообразие суждений, можно, видимо, закончить выводом, что либерализм как самостоятельное течение общественной мысли и как определенное направление в политике вряд ли в обозримом будущем имеет шансы сделать рывок с периферии польской политической сцены к ее переднему плану. Национальные традиции, менталитет поляков, наследие последних четырех с лишним десятилетий – все это "работает", как представляется, именно на сделанный вывод, а не на иные перспективы.

Примечания

- ¹ *Alesandrowicz P.* Liberalne odkrycie // *Rzeczpospolita*. 3.I.1991. S.1.
- ² *Partia ludzi bezpartyjnych. Rozmowa z Donaldem Tuskiem, wiceprzewodniczącym KLD* // *Rzeczpospolita*. 15.IV.1991. S. 1, 2.
- ³ *Lewandowski J.* Jaki liberalizm jest Polsce potrzebny // *Rzeczpospolita*. 21.II.1992. S. 3.
- ⁴ *Ibidem*.

- 5 *Subotić M.* Zmiana ligi // *Rzeczpospolita*. 16.IX.1993. S. 2.
- 6 Bardziej liczymy na jednostki niż struktury. Rozmowa z przewodniczącym ZG KLD D. Tuskiem // *Rzeczpospolita*. 20.V.1991. S. 2; II Krajowa Konferencja KLD // *Rzeczpospolita*. 20.V.1991. S.1.
- 7 Nie boimy się rzeczowej konfrontacji. Rozmowa z przewodniczącym ZG KLD D.Tuskiem // *Rzeczpospolita*. 30.VII.1991. S. 3.
- 8 Spóźnione, ale oficjalne // *Rzeczpospolita*. 2-3.1991. S. 1.
- 9 *Mazewski L.* Między integrystycznym liberalizmem a partią cetentroprawicy // *Rzeczpospolita*. 17.X.1991. S. 3; *Subotić M.* Liberalny rachunek sumienia // *Ibidem*. 15.I.1992. S. 3.
- 10 III Krajowa Konferencja KLD // *Rzeczpospolita*. 21, 24.II.1992. S. 1,2.
- 11 *Budzisz M.* Zagadnienia przyszłości obozu liberalnego // *Rzeczpospolita*. 29.II. - 1.III.1992. S. 3.
- 12 KLD: zmiany lidera nie będzie // *Rzeczpospolita*. 26.X.1992. S. 1,2.
- 13 *Mazewski L.* Zgoda na liberalizm gospodarczy // *Rzeczpospolita*. 8.XII.1992. S. 2.
- 14 *Piłka M.* Na prawo od lewicy // *Rzeczpospolita*. 22.IV.1993. S. 3.
- 15 *Budzisz M.* Polityka i religia // *Rzeczpospolita*. 26.XI.1992. S. 3.
- 16 *Ibidem*.
- 17 Jeszcze nie możemy odpocząć. Rozmowa z D.Tuskiem, przewodniczącym KLD // *Rzeczpospolita*. 16.IX.1993. S.3.
- 18 Поляки сделали выбор // *Российские вести*. 21.IX.1993.
- 19 Поляки захромали на левую ногу // *Комсомольская правда*. 21.IX.1993; *Александр Квасьневский*: "Внести коррективы в реформы, а не отказываться от них" // *Известия*. 7.X.1993.
- 20 *Adamowicz P., Zdyt M.D.* Na rozstaju dróg. Czy epitafium dla Kongresu // *Rzeczpospolita*. 13.X.1993. S. 3.
- 21 Marksizm á rebours. Rozmowa z P. Śpiewakiem, socjologiem, członkiem KLD // *Rzeczpospolita*. 29.XI.1993. S. 3.
- 22 *Ibidem*.
- 23 Liberalowie chcą małżeństwa z UD // *Rzeczpospolita*. 15.XI.1993. S. 1; Zjazd KLD. Rachunek sumienia // *Ibidem*. 13-14.XI.1993. S. 2.
- 24 Rozmowa z Donaldem Tuskiem, przewodniczącym KLD // *Rzeczpospolita*. 29.XI, 11-12.XII.1993. S. 3.
- 25 KLD jest zdrowym partnerem // *Rzeczpospolita*. 12-13.III.1994. S. 3.
- 26 *Subotić M.* Resztówka po "Solidarności" // *Rzeczpospolita*. 23 - 24.IV.1994. S. 3.

- ²⁷ *Subotić M.* UD i liberalowie na zakręcie. Kto zgrabniej skoczy w prawicową próżnię // *Rzeczpospolita*. 12.XI.1993. S. 3.
- ²⁸ *Czy utworzy się nowa partia* // *Rzeczpospolita*. 4.X.1993. S. 2.
- ²⁹ *Unia Wolności. Nowa partia, ci sami liderzy* // *Życie Warszawy*. 25.IV.1994. S. 1, 3.
- ³⁰ *Olszewski K.* Czy znajdzie mieszczańska partia miejsce na scenie politycznej? // *Rzeczpospolita*. 25.XI.1993. S. 3.
- ³¹ *UD i KLD przed zjednoczeniem* // *Rzeczpospolita*. 28. III. 1944. S. 2.
- ³² *Olszewski K., Subotić M.* Zapachniało liberalnym nektarem. Czy Unia Wolności zmieni polityczny krajobraz // *Rzeczpospolita*. 27. IV. 1994. S. 2.
- ³³ *Ibidem.*

B. B. Мирошников

Вопросы приватизации и реприватизации в Польше

Курс на социалистическое строительство, избранный руководством в Польше во второй половине 40-х годов, как и в других странах восточноевропейского региона, привел к тотальной национализации, а точнее, огосударствлению почти всех средств производства, жилищных и складских фондов, банков, транспорта, товарооборота и т.д. Коммунистические правители негативно относились к унаследованным от предшествующего периода формам кооперативной и коллективной собственности в сельском хозяйстве. "Добив" остатки общинного землевладения и разогнав возникшие в 70-е годы крестьянские коллективы, государство тогда же "наложило руку" на имущество сельскохозяйственных кружков. Их техника была сконцентрирована в административно-территориальных центрах и передана в распоряжение назначавшихся

сверху директора и его двух заместителей. Эти бюрократические нововведения стали именоваться "кооперативами сельскохозяйственных кружков" (название заключало в себе некую иронию), символизируя государственную кооперацию. Впрочем, концентрация производственных фондов в руках верхушки директорского корпуса была осуществлена в масштабе всей национальной экономики и материализовалась в виде т.н. Крупных хозяйственных организаций (КХО). Они должны были усилить хозрасчетность, способствовать развитию рыночных отношений в условиях обобщественного производства. На деле это активизировало нарастание кризиса, ибо привело к замораживанию огромных средств в заведомо нереальных объектах капитального строительства и связанных с ними иностранных кредитах и долгах. К концу 80-х годов предоставление предприятиям, т.е. тому же директорскому корпусу, прав самим определять цены на выпускаемую продукцию стимулировало резкий всплеск инфляции.

Все это укрепляло в общественном мнении убеждение в необходимости в рамках намечавшихся политико-экономических изменений приватизации или перемены форм собственности. Она началась в 1990 г. с "малой приватизации" торговли¹. В ходе ее осуществления наблюдался ряд негативных особенностей. Прежде всего проявились производ, бюрократизм, игнорирование интересов как предпринимателей, так и потребителей со стороны местной администрации. Приватизируемая торговля болезненно ощутила на себе безудержное стремление муниципальных властей к повышению арендной платы за используемые торговые помещения. Под угрозой закрытия оказалась значительная часть не только торговых, но и ремесленных и вообще всех организаций, оказывавших услуги населению². Как это часто бывает, бюрократизм тесно переплетался с коррупцией. Все решения относительно помещений в нарушение инструкций принимались закрыто. В тиши кабинетов узкой группой людей, а то

и вовсе одним человеком определялось, кто и какое помещение получит. В такой ситуации многие частные торговцы и торговые учреждения, в том числе уже располагающие удобной для торговли площадью, испытывали беспокойство и неуверенность. К тому же именно эти, а также и другие помещения стали объектами интереса иностранных фирм. Многие отечественные фирмы поспешили перекраситься в иностранные. Причина – в существенных льготах последним, т.е. в освобождении от уплаты налогов в течение трех лет. Естественно, что фирма, не тратящая средства на налоги, могла предложить более высокую арендную плату. Не меньшую плату, кстати сказать, предлагали муниципальным властям и некоторые отечественные фирмы, источники высоких доходов которых были весьма сомнительными. Иными словами, именно торговые предприятия, занимавшие помещения в течение ряда предшествовавших лет и обеспечивавшие население необходимыми товарами и услугами, оказались в крайне нестабильной ситуации. С одной стороны, административное регулирование столь важных вопросов для сферы услуг и торговли, как вопросы производственных помещений, создавало возможности для чиновничьего произвола и коррупции; с другой же – при переводе решения этих вопросов полностью на аукционную основу неизбежным становился произвол со стороны нуворишей с сомнительными источниками их капиталов³. Не привели процессы "малой приватизации" и к улучшению обслуживания населения, скорее наоборот. В избытке появились в продаже дорогие и не всегда нужные для повседневной жизни предметы, в то время как самые необходимые и недорогие вещи оказались в дефиците. Трудно стало купить обычную чашку, шнурки и т.п.

Казалось, что вводимая рыночность с такими ее атрибутами, как приватизация и свобода цен, должна была благотворно сказаться на качестве производимых в Польше товаров. Однако, по официальным данным, никакого улучшения не произошло. Более того, за поставляемые зачастую

потребителю некачественные продукты питания и бракованные товары ширпотреба торговым организациям нельзя было предъявлять иски с связи с определенными юридическими особенностями – фирмы, созданные оптовиками, имели статус акционерных обществ с ограниченной ответственностью. Государственные организации легко было наказать за распространение некачественных товаров, частные – весьма нелегко. Далее, можно было строго спрашивать за качество отечественных производителей, иностранных – никак, поскольку их изделия продавались через частную торговую сеть. В ней господствовала тенденция вытянуть побольше денег из кармана клиента, но не посредством расширения ассортимента предлагаемых товаров, а наоборот – сужения его до одного какого-то, наиболее репрезентативного и дорогого. Повседневная жизнь их клиентов не волновала частных торговцев, и, следовательно, организация торговли и культура обслуживания в результате приватизации отнюдь не улучшились. Однако существенно выросла заработная плата работников торговли. В такой ситуации многие нужные населению организации сферы услуг прекратили свое существование. Борьба федерации потребителей с отмеченными негативными явлениями оказалась в целом безуспешной⁴.

Определенные усилия, направленные на преодоление трудностей, делались организациями мелких предпринимателей. В 1991 г. было создано Польское общество малых и средних предприятий (ПОМСП). Оно прежде всего нацеливалось на консультационно-информационную деятельность, затрагивающую торговое законодательство, в том числе международное. Была поставлена задача не только предостеречь мелких и средних предпринимателей от необдуманных действий, но и помочь им в очень усложнившейся из-за реализации "Плана Бальцеровича" экономической ситуации. Многие мелкие и средние предприятия, причем основанные совсем недавно, прекращали свою деятельность, другие в массовом масштабе отказывались что-либо производить и полностью

переходили на торговлю. Очевидно, что это предвещало весьма мрачные перспективы для национальной экономики.

Одним из важнейших путей предотвращения банкротства мелких и средних предпринимателей и активизации их производственной деятельности руководство ПОМСП считало налаживание выгодного для этих предпринимателей кредитования, в том числе и из средств западных коммерческих банков⁵. Такая направленность, по всей видимости, объяснялась в том числе и большей профессионализацией предоставления кредитов этими банками с их мощной консультационно-информационной базой и страховыми гарантиями. Последнее же в условиях сложной и нестабильной экономической ситуации Польши первой половины 90-х годов, отсутствия правовых критериев коммерческо-производственной деятельности и приватизации было особенно важно. Так, руководство Варшавского объединения торговли и услуг среди главных задач, возникших перед малым бизнесом в новых экономических условиях, выделяло, помимо кредитования, проблему помещений. Без решения этих проблем, ставших ключевыми, не могло быть и речи о развитии малого бизнеса, сосредоточенного в основном в сфере обслуживания, розничной торговле, производстве ширпотреба. Особое же значение малого и среднего бизнеса заключается в том, что только он может стать социально-экономической базой успешного формирования среднего класса⁶. Именно средний класс способен глубинно преобразовать производительные силы и всю экономику страны, создав на ее основе "общество потребления", столь ненавидимое столпами коммунистических тоталитарных режимов.

Отсутствие ясных перспектив в процессе приватизации, нечеткость методов ее проведения беспокоили и нарождавшийся в Польше крупный бизнес. Естественно, что он имел дело с крупными предприятиями, с их "Бермудским треугольником": Советом трудового коллектива и двумя профсоюзами – Солидарностью и Всепольским соглашением

профессиональных союзов. Силовая многополосность на крупных предприятиях, сочетающаяся с общей нестабильностью, неясностью в вопросах приватизации, различным подходом к ней влиятельных политических организаций, пугала крупный иностранный капитал, без участия которого, по мнению авторитетных специалистов, невозможно осуществить перестройку экономики, в том числе приватизацию⁷.

Польский крупный бизнес в начале 90-х годов оставался слабым, не имеющим достаточно прочных организационных опор, стыдливо прячущимся от общественного мнения. Объяснение этому можно искать как в инерционных явлениях – наследии тоталитарно-социалистического режима, так и в неразвитости юридического инструментария, его несоответствии меняющимся экономико-политическим условиям⁸. Постановка вопроса об изменении законодательства в этой сфере потонула в парламентской рутине, не дав пока конкретных серьезных результатов, способных воздействовать на формирование крупного национального бизнеса.

С самого начала политико-экономических преобразований посткоммунистической Польши в стране действует организация, специально нацеленная на содействие крупному отечественному бизнесу – Конфедерация польских работодателей, которая пытается сделать все для того, чтобы государство перестало быть работодателем. По мнению президента этой конфедерации А.Махальского, только реализация основных положений либерализма, освобожденного от какого-либо доктринерства, может создать нормальную экономику. Когда же государство является работодателем, считает он, вообще нельзя говорить о существовании экономики. Государство не может быть и арбитром в спорах между работодателем и наемными работниками, поскольку, если оно берет на себя эту функцию, то так или иначе переносит на территорию конфликта, т.е. на предприятие, чуждые интересы, что во всех отношениях имеет крайне негативный характер. Вмешательство государственных структур, полагает А.Махальский,

деформирует экономику – производственную природу предприятия, поскольку спор они зачастую решают не исходя из возможностей последнего, а с ориентированием на свои интересы. Подобные действия государства чреваты отрицательными последствиями для его авторитета. Но при этом А.Махальский приходит к выводу, что либеральную экономику без вмешательства государства в современной Польше культивировать невозможно, ибо рабочие в значительной мере чужды либерализму.

Следовательно, вмешательство или интервенционизм государства должен быть направлен на решение глобальных проблем реструктуризации производительных сил и переориентировки средств в более эффективные отрасли. Без этого, подчеркивает А.Махальский, трудно реформировать сельское хозяйство, которое нельзя просто вытолкнуть на свободный рынок. Исключаются, однако, гарантированные цены, дотации и т.п.; государство берет на себя лишь заботы о формировании инфраструктуры и экспорте сельскохозяйственной продукции. Одна из важнейших сфер, в которой необходимо не просто участие, но активное вмешательство государства, – формирование отношений: собственник – руководитель – труд. Здесь в посттоталитарных условиях ничего не осуществится самопроизвольно, так как отсутствуют силы, способные стимулировать нужный процесс. Именно государство является фактором, вызывающим соответствующие легислационные процессы, способствующим определению собственника. Следовательно, приватизация должна проводиться государством, но успешное ее осуществление возможно лишь при поддержке общественного движения⁹. Так как в истекшее пятилетие посткоммунистических преобразований в Польше и это движение было слабым и не имело рычагов воздействия на власть, оно не стало более или менее влиятельным партнером государства.

Итак, если вновь обратиться к проблеме приватизации, отметим, что началась она методом проб и ошибок в

1990 г., а в следующем 1991-м была предпринята попытка придать ей комплексность и целенаправленное содержание, выразившаяся в принятии Программы повсеместной приватизации (ППП). Несмотря на многообещающее название, программа представляла собой определение самых общих тактических методов решения вышеназванной сложнейшей проблемы. В документе предполагалась возможность всем совершеннолетним гражданам принять участие в приватизации. С этой целью намечалось около 400 наиболее крупных государственных предприятий преобразовать в единоличные (акционерные) или с ограниченной ответственностью общества государственной казны (ЕОГК). 60% их акций отходило в распоряжение Управления национального достояния (УНД), становясь как бы совместной собственностью всех взрослых граждан Польши. Таким виделся переход от так называемой коммерциализации к собственно приватизации. Несомненно, данный проект сыграл для реформы экономической системы роль политического защитно-отражающего экрана, имея много недостатков и несовершенств по существу. В нем весьма приблизительно прорисовывались соответствующие механизмы реализации намеченной задачи, не решался вопрос о создании условий и импульсов для активизации предпринимательства в сфере польской экономики "снизу". Отмеченные изъяны PPP могли объясняться и сохранявшейся приверженностью ее составителей догматически трактуемым положениям социальной справедливости¹⁰. Эти недостатки, как и трудности объективного характера, привели, к сожалению, к тому, что процесс приватизации не шел зачастую дальше внешних эффектов и тонул в чиновничьей "карусели".

Пропагандируемая в качестве всеобъемлющей приватизация, не дав каких-либо конкретных результатов, породила огромный бюрократический аппарат. Были созданы Министерство преобразований форм собственности, Управление национального достояния, различные фонды на государственной финансовой основе, структура национальных

инвестиционных фондов, Фонд развития рынка и демонополизации торговли. Власть управленческого аппарата не только вследствие этого не ослабла, но и в определенной мере даже усилилась. После формирования местных отделений УНД и начала передачи в их ведение весьма дифференцированной с точки зрения форм и раздробленной собственности создавалась ситуация, когда, по крайней мере, крупные предприятия оказались во власти чиновников, которые, управляя ими, руководствовались отнюдь не критериями прибыли, как должно быть на приватизированных предприятиях. Объективные трудности, связанные с разнотипностью собственности, оказавшейся в ведении того или иного отделения УНД, со сложностью оценки хозяйственных объектов, усиливались функциональными недостатками системы управления. В ней не были четко разделены полномочия надзорных советов и собственно органов управления¹¹, что порождало отсутствие персональной ответственности, атмосферу политизированных и иждивенческо-уравнительных требований со стороны трудового самоуправления, профсоюзов и т.п.

Но так или иначе правительство и сей, проведя с 1990 г. большую законодательную и организационную работу, вызвали к жизни конкретные формы приватизации, необходимые как для прогресса национальной экономики, так и для решения тех насущных проблем, которые возникали в связи с обанкротившимися и подлежащими ликвидации предприятиями. Одной из официально признанных форм приватизации и стала ликвидация функционировавших ранее предприятий. Ее актуальность подтверждалась все большим числом предприятий, приближавшихся к финансовой несостоятельности или уже являвшихся де-факто банкротами. Так, в середине 1991 г. транспорт и в еще большей мере энергетика, а также добывающая и текстильная отрасли по результатам своей деятельности за полугодие имели отрицательные финансовые результаты. В драматической ситуации находились предприятия, производящие вагоны, грузовики, станки, самолеты,

вооружение. Разрыв экономических связей с Россией, другими восточноевропейскими потребителями польской продукции больно ударил по экономике страны. Спад производства вызвал рост безработицы. При этом меры, направленные на реформирование экономики, в том числе приватизация, не оздоравливали, а усугубляли ее положение. Государственный сектор промышленности стал уподобляться огромной, аморфной, деградирующей массе¹².

По данным конца 1993 - начала 1994 г. в сфере приватизации переломных изменений не произошло. Т.е. за три года в ЕОГК было преобразовано 501 государственное предприятие, приватизировано же всего 60¹³. В целом динамика изменений форм собственности за четыре года посткоммунистического развития Польши выглядит следующим образом¹⁴:

	1989 г.	1993 г.
Государственные предприятия	8.1 тыс.	6.1 тыс.
Частные предприятия	814 тыс.	1.7 млн.
Отечественные акционерные общества	15.2 тыс.	64.7 тыс.
Акционерные общества с участием иностранного капитала	429	13.8 тыс.

Перевод государственных предприятий, особенно крупных, в ЕОГК проходит довольно медленно, но самое тревожное при этом, что результаты работы преобразованных коммерциализованных и приватизированных - предприятий мало в чем изменились. Выход на новые, в том числе внешние, рынки происходит эпизодически и, как правило, лишь тогда, когда иностранный инвестор предоставляет свои каналы сбыта. Нечасто наблюдается увеличение сбыта продукции и по уже имеющимся каналам внутреннего рынка. Редки трансфер технологии и существенные инвестиции на модернизацию. И осуществляются последние только в акционерных обществах с участием иностранного капитала. В

весьма сложную проблему превращаются недостаток финансов на модернизацию и неспособность надлежащим образом распоряжаться имеющимися средствами. Вместо стратегической направленности на динамичное развитие в новых рыночных условиях реализуется по существу примитивная стратегия выживания. Немалую роль играет тут зависимость дирекции государственных предприятий, преобразованных в ЕОГК, от требований занятых на них работников, сводящихся прежде всего к повышению заработной платы и получению от администрации обязательств не проводить увольнений.

Сформировавшийся при реальном социализме менталитет работников влияет и на отношение к акциям уже приватизированных предприятий. Они легко расстаются с приобретенными на льготных условиях акциями своих предприятий. Причина в немалой степени кроется здесь в том, что созданные на базе госпредприятий частные фирмы не имеют концепции развития, а потому и не являются привлекательными для покупателей. К тому же рынок капиталов в Польше не развит из-за низких доходов большинства граждан, а также вследствие утраты навыков занятия биржевыми сделками и интереса к ним после нескольких десятилетий доминирования планово-командной социалистической экономики.

И все же на протяжении первых пяти лет посткоммунистических преобразований определенные предпосылки для экономико-производственных инноваций, стимулирующих предприимчивость и приспособление к меняющимся требованиям рынка, созданы. Однако реализация объективно уже имеющихся возможностей тормозится отстающим в своем развитии менталитетом занятых в этих процессах работников – как управленцев, так и исполнителей.

Многие причины изъянов в экономико-производственных процессах, включая медленные темпы приватизации, правительство Польши усматривает в субъективном факторе, и потому оно решило обратить свое внимание на кадровый

вопрос. Продвигнуться же в его решении предполагается, в частности, посредством менеджерских контрактов¹⁵.

Развертывание процесса приватизации несомненно затрудняется его политизацией. Различное видение приватизации отдельными партиями и социо-профессиональными группами не позволяет достичь разумного компромисса. Все они, высказываясь о методах и целях приватизации, апеллируют к общественному мнению, хотя, как считают специалисты, расчет на одобрение массами подобных вещей является по существу мифом. Оно недостижимо из-за огромного разброса позиций различных социальных и политических сил. К тому же при этом теряется из вида главный критерий приватизации и ее стимул – повышение эффективности производства. Попытки решения данной задачи посредством приватизации зачастую наталкиваются на противодействие социального свойства, вызванное опасениями сокращения занятости. Внутри предприятий возникают противоречия, детерминированные различиями интересов между выигрывающими и проигрывающими в трудовых коллективах. Например, при так называемой менеджерской приватизации, когда руководство предприятия и часть рабочих стремятся стать владельцами материальных средств, что объективно сопряжено с желанием искусственно снизить их стоимость, то это неотвратимо вызывает раздражение и противодействие со стороны всех остальных, не примкнувших к этой процедуре. То же происходит и в масштабе всего общества, пусть не всегда резко, но все же делимого на приверженцев рынка и настроенных антирыночно.

Таким образом, истекший период приватизации польской экономики отнюдь не сгладил возникшие противоречия вокруг приватизируемого имущества и не уменьшил опасения перед иностранным капиталом. В середине 1993 г. вместо ППП была принята Программа национальных инвестиционных фондов, что не внесло, впрочем, каких-либо изменений в процессы приватизации¹⁶. В целях совершенствования

институционально-юридических условий дальнейшего развития этих процессов подготовлен проект нового законодательного акта о приватизации государственных предприятий, но появившиеся в этой связи разногласия в правительстве помешали утверждению его парламентом. В их основе лежало несовпадение ведомственных интересов. Ведомственное лобби внесло в проект предложения, ограничивающие компетенцию главы Министерства преобразований форм собственности и расширяющие права отраслевых министерств. В случае реализации этих предложений произошло бы расширение полномочий на уровне ведомств и предприятий и сужение на уровне республиканского министерства, а следовательно, определенное отторжение от конкретных объектов министерских кадров, накопивших в этом деле определенный опыт. Более же активное вхождение в процесс ведомственников, придерживающихся существенно отличающейся от министерской системы мотивации, вероятней всего вызвало бы замедление и так не отличающегося особой динамичностью процесса приватизации¹⁷. Последнее, впрочем, не встречает осуждения общественности и специалистов. Формируется мнение, что не только не надо спешить с приватизацией, подготовив кадры и оздоровив предприятия, но что и вообще приватизация не может быть самоцелью.

Особая сфера приватизации в Польше – сельскохозяйственные угодья, недвижимость и материальные средства государственных земледельческих хозяйств (госхозов), а также те земли, которые находились в ведении Государственного земельного фонда, обретшего позднее название Государственного фонда сельскохозяйственной недвижимости. В Польше и в период "социалистического строительства" в сельском хозяйстве доминировали частные крестьянские хозяйства. Несмотря на существовавшие в течение продолжительного времени ограничения размеров земельных угодий крестьян-единоличников, до "верхней планки" большинству из них было очень далеко, т.е. реальную проблему составляла как раз

раздробленность их хозяйств. Начиная с 70-х годов, официально одна из важнейших целей аграрной политики виделась в укрупнении среднего размера земельного надела. Предполагалось, что после кардинального изменения в экономике и политике в конце 80 – начале 90-х годов госхозы, лишившись поддержки государства, перестанут существовать, а земля перейдет к крестьянам, расширив их владения. Госхозы действительно распадаются, но крестьян, способных приобрести и обрабатывать принадлежавшую им ранее землю, очень мало.

Либеральная экономическая политика, освободив крестьянство от диктата государства, оставила его без всякой поддержки. Подавляющее большинство крестьян не только не могут сейчас увеличить размер своих хозяйств, но испытывают трудности в ведении имеющегося. Более того, как показывает жизнь, банкротство угрожает прежде всего крупным хозяйствам, в которых сложнее экономить за счет сильно подорожавших энергии, техники, заменяя их живым трудом. Банковские же кредиты с их огромными процентными ставками не могут быть основой расширения земельных владений и сельскохозяйственного производства, поскольку просто недоступны фермеру-труженику. К тому же необычайно затруднен сбыт произведенной продукции. Трудности заключаются и в том, что находящаяся в состоянии упадка перерабатывающая промышленность сокращает закупки сельхозпродукции, а за уже полученную не выплачивает деньги или выплачивает с большим опозданием. Создалась парадоксальная ситуация: если раньше перерабатывающая промышленность кредитовала крестьян, то в 90-е годы именно обнищавшее крестьянство оказалось в роли ее кредитора. Сбыт сельскохозяйственной продукции на внутреннем рынке осложнен и серьезной конкуренцией беспощинного импорта из стран Запада¹⁸.

Кстати, одним из условий вхождения Польши в западную экономику была поставлена ликвидация госхозов. Им принадлежало 17% сельхозугодий страны. В условиях социалистической экономики эти хозяйства служили

специфическим восполнением издержек форсированной индустриализации и старения села и, как следствие, выпадения из обработки пригодной для растениеводства земли. Некоторые госхозы, особенно на Северных и Западных землях, были созданы на базе помещичьих владений. Имея больше земельной площади на одного занятого, чем в единоличном секторе, они, конечно, требовали и более высокой фондовооруженности и технической оснащенности. При создании госхозов проявлялась и присущая периоду "социалистического строительства" гигантомания.

В изменившихся политико-экономических условиях госхозы оказались глубокими банкротами – во многих случаях размер их задолженности превышал стоимость всего имеющегося у них имущества. Сложившаяся ситуация поставила на повестку дня ликвидацию госхозов, что получило наименование аграрной реформы. Административным органом, которому было поручено её проведение, стало созданное в январе 1992 г. Агентство сельскохозяйственной собственности государственной казны (АССГК). Оно констатировало, что в Польше нет спроса на госхозовские латифундии. За период более чем в полтора года агентство выставило на продажу и для сдачи в аренду более 1,3 млн. га (в 80-е годы сельхозгодья госхозов превышали 3,5 млн. га), и только на 30 тыс. га нашлись желающие. Те немногие богатые горожане, решившиеся на приобретение относительно крупных земельных участков, понесли в результате этого убытки. Крестьяне не заинтересованы в приобретении земли госхозов, поскольку у них, как уже отмечалось, нет денег.

Не оправдались надежды и на привлечение иностранного капитала из-за страха определенной части польского общества перед распродажей национального достояния. По данным на конец 1993 г., агентство не продало иностранцам ни одного гектара. Лишь четыре иностранные фирмы, пройдя тернистый путь бюрократических препятствий, получили землю в аренду. Всего же иностранцы владеют в Польше 70

гектарами земли в виде небольших участков. В 1992 г., минуя АССГК, эту землю купили 259 немцев, 40 граждан бывшего СССР, 33 шведа и несколько представителей других стран. Прежде чем купить земельные участки, все они должны были удостоверить свои связи с Польшей (большая часть которых была представлена супружеством) и получить разрешение министров внутренних дел и сельского хозяйства, как того требовал закон от 1920 г.¹⁹

Отношение крестьян к госхозам совпадает с настроениями работников этих хозяйств; подавляющее большинство последних (85% – по данным социологического исследования) не желает стать крестьянами-единоличниками и не заинтересовано в парцелляции земли. Среди них доминирует стремление передать "свой" госхоз в аренду или преобразовать его в акционерное общество²⁰.

В добавление к сказанному надо отметить и четкую тенденцию к сохранению госхозовских земель при смене форм хозяйствования и собственности. Реальность такова, что созданные на базе госхозов его работниками акционерные общества быстро достигли неплохих результатов²¹. Специалистами рассматривается возможность применения разных форм приватизации в зависимости от местных условий. В частности, во многих госхозах предполагается приватизировать только сферу управления²².

Всего же 4 млн. гектаров земли связаны с "гордиевым узлом"²³, развязать который можно посредством приватизации или реприватизации. Последняя, кстати, обратила на себя особое внимание общественности и государства своей специфичностью. Реприватизация напрямую и логично связана с земельными владениями. Определенный социально-политический резонанс придало ей создание в феврале 1990 г. Польского землевладельческого общества (ПЗО), которое выступило представителем всех землевладельцев, пострадавших от коммунистической власти, и их потомков. Общество поставило целью добиться не только материально-финансовой

компенсации, но и морально-политической реабилитации класса или социальной группы землевладельцев, т.е. прежде всего аристократии. Выдвигались требования возмещения морального урона и лишь определенной финансовой компенсации, причем не 100-процентной и не наличными деньгами, а в форме облигаций²⁴. Неоднократно заявлялось о нежелании лишать крестьян земли, даже если она получена в результате непризнанной ПЗО реформы Польского комитета национального освобождения²⁵.

Скромные пожелания членов ПЗО встретились с весьма скупыми обещаниями властей. Возникновение довольно многочисленного бюрократического аппарата, призванного решать проблемы реприватизации, весьма в малой степени этому способствовали. Данные проблемы вызвали множественность мнений и подходов. Так, уполномоченный президента по вопросам реприватизации сообщил, что до февраля 1991 г. не было никакой правительственной программы на это счет, к маю того же года она появилась – в 11-ти (!) версиях. В программе, разработанной аппаратом президента, особое внимание уделялось малым и средним собственникам, а натуральная реституция предполагалась лишь там, где это возможно. Как в упомянутом документе, так и в правительственных версиях предпочтительность решения проблемы реприватизации виделась не в натуральном возвращении юридическим владельцам утраченной ими собственности, а в возмещении в виде чеков. Но чеки не должны были обладать способностью к переоценке, какой-либо индексации, поскольку средств у государства на формирование социальной группы рантье не было. Некоторые привилегии полагались лишь тем, кто был лишен собственности с нарушением законности.

По этому аспекту программы обнаружилось, однако, принципиальные расхождения между правительственными версиями, трактовавшими всю национализацию как законный процесс, и подготовленной с противоположных позиций президентской версией. В целом же авторы всех вариантов

были единодушны в вопросе о праве бывших собственников владеть недвижимостью на условиях держателей акций. Предполагалось, что возвращение на предприятия собственников – польских граждан не вызовет отрицательной реакции трудовых коллективов, а скорее наоборот. Кстати, 80% национализированного после войны имущества принадлежало западным предпринимателям²⁶, а доминирующим в подходе всех законодателей к реприватизации было стремление ограничить ее только польскими гражданами.

За время, прошедшее с 1989 г., когда вопрос о реприватизации впервые был официально поставлен, он не решен ни концептуально, ни практически. Проект закона о реприватизации имел восемь версий и сорок различных модификаций. Но наиболее серьезные события в этой сфере произошли в последние месяцы 1993 – начале 1994 г. В декабре 1993 г. в сейм поступил проект закона о реприватизации и компенсации, в разработке которого приняли участие представители многих политических партий, а также социальных групп, пострадавших в результате политических акций изъятия имущества. Эти акции стали определяться некоторыми специалистами и общественно-политическими активистами как "незаконное изъятие", основанное в действительности на законе, но не соответствующем цивилизованным правовым нормам.

После четырех месяцев рассмотрения правительство заняло в отношении упомянутого проекта остро критическую позицию – на 78 статей оно внесло 123 изменения. То есть фактически оно предложило иной вариант закона, обосновав, впрочем, это очередным декларативным заявлением о том, что реприватизация должна быть проведена быстро, поскольку неурегулированные отношения в сфере собственности препятствуют проведению экономических реформ. В реальности же именно органы исполнительной власти чаще всего тормозили конкретный процесс реприватизации, который идет в форме обращения в суды имеющих право на собственность.

Декларативно все они за реприватизацию, но в конкретных ситуациях налицо прямое бойкотирование судебных решений о возврате собственности бывшим владельцам, причем и высшими правительственными лицами.

Реприватизация, по крайней мере те или иные ее проявления вызывают весьма противоречивые мнения и суждения. Так, комиссия сейма по реприватизации, и практически и идеологически, казалось бы, нацеленная на ее осуществление, упрекнула премьер-министра Х.Сухоцкую за то, что она неформальным образом передала часть акций приватизированных предприятий на реприватизационные выплаты. Заметим здесь, что этот же шаг главы кабинета при отсутствии соответствующей законодательной базы был вполне оправдан.

Депутатский проект правомерно предлагает сохранение общественной собственности на некоторые исторические памятники (названы восемь объектов). Правительство посчитало это количество недостаточным. Если же в здании, предназначенном к возвращению владельцу, находится школа, больница, театр или какое-либо другое социальное или культурное учреждение, они должны будут в течение 10 лет найти новое помещение. На практике же такое более чем благожелательное отношение можно было констатировать только применительно к католической церкви и срок при этом зачастую ставился менее 10 лет. Несколько статей депутатского проекта посвящены возврату ограбленным владельцам картин, мебели, изделий из драгоценных металлов. Характерно, что записана формулировка, однозначно определяющая так называемую социалистическую экспроприацию как грабеж, ибо в декрете об аграрной реформе, принятом в 1944 г., ни слова не было сказано о национализации данных предметов. В правительственном же варианте возможная реприватизация "движимых" предметов ставится в зависимость от закона о защите культурных ценностей.

Наиболее серьезное расхождение между депутатским и правительственными вариантами закона заключается в том,

что исполнительная власть, мотивируя приверженность к законности и учитывая финансовое положение государства, считает нужным ограничить реприватизацию и компенсацию только теми случаями, когда был нарушен обязательный для своего времени правовой порядок. Это значит, что обоснованной претензия на реприватизацию может быть лишь в том случае, когда изъятие имущества происходило не в соответствии с законодательством, существовавшим при коммунистической власти. Депутатский проект относит к незаконной национализацию и аграрную реформу по декрету 1944 г., находя в последних несоответствие Конституции 1921 г., считавшейся в Польше де-юре обязательной до принятия Конституции ПНР в 1952 г. Незаконной депутатский проект посчитал и передачу государству аптек в 1959 г., но, как это ни странно, квалифицировал подобным же образом национализацию промышленности по декрету 1946 г. Возможная причина последнего шага, видимо, в том, что большая часть национализированной промышленности принадлежала иностранцам.

Несмотря на отсутствие до сих пор правовых критериев и регулирующих норм, реприватизация все же развивается во многом благодаря активности заинтересованных в ней, т.е. тех 100 тыс. человек, которые пострадали в прошлом и заявили свои права на реституцию. Правда, иногда случается, что экс-владельцы совершают "бурные наезды" на поместья и дома своих предков, демонстрируют презрение к нынешним владельцам и даже применяют физическую силу, т.е. действуют не всегда корректно. Именно подобные эксцессы способствовали тому, что правительство под влиянием общественного недовольства решительно предпочло приватизационные чеки, отказалось от демонстративных возвратов зданий "отцов и делов", прибегая в некоторых случаях к наделению экс-собственников правами собственности на другую недвижимость.

Стоимость осуществления реприватизации велика, даже с учетом западной помощи, но промедление с ней

обходится казне еще дороже, так как активность "пострадавших" приводит к тому, что они урывают зачастую для себя большие суммы, используя отсутствие в Польше прочной и четкой законодательной базы. По данным на май 1994 г., в 1200 случаях они добились успеха, возбуждая судебные процессы.

Правительство приступило к разработке нового проекта закона о реприватизации и склонно прибегнуть для решения этой проблемы к референдуму, ибо отношение к реприватизации в польском обществе далеко неоднозначно. В стране доминируют мнения о том, что реприватизация усиливает и без того повсеместную коррупцию. В широких общественных кругах сложилось убеждение в том, что если власть в течение долгих лет платила трудящимся мизерную заработную плату, фактически обкрадывала их, то возмещение урона только некоторым социальным группам стало бы несправедливой привилегией²⁷. Тем более, что группа экссобственников, выдвинувшая 150 тыс. требований о возврате имущества стоимостью в 350 миллиардов злотых, претендует на 37,2% недвижимости в сельском хозяйстве, 23,2% - в промышленности, торговле, сфере услуг, на 22,7% - леса, 8% - прудов и озер, на 5,8% - городской недвижимости, 3,1% - прочего национального богатства²⁸.

Объективно ситуация складывается так, что миллионам поляков, десятилетиями трудившимся и продолжающим трудиться над умножением богатств своей родины, не достанется от бывшего обобщественного имущества ничего, а экссобственники получают немалую его часть, политую, что называется, потом и кровью этих самых миллионов. Т.е. возникает ситуация достаточно противоречивая, даже в социально-политическом разрезе опасная. В ней, как в капле воды, отражается вся неоднозначность, конфликтность революционного по своему существу процесса смены общественного строя в Польше, в частности таких его составляющих, как приватизация и реприватизация, требующих для

своего осуществления солидного законодательного, кадрового и идеологического обеспечения.

Примечания

- 1 *Życie Warszawy*. 30.X.1991.
- 2 *Głos Szczeciński*. 17.IX.1990.
- 3 *Kurier Polski*. 25.IX.1990.
- 4 *Głos Szczeciński*. 17.IX; 15.XI.1990.
- 5 *Kurier Polski*. 3.IX.1991.
- 6 *Kurier Polski*. 22.VIII.1991.
- 7 *Życie Warszawy*. 4.IX.1990.
- 8 *Trybuna Śląska*. 31.X. – 1.XI.1990.
- 9 *Trybuna Śląska*. 23.X.1990.
- 10 *Błuszczyk B., Dąbrowski M.* Program powszechnej prywatyzacji. Krok w nieznanie // *Polityka*. 1991. N 28. , s. 1, 3.
- 11 *Ibid.* S. 3.
- 12 *Mozołowski A.* Masa upadłościowa // *Polityka*. 1991. N. 32. S. 1, 6.
- 13 *Хучек М.* Приватизация польских предприятий // *Вопросы экономики*. 1994. № 3. С. 73-78.
- 14 *Polityka*. Prywatyzacja 1994, styczeń. S.I.
- 15 *Хучек М.* Указ. соч. С. 73-78.
- 16 *Kleer J.* Na nowy rok. Prywatny bigos // *Polityka*. Prywatyzacja 1994, styczeń. S. I, III.
- 17 "Ręczna" prywatyzacja // *Polityka*. Prywatyzacja 1994, maj. S. 1-II.
- 18 *Wilczak J.* Czego chłopi chcą od rządu. Ciężki kawałek chleba // *Polityka*. 1993. N 48. S. 3.
- 19 *Wilk E.* Co zostało z PGR-ów. Latyfundia nędzy // *Polityka*. Prywatyzacja, listopad 1993. S. I, III.
- 20 *Mozołowski A.* Kto lubi PGR-y? // *Polityka*. 1993. N 5. S. 3.
- 21 *Polityka*. Prywatyzacja, listopad 1993. s. III.
- 22 *Kwiatkowski A.* Reforma rolna Trzeciej Rzeczypospolitej? Ziemia chłopom // *Polityka*. 1992. N 36. S. 4.
- 23 *Polityka*. Prywatyzacja, listopad 1993. S. I.
- 24 *Kurier Polski*. 17-19.VIII.1990.
- 25 *Kurier Polski*. 17.IX.1990; *Głos Szczeciński*. 17.IX.1990.

²⁶ Trybuna Śląska. 29-30.V.1991.

²⁷ Podemski Sr. Reprywatyzacja, adieu! // Polityka. 1994. N 21. S. 5.

²⁸ Polityka. Prywatyzacja, maj 1994. S. I.

Г. Ю. Харцева

Словакия: свет и тени нового пути

Осенью 1989 г. словацкие граждане отвергли коммунистический режим, продемонстрировали свою волю к развитию демократии и рыночного хозяйства, поддержали предлагавшиеся экономические реформы. В ходе сложных и противоречивых посттоталитарных изменений Словакия в 1993 г. стала независимым государством; внутри словацкого общества произошли крупные социально-экономические, политические и идеологические сдвиги.

Полугодие после падения Компартии Чехословакии (КПЧ) прошло под знаком бурного формирования новых политических партий и их программ, а также подготовки к первым свободным парламентским выборам. Хотя в более поздний период в программные документы различных партий и движений* неоднократно вносились коррективы, сразу же наметились и общие черты, и различия в их идеологических, целевых установках и в практической деятельности. Так почти все они дистанцировались от коммунистов, не желая сотрудничать с ними ни по каким вопросам. Подобная

* Наиболее крупные из них: движение Общественность против насилия (далее ОПН), аналог Чешского Гражданского форума, словацкие христианские демократы (далее ХДД) и Демократическая партия Словакии (далее ДП).

позиция проявилась несмотря на то, что тогдашнее руководство словацких коммунистов во главе с П.Вайсом с самого начала пыталось перестроить Компартию Словакии (КПС) в современную демократическую силу, решительно отмежевываясь от практики ее прежних лидеров и ортодоксальной марксистско-ленинской теории.

Общим для многих новых партий было стремление к созданию плюралистической политической системы и социально справедливого общества. Характерно, однако, что при этом практически ни одна из партий не имела достаточно конкретной программы продвижения по новому пути. Декларировались лишь допустимость и равноправие различных форм собственности, при этом левые партии ориентировались на смешанную экономику, а правые – на частную. Но сущность, пути и сроки реализации намечавшихся преобразований и экономических реформ продуманы не были.

В этот период, особенно с марта 1990 г., оказался на поверхности, получил новое звучание национальный вопрос – т.е. проблемы взаимоотношений между двумя основными нациями и государственно-территориальными образованиями Чехо-Словакии, а также и статуса национальных меньшинств.

В поиске решения вопроса о государственно-правовом устройстве страны среди словацких партий образовались три группы: федералисты (это, в первую очередь, ОПН, ХДД, ДП и партии венгерского национального меньшинства); сторонники более свободного, близкого к конфедеративному, союза чехов и словаков (Партия свободы и выделившееся из ОПН во главе с В.Мечьяром Движение за демократическую Словакию – ДЗДС) и, наконец, те, кто выступает за независимое словацкое государство (Словацкая национальная партия – СНС и ее сторонники). Правда, последние в начале, до лета 1990 г., были в незначительном меньшинстве. Федералисты отстаивали идею добровольной демократической федерации двух равноправных республик с центральным управлением в

области обороны, финансов и внешней политики. Не исключалась возможность такого управления и в других областях в зависимости от договоренности между республиками и федеральными органами. Для сторонников федерации из ОПН и ДП, как и для многих чехов, примером и даже эталоном демократической чехо-словацкого государства являлась первая республика, а образцом президента – Т.Г.Масарик. Но в отличие от близких им по взглядам чехов из Гражданского форума словацкие федералисты недвусмысленно высказывались за подлинную в их понимании демократическую федерацию, созданную по принципу "равный с равным", который декларировался в Кошицкой правительственной программе 1945 г., но так и не был реализован. В то же время чехи, чешское руководство, "чешское большинство", очевидно, недостаточно четко осознавали, что словацкий вопрос не решен и реально существует.

Уже в 1990 г. в Словакии ряды приверженцев национально- и националистически ориентированных партий и движений быстро выросли, что свидетельствовало о все большей актуализации этой проблемы.

Несмотря на то, что в первые год-полтора после ноября 1989 г., на первых парламентских выборах большинство голосов набрали федералисты – ОПП и ХДД, позднее, перед следующими выборами 1992 г., в их рядах произошел раскол, важную роль в котором сыграло отношение к национальному вопросу и проблеме государственно-правового устройства. Так, от последовательных федералистов в ХДД отделились конфедералисты и сторонники независимого словацкого государства, которые объединились в Словацкое христианско-демократическое движение (СХДД), а из ОПН выделилась большая его часть – Движение за демократическую Словакию, выдвинувшее своего лидера В.Мечьяра в премьеры СР. Руководство ДЗДС также довольно быстро эволюционировало: сначала перешло на позиции конфедерализма, а затем, победив на выборах в 1992 г., сыграло – наравне с чешским

премьером В.Клаусом – ключевую роль в дезинтеграции единого чехо-словацкого государства. В СНП также все больше усиливались сепаратисты.

Параллельно с активизацией борьбы за преобразование ЧСФР в подлинно федеративное демократическое государство или за независимую Словакию все большую остроту стали приобретать разногласия по проблемам, связанным с положением национальных меньшинств, особенно наиболее многочисленного из них – венгерского (по данным переписи 1991 г., 570 тыс. человек при численности словаков в 4,5 млн. в общей массе населения Словакии – 5,3 млн. человек).

В тесной связи с национальной проблемой встал для словаков вопрос формирования экономики. Определенные негативные, хотя и неизбежные, последствия экономической реформы, проводившейся в ЧСФР ее премьером В.Клаусом, больше всего ударили именно по Словакии. В республике, изобилующей предприятиями ВПК, конверсия, осуществляемая в рамках реформы, повлекла за собой, в частности, массовую безработицу. Так, к концу 1992 г. в Словакии уровень безработицы составил 10,4 %, а к декабрю 1993 г. он достиг 13,8 %. Абсолютное количество зарегистрировавшихся безработных в СР на 31 декабря 1993 г. было 351 617 человек¹. В то же время в Чехии безработица, достигнув в 1992 г. своего пика (4,3%), снизилась к настоящему времени до 2,9%².

Социально-экономические и национально-государственные проблемы тесно переплетались. С первых месяцев после "бархатной революции" в Словакии одновременно с движением за демократические принципы в решении национального вопроса появилась опасность создания – из-за недовольства социальной и национальной политикой – достаточно широкой общественной базы для словацкого сепаратизма.

Проблема будущего чехословацкой государственности стала с конца 1990 г. признаваться порой даже более важной для страны, чем экономическая реформа. Это, в частности,

подчеркивалось, такими словацкими и чешскими политическими деятелями, как Ян Чарногурский* и А.Дубчек, являвшийся в то время председателем Федерального собрания ЧСФР. Чарногурский сказал об этом на съезде ХДД в ноябре 1990 г.: "В настоящее время национальный вопрос в Словакии является более важным, чем иностранные инвестиции, экономическая реформа или вступление в международные организации"³. А.Дубчек расценивал ситуацию несколько иначе (т.е. в чехословацком контексте). От сохранения единства чехов и словаков, по его мнению, в решающей мере зависело решение проблем экономики, культуры и формирования политической системы⁴. Но и многочисленные единомышленники Чарногурского были против дезинтеграции; они лишь надеялись на понимание и уступки со стороны чешских руководителей, отстаивая идею договора между республиками.

Однако развитие пошло другим путем. После многочисленных переговоров чешских и словацких руководителей на высшем уровне, вплоть до июньских (1992 г.) парламентских выборов, так и не удалось добиться ни четкой договоренности в отношении компетенций федеральных и республиканских органов, ни, тем более, заключения договора между обеими республиками. В Чехии наибольшую поддержку избирателей на выборах получили реформаторы во главе с В.Клаусом, резко отрицательное отношение которых к конфедерации или "более свободной федерации", а также к каким бы то ни было коррективам в экономической реформе ради Словакии было известно заранее. Трудно было предположить, что они достигнут соглашения с пришедшим в Словакии к власти ДЗДС во главе с В.Мечъяром, ориентация которого в основных вопросах была почти диаметрально противоположной: в первую очередь – заключение договора между республиками и учет словацких реалий в проведении экономической реформы. Это еще больше осложнило

* Лидер ХДД, с апреля 1991 г. до июня 1992 г. - словацкий премьер-министр.

положение чехословацкой федерации. Определяющим у ведущих чехо-словацких политиков стало стремление не к выяснению компетенций и формы федерации, а к "разводу". И несмотря на то, что социологические опросы даже в июле 1992 г., когда был объявлен словацкий суверенитет, показали, что ни в Чешской, ни в Словацкой республиках число сторонников разделения государства не достигло и половины опрошенных (соответственно 43,7 % и 34,9 %) ⁵, не был проведен референдум, предлагавшийся президентом ЧСФР В.Гавелом еще в 1991 г. Судьбу страны решили политики, в результате чего в начале 1993 г. на месте единого государства появились два новых – Чешская и Словацкая Республики. Этот акт, осуществленный цивилизованным путем, тем не менее достаточно болезненно затронул экономику и другие стороны жизни Словакии, обострил проблему национальных меньшинств.

После создания независимой Словацкой Республики большинство стран, с которыми Чехо-Словакия поддерживала дипломатические отношения, признали и Чехию, и Словакию наследниками этого государства: Словакия стала членом ООН, Европейского совета, подписала договор об ассоциированном членстве в Европейском Сообществе (ЕС).

В начале 1993 г. сформировались новые органы власти Словакии. Президентом страны был избран М.Ковач, экономист, представитель ДЗДС, получивший поддержку Партии левых демократов, Словацкой национальной партии и ХДД, а также малых партий, представляющих словацких венгров. Важное место в политической жизни занял В.Мечьяр (премьер-министр СР с июня 1994 г.). В течение 1991-1992 гг. он был очень популярен в различных кругах словацкой общественности, но позднее его все чаще стали обвинять в авторитаризме, проявившемся в том числе и в отношении к проблеме национальных меньшинств.

Весьма критический период для развития демократии в Словакии был связан с длительным противостоянием между

премьер-министром и президентом. Закончился он весной 1994 г. с уходом В.Мечьяра и формированием коалиционного правительства во главе с Й.Моравчиком*, в которое вошли представители Партии левых демократов, правого ХДД, а также партий центра (Альянс демократов СР, Национально-демократическая партия, Альтернатива политического реализма). Это правительство встало перед сложными задачами во всех основных сферах жизни страны, прежде всего в экономике и в вопросах, касающихся венгерского национального меньшинства. При этом, как оказалось, "проявить себя" оно должно было в отведенный ему краткий период времени, так как на осень 1994 г. были назначены досрочные парламентские выборы.

Социальные издержки, возникшие на пути перехода Словакии к рыночной экономике, углублялись тем, что, как уже было отмечено, реформы проводились без учета местных особенностей. Дезинтеграция страны, не очень сказавшись на экономическом положении Чешской Республики, получившей у высокопоставленных западных политиков и менеджеров репутацию самой яркой звезды бывшего советского блока, еще больше осложнила экономическое положение Словакии, уже страдавшей от конверсии и связанных с ней безработицы и инфляции. В 1993 г. валовой национальный продукт по сравнению с предыдущим годом уменьшился на 4,5 %, промышленное производство – на 13,5 %, производство продуктов сельского хозяйства – на 7 %, реальные доходы населения за этот период снизились на 4 %, а инфляция выросла на 23 %⁶.

В документе ученых-экономистов "Принципы финансовой политики в 1994 г. и в последующий период", представленном осенью 1993 г. правительству, отмечалось, что к этому времени не менее 65 тыс. семей в Словакии находилось за чертой "минимального жизненного уровня",

* Бывший министр иностранных дел ЧСФР, затем советник словацкого премьера, а с весны 1994 г. министр иностранных дел СР.

т.е. ежемесячный доход семьи с двумя детьми не превышал 6 тыс. крон. По сравнению с декабрем 1992 г. расходы в первом полугодии 1993 г. у всех социальных групп возросли на 11,8 %. Социальную ситуацию в стране наиболее полно отразили исследования, проведенные социологами в ноябре 1992 г. и в июне 1993 г. Если в ноябре 48 % семей констатировали, что их материальное положение в течение года ухудшилось, то в июне недовольных своими доходами было уже около 57 %.

Весной 1993 г., как отметил в своем выступлении в словацком парламенте В.Мечьяр (в то время еще глава правительства), Словакия переживала еще более глубокий экономический спад, чем в 30-е годы. Продолжали расти цены, безработица к концу 1993 г. находилась уже на уровне 12 %, снизилась производительность труда, составив 30 % от аналогичного показателя в западноевропейских странах. Премьер подчеркнул, что Словакия – часть региона, который создает буферную зону между бедными и богатыми государствами и что, только прилагая большие усилия, она может присоединиться к последним. Наиболее важными ближайшими задачами правительство считало поддержание стабильности национальной денежной единицы, увеличение валютных резервов, обеспечение социально приемлемого уровня безработицы, недопущение неконтролируемого роста цен, продолжение процесса приватизации и создание предпосылок для притока иностранного капитала⁷.

В этот же период были сделаны первые шаги по выработке экономической концепции республики в условиях самостоятельности. В марте 1993 г. в г. Стара-Тура проходило рабочее совещание, созванное с этой целью. Однако его участники наиболее определенно высказывались по проблеме "стратегии внешних рынков", задачей которой является сохранение существующих и поиск новых рынков сбыта для словацких товаров. Мечьяр высказал мнение, что из-за усложнения торговых связей с Чехией, со странами СНГ, а также с Венгрией и Польшей "правительство должно

ориентироваться прежде всего на рынки ЕС". Предприятия, как он подчеркнул, должны доказать свою жизнеспособность в сильной конкурентной среде международного рынка. Большинство же участников, по словам вице-президента Союза промышленников СР Ю.Боровского, сошлись во мнении, что нужно прежде всего восстановить прежние торговые позиции СР на рынках в Польше, Венгрии и странах СНГ.

Внутри страны продолжается экономический спад. Составной его частью явился кризис агропромышленного комплекса. Об этом, в частности, шла речь на международной конференции по аграрной политике в Центральноевропейском регионе, проходившей в ноябре 1993 г. в словацком городе Нитре. Политики, эксперты, ученые и депутаты Европарламента констатировали факт кризиса аграрного комплекса во всех посткоммунистических странах Восточной Европы, акцентируя внимание на путях выхода из него. Как заявил в своем выступлении лидер словацкой Партии левых демократов (ПЛД) П.Вайс, сельское хозяйство и пищевая промышленность в Словацкой Республике переживают особенно сложный период развития. Вину за этот кризис он возложил на ошибочную политику государства, проводимую с 1990 г. Лидер ПЛД подчеркнул, что настало время скоординировать действия государств Центральной Европы с целью открытия рынка ЕС для агропродуктов из восточной части Европы, добавив при этом о своей стране, – "если в Словакии еще останется, что экспортировать". Обоснованность этого утверждения доказал на конкретных примерах председатель Движения словацких крестьян Й.Клайн, отметив, что, в частности, мощности перерабатывающей промышленности используются всего на 40-60 %. Резко снизилось потребление основных видов животноводческой продукции. Так, в 1993 г. потребление молока и молочных продуктов в Словакии составило всего 175 кг на душу населения, в то время как четыре года назад эта цифра достигала 253 кг. Дотации словацкому сельскому хозяйству стали одними из самых низких в мире.

Под вопросом оказалось существование словацких госхозов, которые, как и кооперативы, не располагая финансовыми источниками, допустили весьма опасный, подчас граничащий с банкротством, рост задолженности. По мнению многих ученых-аграрников, все это – прямой результат отхода от первоначального сценария экономической реформы. Он, в частности, предполагал значительное повышение закупочных цен; но они увеличились лишь на 11,6%, в то время как производственные расходы возросли почти на 75 %. Именно в этих "ножницах", по мнению специалистов, состоит основная причина убыточности большинства сельхозпредприятий и поэтому оздоровление отрасли надо начинать с ценообразования. Правительство в 1993 г. определило минимальные гарантированные цены на зерновые, мясо и молоко, однако тружеников села их уровень отнюдь не удовлетворил.

В 1989 г. словацкие граждане поддержали радикальные экономические реформы, но негативное отношение к прошлому не было подкреплено разработкой конкретной модели будущего хозяйства. Как отмечается в подготовленном в апреле 1994 г. Экономическим университетом в Братиславе аналитическом обзоре состояния экономики СР⁸, на протяжении всего посткоммунистического периода отсутствовала четко сформулированная цель трансформации народного хозяйства, программа будущего общественного устройства, концепция рыночной экономики с ее социальными, экономическими и моральными факторами. Авторы обзора подчеркивали, что подход к реформам неадекватен хозяйственным условиям Словакии, так как без подробного анализа состояния экономики осуществляется "шоковая терапия", исходящая из нового видения свободного рынка и поддерживаемая оживлением монетаризма. По мнению специалистов, подготовивших указанный документ, концепция реформы остается неизменной со времени существования единой Чехо-Словакии (когда она проводилась по "федеральному сценарию"). Эта концепция подвергалась критике, но мало что делается для ее

совершенствования; некоторые перемены есть лишь в методах приватизации. Все это продолжает приводить к большим потерям в хозяйственной сфере. Так, валовой национальный продукт по сравнению с 1989 г. (т.е. за 4 года) сократился на 25 %⁹. По прогнозам экспертов, "экономика Словакии достигнет дна в 1995 г.", при этом они опасаются, что на таком критическом уровне страна может задержаться на несколько лет. Сложившаяся ситуация вызывает напряженность и в социальной сфере. Около 43 % граждан СР живут ниже черты прожиточного минимума, а 15 % просто бедствуют. Уровень безработицы с 14,5 % в декабре 1993 г. к концу 1994 г. достиг 18 %. Авторы документа предупреждают, что недалеко уже и до социального взрыва, социально-экономическим порогом которого считается 20-процентная безработица. Что касается приватизации, то этот процесс, как писал в мае 1994 г. известный в словацких научных кругах экономист А.Цыприх, стал актом перераспределения национального богатства, при котором шло фактическое разграбление страны¹⁰. По его словам, прошедшая в стране "малая приватизация" принесла государству 14 млрд крон, но в действительности эта сумма не отражает реальной стоимости приватизированных объектов. Известно немало случаев, когда процветающие предприятия целенаправленно выводились в банкроты, чтобы затем продать их за бесценок. Такая же судьба, по мнению автора статьи, постигнет и "большую приватизацию", от которой ожидается прибыль в 200 млрд крон.

Программа сформированного весной 1994 г. кабинета Й.Моравчика, как отмечалось в правительственном заявлении от 12 апреля 1994 г.¹¹, исходила из долгосрочного планирования словацкой экономики и отражала стремление "заложить базу для динамичных преобразований, ускорить процесс трансформации экономики". "Мы, — говорилось в заявлении, — даем новый старт процессу приватизации и возвращаемся к проверенному методу купонной приватизации". Правительство обязалось сохранять социальный мир, вести

политический диалог для достижения наиболее приемлемых решений в процессе реформ, а также обеспечить "равноправие участников этих реформ".

До конца 1994 г. кабинет планировал проводить такую макроэкономическую политику, которая снизила бы рост цен на 11-13 %, безработицу – до 17 %, а валютные резервы увеличила до уровня, поддерживающего внутреннюю конвертируемость словацкой кроны и положительный платежный баланс. Особое внимание уделялось системе здравоохранения и просвещения: предполагалось увеличить расходы на их нужды, изыскав дополнительные источники финансирования, в том числе и за рубежом.

Однако экономические отношения Словакии с западными государствами складываются достаточно непросто. Сократились иностранные капиталовложения в ее экономику: в 1993 г. они составляли еще 135 млн долларов, а в первое полугодие 1994 г. – только 42 млн¹². Эти показатели значительно ниже, чем в Чехии, Польше и Венгрии.

Глава словацкого государства, президент М.Ковач, говоря в июле 1993 г. о продолжавшейся трансформации экономики, подчеркнул, что гарантии будущего процветания Словакии он видит в частном секторе. Ровно через год после этого выступления в одном из своих интервью он же констатировал: "Данные о том, что в промышленности в создании валового продукта Словакии приватизированный частный сектор участвует лишь на 25 %, в то время как в Чехии, Польше и Венгрии его доля гораздо выше, не убеждают западные страны в реальности нашего движения вперед, вровень с другими"¹³. При этом, как отметил президент, дефицит государственного бюджета в 1993 г. достиг 28 млрд словацких крон. Все это, по его мнению, "подрывает веру в страну", хотя ее успешная трансформация без зарубежных инвестиций вряд ли возможна. В конечном же счете без интенсивной и хорошо организованной приватизации под угрозой оказывается и то, и другое.

С момента образования независимой Словацкой Республики приоритетами ее внешней политики стали формирование тесного сотрудничества с Чешской Республикой и достижение "словацко-венгерского" урегулирования. Последняя проблема непосредственно связана с постоянно поднимаемым лидерами словацких венгров вопросом о положении венгерского национального меньшинства, проживающего в основном на юге Словакии. Еще весной 1993 г. Й. Моравчик утверждал, что в стране созданы все условия для сохранения и развития самобытности меньшинств. Венгерская дипломатия, напротив, не устает убеждать международное сообщество в том, что словацкие венгры находятся под угрозой ассимиляции.

Проблема венгерского меньшинства обостряется все больше. Его представители, выступавшие против дезинтеграции Чехо-Словакии, именно после распада единого государства особенно резко стали заявлять о недовольстве своим положением. В январе 1994 г. в г. Комарно встретились почти 4 тыс. активистов венгерского национального меньшинства СР. На повестке дня были требования языковой, образовательной и культурной автономии, местного самоуправления и налогообложения. Лидеры словацких венгров как о желаемой модели решения проблем национальных меньшинств говорят, в частности, об итальянском Южном Тироле, где австрийская община пользуется культурной автономией и немецким языком наравне с итальянским.

Корни словацко-венгерских противоречий достаточно глубоки. Хотя многие лидеры словацких венгров периодически подчеркивают, что не стремятся к пересмотру государственных границ, негативное отношение ряда из них, а главное, официального Будапешта к Трианонскому мирному договору 1920 г.* отнюдь не способствует смягчению этих

* Согласно этому договору держав-победительниц в первой мировой войне с побежденными Германией, Австрией и Венгрией, подписанному 4 июня 1920 г. в Версале, в большом Трианонском

противоречий. Представители Словакии часто цитируют покойного премьер-министра Венгрии Йозефа Анталла, говорившего о своем желании быть "эмоциональным и духовным вождем" 15 млн. венгров, в каких бы странах они ни жили, видя в этом высказывании подтверждение венгерских территориальных претензий*

Нормализации "венгерского вопроса" в Словакии не способствуют обращения той и другой стороны за поддержкой к международной общественности, тем более, полемика внутри самой страны (включая депутатов парламента от ДЗДС и Словацкой национальной партии) по поводу принятия двух законов – о двуязычных метриках и названиях населенных пунктов. В частности, на состоявшейся в конце июля 1994 г. в Шуранах "встрече словаков, живущих на юге Республики", организаторами которой явились "Словацкая матица" и парламентарии от ДЗДС (включая его председателя И.Гашпаровича) и Словацкой национальной партии (СНП), подвергли эти законы резкой критике. Участники встречи накануне визита (в августе 1994 г.) в Братиславу венгерского премьер-министра Д.Хорна обвинили государственное руководство Словакии в том, что своей политикой оно способствует расколу страны по этническому принципу. Они приняли меморандум¹⁴, в котором выразили свое беспокойство по поводу двух вышеуказанных законов, противоречащих положению

дворце, Словакия, которая принадлежала ранее, в бытность Австро-Венгерской империи, Венгерскому государству, вошла в состав нового Чехословацкого государства.

* Версальская система договоров, подписанных Венгрией, уменьшила ее территорию по сравнению с довоенным периодом до одной трети, а население - более чем в 2 раза. На территориях, включенных в состав соседних с Венгрией государств, проживало около 3 млн венгров, половина из которых компактно, в пограничных с нею районах. Их-то, видимо, и имел прежде всего в виду премьер правоцентристского демократического кабинета, находившегося у власти с весны 1990 - до лета 1994 г., помимо, конечно, 10-миллионного венгерского населения собственной страны.

о словацком государственном языке; потребовали покончить с политизацией национальной проблематики и "не допустить решающего влияния партий, находящихся в меньшинстве, при подготовке межправительственного договора между Словакией и Венгрией". Документ призывает обеспечить "территориальную целостность СР и воспрепятствовать созданию венгерской автономии, где живут свыше миллиона словаков"¹⁵.

За подобными высказываниями, какими бы справедливыми они порой ни казались, стоят сторонники приоритета национального принципа над гражданским; именно первый принцип они ставят во главу угла деятельности государства. Эти взгляды отстаивают прежде всего представители Словацкой национальной партии и других, более мелких партий национального и националистического толка, а также руководство и многие рядовые члены возглавляемого В.Мечьяром ДЗДС. Однако, на наш взгляд, в первую очередь, именно в силу того, что в 1992 г. и у словацких, и у чешских ведущих политиков возобладал национальный принцип над гражданским, и произошел распад единого чехо-словацкого государства.

Остальные партии – и левые, и правые – склоняются к приоритету гражданского принципа. В словацкой прессе накануне внеочередных парламентских выборов, которые состоялись 30 сентября – 1 октября 1994 г., также все чаще высказывались более взвешенные мнения о национальных проблемах, в том числе и о содержании и перспективах словацко-венгерских отношений. Так, Ю.Вирсик¹⁶, автор одной из статей на эту тему под названием "Третий словацкий путь", призывал словаков, живущих в Словацкой Республике, научиться отличать "гражданскую лояльность от лояльности национальной". Обращаясь же к словацким венграм он, признавая их право быть лояльными по отношению к своей нации, настаивал все-таки на государственно-политической лояльности последних по отношению к Словакии. В

нормализации словацко-венгерских межгосударственных связей автор видит "политический наказ сегодняшнего дня". Словаки, пишет он, составляющие 86 % населения в своей стране, могут позволить себе "этническое великодушие", тем более, что одним из очевидных фактов, "возможно самым неприятным", является следующий: "если словаки хотят вернуться в семью народов Центральной Европы, это должно произойти с согласия венгров, чехов, а возможно, и австрийцев"¹⁷. Как бы то ни было, но этнические венгры (их более 10 % в населении СР) на долгие годы останутся проблемой для словацкого правительства, к тому же несомненно обострившейся с распадом ЧСФР. Реально приблизиться к её решению сможет лишь демократическое словацкое государство.

Необходимо отметить, что в сложной обстановке последних лет, словацкими руководителями делаются последовательные шаги в этом направлении (хотя, возможно, и не всегда удачные). Например, содержится параграф о языке нацменьшинства в законе 1991 г. о словацком государственном языке. Ведутся регулярные переговоры с представителями Венгрии, были приняты два вышеуказанных закона. Правительством Моравчика, как подчеркивалось в его программном заявлении от 12 апреля 1995 г.¹⁸, в области национальной политики была поставлена задача достижения общественного согласия, гарантирующего стабильное и мирное существование всех граждан Словакии. Правительство заявило о своей готовности предоставить гарантии прав всем гражданам, принадлежащим к нацменьшинствам. "Вместо конфронтации вводится механизм постоянного диалога", – подчеркивалось в упомянутом заявлении.

Основное направление внешнеполитической деятельности Словацкой Республики с момента ее основания – "открытая политика по всем направлениям, исходя из положения Словакии в центре Европы и из акцента на экономическом сотрудничестве". Выгода Словакии, по словам ее бывшего премьера Я.Чарногурского¹⁹, не только в политическом

положении республики между двумя странами немецкого мира, между Украиной и Россией, между Польшей и Венгрией, но еще и в том, что кроме венгров у словаков нет осложнений ни с одним из соседних государств. Словацкий министр иностранных дел Э.Кукан в одном из интервью 1994 г. в числе первоочередных задач, стоящих перед словацкой дипломатией, назвал повышение экономической роли дипломатических представительств, а также свое участие в Вишеградской группе (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия) как в "свободном союзе без создания институтов с целью использования его для консультаций и координации некоторых внешнеполитических шагов"²⁰.

Словакия приняла участие в проходившем 16-17 апреля 1994 г. в северо-чешском городе Литомышль саммите семерки центральноевропейских стран, на котором обсуждались вопросы безопасности Европы, регионального сотрудничества. Словацкий и венгерский президенты (М.Ковач и А.Генц) обсуждали проблемы словацкого меньшинства в Венгрии и венгерского в Словакии, а также спорные вопросы строительства гидроузла Габчиково-Надьмарош на Дунае. В начале мая состоялась встреча глав правительств Венгрии и Словакии П.Борошша и Й.Моравчика, посвященная проблемам двухсторонних связей. На ней, как отмечается в газете "СМЕ", подтвердились расхождения в позициях по проблемам, осложняющим словацко-венгерские отношения. Эти расхождения, в частности, проявились в подходе к двустороннему договору, который, по мнению словацкого руководства, должен гарантировать незыблемость государственных границ, установленных Версальской системой. Й.Моравчик подчеркнул, что быстрее подписание этого договора поможет решить и остальные вопросы. П.Борошш продемонстрировал иной подход, выступив прежде всего за постепенное решение конкретных взаимных проблем, в том числе связанных с нацменьшинствами, что в конечном счете и приведет к подписанию искомого договора.

В августе 1994 г. состоялся однодневный визит нового венгерского премьера Д.Хорна в Словакию, в ходе которого подписан ряд соглашений об экономическом сотрудничестве между двумя странами. Однако имеющиеся разногласия в подходе к проблеме венгерского меньшинства в СР не были сняты, и двусторонний договор остался не подписанным²¹.

Таким образом, проблемы и нацменьшинств, и проведения экономической реформы, и ее социальных последствий, достаточно остро стоявшие и до распада ЧСФР, еще более углубились после него.

Накануне досрочных парламентских выборов, назначенных на 30 сентября – 1 октября 1994 г., шло активное формирование предвыборных блоков. Один из последних опросов общественного мнения подтвердил лидирующее положение возглавляемого В.Мечьяром ДЗДС и входящей с ним в базовый коалиционный блок Крестьянской партии (27 % потенциальных избирателей готовились отдать за них свои голоса). Достаточно большая поддержка (около 20 %) была у левого блока "Общий выбор", куда вошли Партия левых демократов, Социал-демократическая партия Словакии, Партия "зеленых" и Движение аграрников.

Результаты выборов, хотя и оказались несколько иными в цифровом отношении, принесли убедительную победу ДЗДС (около 35 % голосов избирателей было отдано за возглавляемый им блок). Левый "Общий выбор" получил меньше голосов, чем прогнозировалось – 10,41 %; почти такой же показатель у коалиции венгерских партий и ХДЛ. В парламент вошли также Демократический союз во главе с бывшим премьером Й.Моравчиком, Объединение рабочих Словакии и националистическая СНП.

Словакия проголосовала, но, как обоснованно считает и словацкая, и зарубежная пресса, проблемы социально-экономической и этнической нестабильности и конфронтации остались. Об этом, в частности, свидетельствует заявление заместителя председателя ДЗДС С.Козника о

нежелательности участия в правительстве венгерских партий (на пресс-конференции после выборов), отказ В.Мечьяра от коалиции с Демократическим союзом. Кроме того, присутствие в парламенте СНП (с непрекращающимися антивенгерскими и антисемитскими выступлениями ее председателей) и возврат партии венгерской коалиции к высказанному в январе 1994 г. требованию этнической автономии для южного региона Словакии не могут не служить дестабилизирующим фактором.

Успех победивших на выборах может быть подтвержден и закреплён их непосредственной практической деятельностью, последовательностью в борьбе за демократизацию общества и способностью решить основные проблемы экономической реформы и положения национальных меньшинств, а также отношений с соседними странами, прежде всего с Чехией и Венгрией. Надежды на благоприятные результаты станут еще более реальными, если удастся преодолеть внутреннюю противоречивость многих начинаний словацкого руководства.

Нельзя не отметить, что за те полгода, пока правительство Й.Моравчика было у власти, стали заметны некоторые положительные сдвиги. В частности, за первое полугодие 1994 г. на 4,4% по сравнению с предыдущим годом вырос национальный валовой продукт²². Руководство страны стремится уточнить стратегию экономической реформы, не забывая и социальную сферу (о чем, например, говорит принятие летом законов о повышении пенсий и пособий семьям с детьми). Оно также пытается прийти к взаимопониманию с венгерским и другими национальными меньшинствами. Предстоит и далее идти по этому пути.

В целом, говоря об итогах словацкого пятилетнего посткоммунистического периода, необходимо, на наш взгляд, подчеркнуть следующее: страна, покончив осенью 1989 г. с тоталитарным режимом, так же, как и Чехия, энергично обратилась к демократизации общества и трансформации

экономики. Однако в силу различных объективных и субъективных причин преобразования эти оказались для Словакии более сложными и противоречивыми. Но она нацелена на демократическое развитие и вполне обоснованным выглядит сделанное летом 1994 г. президентом СР М.Ковачем высказывание: "Словакия имеет будущее".

Примечания

- 1 *Fisher Sh.* Slovakia: The First year of Independence // Radio Free Europa. 1994. Vol. 3. N 1. P. 88.
- 2 *Шамшин И.* Внутривосточная ситуация в Чехии // Компас (Вестник ИТАР-ТАСС). 1995. № 63. С. 40.
- 3 *Čas.* 17.II.1990.
- 4 *Pravda.* 19.IV.1991.
- 5 *Lidové noviny.* 31.VII.1992.
- 6 Цит. по: *Magyar Hirlap.* 22.IX.1994.
- 7 *Narodná obroda.* 27.IV.1993.
- 8 *Narodná obroda.* 3.V.1994.
- 9 *Magyar Hirlap.* 22.IX.1994.
- 10 *Pravda.* 3.V.1994.
- 11 *Narodná obroda.* 12.IV.1994.
- 12 *Magyar Hirlap.* 22.IX.1994.
- 13 *Narodná obroda.* 26.VII.1993; 10.VIII.1994.
- 14 *Slovenská Republika.* 1.VIII.1994.
- 15 *Ibidem.*
- 16 *Literárny Tyždennik.* 8.VII.1994.
- 17 *Ibidem.*
- 18 *Narodná obroda.* 13.IV.1994.
- 19 *Pracá.* 16.IX.1993.
- 20 *Pravda.* 27.IV.1994.
- 21 *Narodná obroda.* 10, 11. VIII.1994.
- 22 *Magyar Hirlap.* 22.IX.1994.

Векторы приватизационных процессов в Чехии и Словакии

Прежде чем приступить к анализу разности векторов, т.е. условий, темпов и результатов приватизации в Чехии и Словакии, следует остановиться на некоторых общих подходах к данной проблеме.

К настоящему времени "приватизация" все еще остается для восточноевропейских демократов некой чудотворной мерой, обращение к которой вроде бы позволяет чуть ли не автоматически преодолевать экономические трудности и открывать новые перспективы. Однако, это не более чем идеологизированный подход. Практика же приватизации и реприватизации в развитых странах свидетельствует, что здесь мы имеем дело с процессами, соотносящимися не только с задаваемыми целями, но и с конкретными характеристиками народнохозяйственной жизни. Экономическая эффективность и технологическая целесообразность – главные параметры приватизации, которые имеют место сегодня в странах с самыми разными уровнями развития. Так, на примере того или иного воздействия на ресурсы сталелитейной промышленности в Великобритании передачи собственности из государственной в частную и наоборот можно сделать заключение о пульсирующем характере этих процессов.

Обратимся к литературе по данной теме. Уже появились десятки книг по разным аспектам приватизации и в России, и в Восточной Европе, и на Западе. В основном их авторы связывают этот процесс лишь с восточноевропейскими странами в период современной истории. Между тем это не во всем и не всегда правомерно. Поэтому многие стороны этого в общем-то "привычного" для стабильно работающей

экономики процесса, равно как и противоположного – реприватизации, трактуется подчас чрезмерно политизированно. И если в народном хозяйстве Великобритании, Японии или Голландии идут поиски – методом проб и ошибок – оптимальных форм сочетания частной и государственной собственности (последние по времени попытки, с одной стороны, частичная приватизация почтовой службы в Великобритании и Голландии, традиционно считавшейся прерогативой государства, а с другой – также частичная реприватизация железнодорожного оборудования в Японии), то в странах Центральной и Восточной Европы панацеей от всех бед видят только в полной приватизации. Несмотря на то, что уже предостаточно примеров, когда фронтальное продвижение лишь по этому пути не дает ожидаемого эффекта, оставляет собственность бесконтрольной, создает угрозу несдерживаемой интервенции зарубежного капитала и т.д.

В одной из первых фундаментальных книг на эту тему, изданной в Любляне в 1991г., отмечается, что "приватизация неизбежна". Более того, она формирует ожидания людей, а они – важный фактор экономического развития. Это довольно тщательно учитывается прежде всего в Чехо-Словакии, считают её авторы. Население Чехо-Словакии "мало знает о том, как будет работать приватизация, но они имеют большое желание, чтобы процесс начался"¹. С оглядкой на это учреждались "образовательные программы", содержавшие ответы на вопросы: что делать с купонами, что приватизируется, как организуются система информационного обеспечения, "скользя юридическая помощь" и т.п. В книге положительно оцениваются действия тогдашнего министра финансов В.Клауса в данном направлении. В то же время авторы констатируют, что из-под государственного контроля выходят: 1) федеральные (чехо-словацкие) и 2) чешские и словацкие предприятия, а это создает ряд трудностей, которые нельзя преодолеть "равномерно" и в Чехии, и в Словакии.

И в этом – особая сложность ситуации в стране, лишь обозначенная в рассматриваемой книге "Приватизация в Восточной Европе: проблемы текущего внедрения", но не прослеженная также и в других. В частности, в работе "Приватизация и переход к рыночной экономике", выпущенной Институтом Центральной Европы в 1993 г., вопрос о разности темпов, характере, целях приватизации в Чехии и Словакии даже не поставлен. В статье о Чехии сделан чрезмерный акцент на реституции, т.е. проблеме возвращения собственности как предпосылке ее активного использования². А суть-то ведь не только в обладании собственностью, но и в возможностях эффективного ее использования. Авторы справедливо отмечают, что "юридическая система Чехо-Словакии не в состоянии контролировать такой большой перенос прав на собственность..."³. Они подчеркивают, что меры по реприватизации не отменяют "дикой приватизации", но в чем суть последней – не разъясняют. Правда, в книге рассматриваются подходы к решению проблемы собственности бывшей Компартии Чехословакии, говорится о "социальной цене" приватизации⁴. Однако в целом позиции как авторов данной книги, так и ряда других, и в том числе восточноевропейских исследователей представляются все же недостаточно дальновидными, по крайней мере, по трем причинам.

1) Восприятие и трактовки феномена приватизации идеологизируются. Акт приватизации считается началом процесса экономического оздоровления, что, конечно, в общем верно, но все же выводит из поля зрения многие негативные последствия данного явления, которые возникают, так сказать, побочно, однако при определенных обстоятельствах могут стать доминирующими. Это, к примеру, роль и воздействие иностранного (в том числе мафиозного) капитала, образовательный и профессиональный уровень человеческих ресурсов, характер предпринимательства, особенности финансового обращения и т.п. Все перечисленное важно для Чехии и Словакии, но добавляется еще и проблема раздела

федеральной собственности, отдаленные последствия чего ощущаются до настоящего времени.

2) Чрезмерная идеологизация трактовок, целей и итогов приватизации сопровождается столь же чрезмерным вниманием к чисто эмпирическим показателям. Этим грешит большинство работ, в первую очередь англоязычных, в которых не учитывается "социальная цена" приватизации. А ведь ей критиками приватизации как слева, так и справа тоже могут быть приданы сугубо идеологические трактовки, что и происходит в большей мере в Словакии и в меньшей – в Чехии.

3) Приватизация предстает как некое необратимое действие, якобы не имеющее аналогов в других регионах мира и в других временах и эпохах.

Разумеется, есть и более широкий подход к проблеме приватизации в ее необходимом соотношении с реприватизацией. Он представлен, к примеру, авторами книги "Политическая экономия и приватизация"⁵. Они включают приватизацию в широкий социо-экономический контекст. Здесь говорится о долгосрочной стратегии приватизации; о "пульсирующем" ее характере в ряде стран, в частности в Великобритании; о несовпадении форм и содержания этого процесса в развитых и развивающихся странах. Книга разрушает стереотипы об актуальности данной проблемы лишь для восточно-европейских стран, ее авторы отмечают идеалистичность точки зрения о безусловной полезности приватизации⁶. Обращается также внимание на слишком поспешный отказ от некоторых "работающих" форм общественной собственности, на удешевленную распродажу госимущества и т.п.⁷. Интересным является и суждение авторов, что приватизационные процессы, происходившие с конца 70-х годов в Европе и Северной Америке, оживили экономику. Но все же, заключают они, автоматического прогресса в других регионах ждать не приходится⁸. Поэтому, по мысли авторов, следует обращать внимание на опыт как приватизации, так и национализации,

и не только в странах Восточной Европы, но и в Великобритании, Японии, Италии, с одной стороны, Малайзии и Танзании – с другой. "Волна приватизации во всем мире, начавшаяся на Западе, обеспечила экономический подъем, – пишут они. – Но в будущем ее вряд ли можно считать универсальным условием экономической эффективности, как это постоянно утверждается в наше время"⁹.

В работах англоязычных авторов, в исследованиях восточноевропейских ученых, в русскоязычных публикациях отмечается тот факт, что приватизация в Чехии – процесс не только состоявшийся, но и оказавший безусловно стимулирующее воздействие на развитие экономики. Вместе с тем это еще и процесс политический – его осуществление получило широкую поддержку практически всех чешских партий и социальных слоев. Однако, оценивая итоги первых трех лет приватизации в Чехии, многие авторы отмечают благоприятное стечение обстоятельств для ее осуществления, связывая его с желанием наконец-то расстаться с "наследием коммунизма". Ситуация в новом государстве, резко продвинувшемся в экономическом развитии (мнение "рыночников") или по крайней мере сохранившем для этого потенциал (мнение их оппонентов), характеризуется тем, что:

во-первых, оппозиция против реформ не выступала, ставился лишь вопрос о "социальной цене" экономических преобразований. Хотя эта цена в полной мере не определена, уровень жизни в Чехии повысился, безработица низкая, частный сектор функционирует с обнадёживающей эффективностью;

во-вторых, если процессы приватизации предшествуют структурной перестройке экономики, то последняя протекает успешно. Но приватизация и в этом случае предстает не столько в качестве единовременной меры властей, сколько как длительный процесс изменений в государстве и обществе;

в-третьих, приватизация более эффективна, если она осуществляется децентрализованно и не под единым контролем столичной бюрократии.

Это – общие положения, которые можно, по мнению многих аналитиков, "экспортировать" в другие страны региона. Хотя в Словакии, десятилетиями являвшейся частью единого государства, они осуществляются с большими трудностями. Так, вплоть до середины 1994 г. не был принят закон о "большой" приватизации. Исходя уже только из одного этого факта, внимательный взгляд может обнаружить разность векторов приватизационных процессов в двух странах – частях единого в прошлом государственного организма и поставить под сомнение тезис о наличии общей модели приватизационных процессов.

Говоря о Чехии, следует вспомнить, что В.Клаус – основной проводник приватизации в стране, отождествляемой им с реализацией "системной реформы", отразил итоги последней в форме 10 заповедей: нет чисто экономических решений; роль иностранной помощи незначительна; экономический шок неизбежен; необходимы радикальные действия; макроэкономическая политика должна постоянно поддерживаться; ценовой шок следует решительно проводить в жизнь; необходима всеобъемлющая приватизация; бремя преобразований должны нести все; надо открыть зарубежные рынки; нужны деятельные политики¹⁰.

Конкретизируя задачи приватизации, В.Клаус пишет: "Реформируемая страна нуждается в организации быстрой и широкой приватизации, которая может быть достигнута только тогда, когда правительство следует некоторым нетрадиционным правилам:

– стандартные и, следовательно, "медленные" методы приватизации должны сопровождаться гораздо более быстрыми, нестандартными;

– цель приватизации состоит в том, чтобы найти новых частных владельцев, а не в том, чтобы максимально

увеличить госдоходы за счет продажи государственного имущества;

– приватизация должна начинаться не на правительственном, а на микроуровне. Специальное правительственное агентство должно выполнять только процедурные функции. Функции планирования, организации, модернизации, реструктуризации, распределения и демонополизации не должны быть спущены сверху;

– привлечение иностранного капитала является полезным, но ему не следует отдавать предпочтение по сравнению с отечественным капиталом. Роль зарубежных советников и консультантов должна быть сведена к минимуму¹¹.

Указанные заповеди, безусловно, значимы, а их сочетаемость, сцепляемость обеспечивает поступательность реформы. Конкретизированные задачи приватизации в свою очередь тоже обладают признаками сочетаемости и взаимного усиления. И все же это – не программа, а только лишь набор пожеланий, но не положений. Практическое осуществление мер по приватизации обладает куда большей противоречивостью. Обратим внимание лишь на несколько обстоятельств. Приватизация, заявляет Клаус, должна начинаться не на правительственном, а на микроуровне. Но он сам вовсе не фиксирует, а инициирует многие изменения в данном направлении. А если так, то многие из перечисленных им функций носят не только "процедурный" характер. То же можно сказать и о соотношении медленных, стандартных и быстрых, нестандартных методов приватизации. Их соотношение, на наш взгляд, регулируется все-таки на правительственном уровне, более того, зависит от доминирования одних политических сил над другими. Большой сложностью характеризуется и вопрос о госдоходах: если частные владельцы не являются гражданами страны, – а такая ситуация в Чехии возможна, более того, по мнению многих граждан, угрожающая, – то госдоходы служат некой гарантией против экспансии иностранного, зачастую мафиозного,

капитала. Кроме того, государственные доходы – при широком демократическом контроле за их распределением и вложениями в народное хозяйство – эффективное средство экономического развития, что сегодня признается не только последователями Кейнса и Маркса.

И все же о "триумфе" В.Клауса в связи с удачно проводимой политикой приватизации говорить можно и нужно. Рубеж здесь – середина 1994 г., когда политический кризис в Словакии, связанный с неудачей некоторых мер по "большой" приватизации, образовал фон для успеха Чехии. Правда, как представляется, расхождение векторов приватизации в этих двух частях бывшего единого государства заставляет задуматься и о цене "триумфа", и об "универсальности" формул Клауса, но это отдельный сюжет, еще недописанный историей.

С этого времени В.Клаус постоянно заявляет, опираясь на неплохие статистические данные, что приватизация удалась безоговорочно и любые отклонения от данного пути несостоятельны. Он утверждает, имея на то, кстати, достаточные основания, что Чешская Республика "задает тон" в процессе радикального реформирования экономики в восточноевропейских странах. В отличие от других посткоммунистических государств здесь наличествует более четкое представление о конечной цели реформы. Поэтому чем решительнее проводятся трансформации, тем менее болезненны их социально-экономические последствия, ниже уровень безработицы¹².

Как же реально осуществляется приватизационный процесс в Чехии? В какой степени и какими темпами происходит здесь перемещение собственности? Каковы итоги приватизационного процесса?

Приватизация началась в Чехо-Словакии в конце 1990 г.¹³ и осуществлялась в четырех основных формах: возвращение национализированных или конфискованных по политическим причинам после второй мировой войны

предприятий и имущества (так называемая реституция); "малая" приватизация; "большая" приватизация; трансформация производственных кооперативов¹⁴. По общим оценкам, она протекала достаточно успешно и планомерно; ее векторы в Чехии и Словакии были одинаправленны, хотя политические трактовки этого процесса и отличались.

Так, в 1992 г. в Чехо-Словакии министерство приватизации рассмотрело 16609 проектов приватизации 3638 государственных предприятий. К 1 января 1993 г. были одобрены 10821 проект, касавшиеся 2170 предприятий. Из их числа к 1 января 1993 г. реализованными оказалось 40%¹⁵.

В рамках так называемой "первой волны" купонной приватизации в бывшей ЧСФР было предложено почти 278 млн акций в обмен на 8,44 млрд инвестиционных баллов. Средний курс сделок составил 30 баллов на одну акцию. По самому высокому курсу шли акции отеля "Палац", расположенного в г. Марианске Лазне (за 1 акцию – 1.000 баллов)¹⁶.

Общая стоимость приватизируемого имущества оценивалась в 470,7 млрд крон. Недвижимость на сумму 420 млрд крон приобрели акционерные общества. С аукционов пошло лишь 10,7% имущества. В 1993 г. предстояло завершить приватизацию предприятий торговли и бытовых услуг, дать старт "большой" приватизации, начать разгосударствление системы здравоохранения и приступить к формированию рынка ценных бумаг.

Уже к началу 1993 г. в Чехии и Словакии благодаря "купонным книжкам" три четверти населения стали акционерами. Метод "купонной приватизации", разработанный летом 1990 г., воплощал в себе идею быстрого освобождения государства от обязательств в сфере экономики. Лозунг "приватизировать, а затем структурно перестраивать" выражал ориентацию на структурную реформу экономики. Этим объясняется решение о передаче частному сектору менее чем за три года 4 тыс. государственных предприятий.

В общей сложности в 1491 случае были использованы купоны для полной или частичной передачи частному сектору капитала предприятий. Этот капитал в виде акций номинальной стоимостью 1000 крон – на общую сумму 300 млрд крон – предлагался на продажу с аукционов, организованных по всей стране. Каждый гражданин мог участвовать в этих аукционах, заплатив за это право 1035 крон, т.е. средний недельный заработок. Он имел 1000 инвестиционных баллов, которые можно было перевести в акции предлагавшихся на продажу предприятий. Можно было также участвовать в торгах на аукционах или же доверить распоряжение своими купонами многочисленным финансовым посредническим структурам – специально созданным для этой цели инвестиционным приватизационным фондам.

Почти параллельно шли процессы политического разъединения государств. Приватизация казалась чешским и словацким гражданам – если судить по оценкам наблюдателей и их самооценкам – чем-то вполне допустимым и даже неизбежным. Но результаты опросов общественного мнения свидетельствовали, что к возможности распада страны они относились более настороженно. В дальнейшем политика деформировала экономику, поэтому в приватизационных процессах обнаружился региональный дисбаланс.

Успехи приватизации в Чехии несомненны, хотя они, безусловно, нуждаются в тщательном анализе, а не только в восторженных оценках. Уже к 1993 г., т.е. на первом этапе приватизации, здесь в частные руки перешло государственное имущество на сумму 5 млрд долларов (на втором этапе планировался переход еще 8,5 млрд)¹⁷. В конце 1993 г. доля частного сектора в валовом продукте Чехии превышала 50%¹⁸. Стремительно увеличивалась сфера услуг в Праге. В 1992-1993 гг. здесь было создано 100 тыс. новых рабочих мест, что можно расценивать как свидетельство вступления страны в постиндустриальный этап развития. К ноябрю 1993 г. число безработных в Чешской Республике составило всего 3,16% (из

европейских государств только в Люксембурге безработных было меньше)¹⁹. К концу 1993 г. лишь 30 компаний объявили о своем банкротстве (в Венгрии – 2 тыс., а в Польше – более 3 тыс.). Следует подчеркнуть, что и 25-процентное сокращение экономики с 1989 г. в Чешской Республике прошло относительно безболезненно. Угроза обвальной безработицы? Она, видимо, существует, но есть и достаточно оснований утверждать, что возможный обвал будет скорее сползанием на отдельных участках, компенсируемым подъемом на других. Тем более, что приток иностранных инвестиций к началу 1994 г. определился в качестве не "спасающего" и даже не "стабилизирующего", а "конструирующего" фактора.

К середине 1994 г. внимание аналитиков и ученых приковала к себе Польша. Там обнаружили признаки подъема. Но ведь надо учитывать – подъема от какого уровня? В Чехии подобный подъем был бы неким чудом, ибо страна так и осталась на высоком уровне развития экономики и жизнеобеспечения.

Начавшаяся с 1991 г. "малая" приватизация в Словакии предполагала передачу в аренду помещений и оборудования государственных предприятий торговли, сферы услуг, части предприятий промышленного строительства и т.п. Приватизация прошла успешно, и на частных лиц к концу 1993 г. приходилось уже 86,2% розничного товарооборота. Что касается "большой" приватизации, то она в Словакии предполагает передачу государственного имущества стандартными (прямая продажа определенному юридическому или физическому лицу, открытый конкурс или аукцион, бесплатная передача) и нестандартными (купонная приватизация) методами. В августе 1991 г. словацкое правительство приняло решение о том, что приватизация будет осуществляться двумя "волнами". В первую "волну" вначале включались 736 предприятий, т.е. около 9% всего государственного имущества²⁰. Но при этом "большая" приватизация в Словакии усугубилась относительно меньшей долей сбережений

граждан, большей нерациональностью региональной экономической политики. Здесь было больше "обреченных" предприятий и – самое главное – приватизационный процесс оказался больше политизирован.

Реально в первую "волну" купонной приватизации министерством приватизации Словакии было включено 503 предприятия с имуществом стоимостью 87 млрд крон²¹. Каждый гражданин старше 18 лет имел возможность, купив одну купонную книжку за 1000 крон, заказывать акции. Первая "волна" приватизации в Словакии была завершена в сентябре 1993 г. При этом неприватизированное имущество и предприятия первой "волны" были переведены во вторую "волну". Это касалось имущества общей стоимостью около 220 млрд крон. Но политические коллизии в стране послужили – наряду с указанными региональными дисбалансами, непродуманными мерами экономической политики, амбициями ряда политических лидеров и т.п. – причиной кризиса в Словакии. К концу 1993 г. ее экономика была дестабилизирована, зафиксирован рост государственного долга за последние 4 года до 60 млрд крон. Уровень инфляции в 1993 г. повысился по сравнению с предшествующим годом в 2 раза и достиг 23,2%, а уровень безработицы – 14,4%²². На этом фоне, по словам исследователя А. Борзовой, в стране началась "предприватизационная агония" предприятий. Она проявляется прежде всего в том, что предприятия "фактически не осуществляют никакой предпринимательской деятельности, не делают инвестиций в производство, не ищут новых партнеров для кооперации и работают над решением краткосрочных задач. Это неудивительно. Зачем стараться, если плоды любой инициативы долгосрочного характера будет пожинать новый собственник"²³. Управленцы сами стремятся приватизировать предприятия, стараясь довести их до грани банкротства, чтобы подешевле приобрести их. Зачастую смена собственника имущества осуществляется незаконным путем, наблюдается рост количества краж, происходит спекулятивный

перелив государственного капитала в частные предприятия. В результате "предприватизационная агония" еще больше понижает эффективность государственных предприятий, способствует росту безработицы. "Открылся широкий простор для волюнтаристских решений, причем от политизации приватизации было недалеко до приватизации приватизации, то есть принятия решений о приватизации на основе преданности определенному политическому субъекту"²⁴. В результате снижается круг потенциальных собственников, повышается опасность перехода предприятий в некомпетентные руки. Налицо приближение "постприватизационного шока", выражающегося в снижении эффективности производства после завершения приватизации²⁵.

Сравнительные данные по приватизации в Чехии и Словакии на 1993 г. показывают еще относительно небольшую разность в темпах и результатах приватизации:

Таблица 1²⁶

Количество предприятий,
участвовавших в отдельных этапах
купонной приватизации

этапы	количество предприятий (ед.)			количество акций (млн)		
	ЧСФР	ЧР	СР	ЧСФР	ЧР	СР
1	1491	988	503	299,4	212,4	88,0
2	1443	958	485	209,9	144,3	65,6
3	1369	901	468	132,1	85,2	46,9
4	1317	877	440	99,6	64,5	35,1
5	1236	818	418	62,5	38,95	23,6
прива- тизиро- вано:	291	196	99	277,85	197,94	79,9

Однако ход приватизации в Словакии не оставляет сомнений в том, что этот процесс проходит со значительно большими по сравнению с Чехией трудностями. Векторы этих процессов оказались трудно сопоставимыми. Одна из причин этого – приоритет политики над экономикой в Словакии. Если В.Клаус сумел дистанцировать политику от экономики и стать не над, а в стороне от процессов приватизации [оказалось, что такая позиция оптимальна для задач ее контроля], то В.Мечъяр не сумел достаточно четко провести грань между экономикой и политикой. Внесение политики в экономику приводит к тому, что одни силы получают привилегии за счет других. Рано или поздно это выясняется, и происходит политический кризис.

С какими же результатами Чехия и Словакия вступили в 1994 г., завершающий пятилетний переходный период посткоммунистических, демократических преобразований? Чехия – лидер в осуществлении конструктивно ориентированных приватизационных процессов. Об этом свидетельствует в первую очередь приток в страну иностранных инвестиций. В.Клаус в начале 1994 г. подчеркивал, что приток этот гораздо больший, чем "он мечтал". Вместе с тем чешский премьер отметил, что о зарубежных капиталовложениях нельзя говорить "вообще", добавив, что "не стоит ускорять приток капитала искусственным путем". "Массивный прилив, – уточнил свою мысль В.Клаус, – нужен был только после завершения процесса приватизации, окончательного законодательного закрепления отношений собственности"²⁷. Клаус-политик тем самым внял голосам тех оппонентов, которые опасались – при этом преувеличивая – угрозы прямого вмешательства западных инвесторов в процесс перераспределения собственности. Процесс, часто сводившийся к праву быть хозяином своего дома. Поэтому – как экономист – он не согласен с некоторыми своими коллегами, призывающими постоянно стимулировать вложения иностранного капитала.

Несколько иной позиции придерживался министр приватизации, а в 1994 г. – председатель Национального фонда имущества Т.Ежек. Он полагал, что уровень зарубежных инвестиций в чешскую экономику все еще остается недостаточным. В то же время, как утверждал председатель правления Чешского государственного банка Й.Тошовский, приток иностранного капитала скорее благо для экономики, даже если его объем порой вызывает проблемы. Швейнар, директор Института экономики, обращал внимание на "польское фиаско" в 70-80-е годы, когда бесконтрольный прилив денежных средств в экономику породил значительную внешнюю задолженность. Но если взглянуть на бум инвестирования в Восточной Азии, отметил он, то очевидно, что мощный приток зарубежного капитала положительно сказывается на хозяйственной деятельности.

Много споров о "социальной цене" приватизации, об угрозе внедрения мафиозных структур в экономику страны, о возможной массовой безработице. Но в целом эти разногласия в оценках первых результатов "большой" приватизации к началу 1994 г.²⁸ ни в коей мере не отменяют общих положительных итогов указанного процесса, хотя, конечно, выявляют отсутствие единой перспективы дальнейших изменений в Чехии, "слишком" благополучной в сравнении со встретившейся с экономическими трудностями Словакией.

Население Чехии оценивает приватизацию по-разному. 40% респондентов проведенного в конце июля 1994 г. опроса общественного мнения считают, что приватизация сталкивается с большими проблемами. В то же время 9% полагают, что она вообще идет "совершенно не тем путем". 36% опрошенных тем не менее одобрили избранную приватизационную модель, а по мнению 4% у нее вообще нет проблем. Убеждение, что обыкновенные люди "ничего не получают от приватизации", разделили 72% участников опроса. 23% не согласны с этим утверждением. 65% респондентов считали, что государственную собственность делит между

собой небольшая группа людей. 67% придерживались мнения, что частные компании подкупают чиновников и тем самым становятся владельцами собственности "по сильно заниженной цене". Что касается "авторитета" чешской модели приватизации, то всего 26% респондентов признают за ней верховенство среди всех применяемых в мире моделей. Противоположной точки зрения придерживались 32% опрошенных²⁹.

К середине 1994 г. итоги приватизации в Чехии были признаны положительными самыми закоренелыми скептиками. Более того, ее начали оценивать почти как универсальную. Так, руководство Всемирного банка приняло решение поддержать чехо-словацкую модель купонной приватизации и рекомендовать ее другим странам, выразив готовность финансировать реализацию именно этой модели. Чешские эксперты оказывают помощь в разработке законов о приватизации в Болгарии, Словении. Вместе с тем специалисты подчеркивают, что чешская модель приватизации может быть "экспортирована" только частично, поскольку она была тесно связана с конкретными лицами и рождалась в конкретных политико-экономических условиях.

К началу 1994 г. у руководства Словакии, несмотря на официальные заявления об ориентации на строительство рыночной экономики, успехи не были столь значительными, как у Чешской Республики. Следует подчеркнуть, что Словакия начинала процесс приватизации с больших трудностей. Ранее созданная здесь мощная тяжелая промышленность, главным образом военная, является сейчас тяжким бременем для структурной перестройки экономики страны. Значительно способствовал блокированию реформ и не склонный к компромиссам В.Мечьяр. Парламент, в котором силы оппозиции и правительственной коалиции были практически равны, долгое время не мог принять закон о "большой" приватизации. Не сумев навязать президенту страны М.Ковачу своего кандидата, Мечьяр выполнял обязанности министра по делам приватизации и обязанности почетного председателя Фонда

национального имущества, ведающего процессом приватизации. Фонд активнее выделял субсидии крупным предприятиям и не оказывал поддержки средним и мелким. Политическая нестабильность в значительной мере препятствовала притоку иностранного капитала, без чего модернизация становится проблематичной. Так, Австрия инвестировала в 10 раз больше в Чешскую Республику, чем в Словакию.

Разоблачение конкретных нарушений в ходе приватизации привели к необходимости отставки В.Мечьяра. Однако "приватизационная карта" используется в политической борьбе настолько активно, что экономический смысл этого акта и открываемых им процессов затемняется. Оценивая уход В.Мечьяра с поста главы правительства, наблюдатели связывают его с "дармовыми подарками" и отдельным крупным собственникам, и широким массам. Но все же больше выиграли первые.

В настоящее время у власти в Словакии шестой по счету – после ноября 1989 г. – кабинет. Третий раз за последние три года его возглавляет В.Мечьяр. 21 декабря 1994 г., на встрече с главами дипломатических миссий, аккредитованных в стране, он подчеркивал, что правительство будет продолжать проведение реформ в экономике, включая последовательную приватизацию. Временная приостановка второго этапа приватизации, по словам В.Мечьяра, была вызвана желанием "исправить предыдущие ошибки и недостатки, которые могли бы дискредитировать весь процесс перевода государственной собственности в частные руки"³⁰.

Вместе с тем глава словацкого правительства неоднократно заявлял, что "одной лишь реформой собственности трансформировать экономику не удастся"³¹.

* * *

Процессы приватизации и в единой ЧСФР, и в Чехии и Словакии, ставших самостоятельными государствами с 1 января 1993 г., происходили и происходят с опорой на разные

структуры хозяйственной деятельности, разные уровни культуры, разные исторические традиции. Отсюда отмеченное выше и расхождение векторов приватизационных процессов, хотя пока еще нет оснований говорить как о совершенно полном их успехе в Чехии, так и о катастрофической неудаче в Словакии.

При поверхностном взгляде приватизационные процессы представляются результатом успешных экономических решений. Однако на самом деле все обстоит гораздо сложнее. Успехи и неудачи приватизации детерминируются не только мерами экономического характера, но и многими причинами политического порядка, а также историко-культурными факторами. Кроме того, играет свою роль и региональная идентичность стран Центральной Европы³². Уместно в этой связи высказать предположение, что совпадение векторов приватизационных процессов Чехии и Словакии может послужить важным объединительным импульсом в регионе в плане не только экономики, но и политики.

Примечания

- ¹ Privatization in Eastern Europe current implementaton issues / Ed. by A.Bohm, V.Kreacic. Ljublana, 1991. P. 123
- ² Privatization in ransition to Market Economy / Ed. by S.Earle, R.Frydman, A.Rapaczynski. CEU. L., 1993.
- ³ Ibid. P. 220.
- ⁴ Ibid. P. 72. Чешский социал-демократ М.Земан, отвергая "марксистский детерминизм и наоборот" в трактовке приватизации как единственно верного средства решения не только хозяйственных, но и социальных проблем, утверждает, что в развитых странах государственная собственность – неустранимый компонент народного хозяйства. Так, частные школы, больницы и т.п. могут и должны существовать, но они должны дополнять,

- а не заменять другие структуры, считает он. См.: *Zeman M. Naše posttotalitní krize a její možná východiska*. Praha 1991. S. 63-64.
5. Political Economy of Privatization / Ed. by Th. Clarke, Ch. Pitel. L.-N.Y., 1993.
6. Ibid. P. 490.
7. Ibid. P. 391.
8. Ibid. P. 386.
9. Ibid. P. 31.
10. *Клаус В.* Десять заповедей чешской реформы // Известия. 5.IV.1994.
11. Там же.
12. См., например: *Mladá Fronta Dnes*. 20. VI. 1994; *Lidové noviny*. 28.V.1994
13. Подробнее см.: Приватизация: опыт Восточной Европы и Азии. М., 1992; *Задорожнюк Э.Г.* Приватизация в Чехо-Словакии: прорывы и тупики // Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития. М., 1992. С. 186-200.
14. Подробнее см.: *Havel J, Kukla E.* Privatization and investment Funds in Czechoslovakia // *Radio Free Europe / Radio Liberty Research Report*. 1992. Vol. I. N 17. P. 37.
15. *Český deník*. 31.I.1993.
16. Ibidem.
17. *Washington post*. 30.X.1993.
18. *Pehe J.* The Czech Republic : A Successful Transformation // *Radio Free Europe / Radio Liberty Research Report*. 1994. Vol. 3. N. 1. P. 72.
19. *Washington post*. 30.X.1993.
20. *Smena*. 5.IX.1991.
21. *Kuponová privatizácia*. 11992. N 7. S. 11.
22. *Борзова А.* Приватизация в Словакии // *Вопросы экономики*. 1994. № 6. С. 70.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. *Kuponová privatizácia...* S. 11.
27. *Lidové noviny*. 26.I.1994.
28. Так, в Чешской Республике по завершении второго этапа приватизации в частные руки перейдет государственная собствен-

ность, оцениваемая в 359 млрд крон (около 11,7 млрд долларов). Всего в Чехии планируется приватизировать государственную собственность на 950 млрд крон. См.: *Mladá Fronta Dnes*. 27.VI.1994.

²⁹ *Ibidem*.

³⁰ См.: *Вести Европы (Вестник ИТАР-ТАСС)*. 23.XII.1994. С. 11.

³¹ Там же. 16.XII.1994. С. 16.

³² См., например: *Задорожнюк Э.Г.* Любовью или железом скрепляется единство общества? // *Вестник Российской Академии наук*. 1993. № 12.

Н.В.Коровицyna

**Социокультурные процессы
периода посткоммунистической трансформации
в Чехии
(по материалам исследований чешских социологов)**

Некоторые закономерности общественной трансформации начала 90-х годов, характерные для каждой из стран Центральной и Восточной Европы, включая и бывший СССР, отчетливо проявляются на материале Чешской Республики. И не только потому, что в публицистике о ней уже прочно закрепилось представление как об образце посткоммунистического перехода, практически близком к своему завершению. Дело еще и в том, что сам этот переход совершался в хронологически наиболее сжатые сроки, начавшись позже, чем в остальных странах региона. Анализ социальной динамики, сдвигов в мировоззренческих ориентациях населения Чехии

после 1989 г. обнаруживает важнейшие тенденции первого этапа крупных общественных изменений в целой группе стран, в том числе и в нашей, направленность и результаты которых, как представляется, пока мало предсказуемы.

В подготовленном Институтом социологии Чешской академии наук в ноябре 1993 г. Национальном докладе о развитии страны в период с конца 1989 г. констатируется, что ситуация, характерная для республики, является исключительной¹. В годы коммунистического правления – 1948-1989 – практически вся экономика Чехословакии, включая аграрный сектор и сферу торговли и услуг, была полностью социализирована. В центре Европы возникло одно из наиболее эгалитарных государств мира. Такое положение сохранялось вплоть до падения старого режима в результате "бархатной революции". Либеральные экономические реформы, формирование слоя частных собственников были невозможны здесь вплоть до начала 1990 г. В отличие от соседних Польши и Венгрии новая система общественных отношений и ее субъекты появляются в Чехословакии, разделившейся с января 1993 г. на два самостоятельных государства – Чешское и Словацкое, лишь в последние 3-4 года. Занятость в частном секторе экономики составляла накануне революции всего доли процента². Еще в первой половине 1991 г. объем промышленной продукции, производившейся на приватизированных предприятиях, был весьма незначительным. Лишь в строительстве представленность частного сектора достигала тогда 5-процентной отметки.

Не только в экономической, но и в политической сфере общественной жизни страны теневые, оппозиционные господствующим, структуры в годы так называемой нормализации после подавления реформистского движения в 1968-1969 гг. не развивались. Только во второй половине 80-х годов регистрируются спорадические проявления частной экономической активности на индивидуальной и семейной основе. В целом сфера личной жизни в 70-80-е годы для чехов

выполняла роль альтернативы официальной действительности, как для венгров – сфера экономики, для поляков – сфера политики. То есть теневое общество функционировало в Чехии на микроуровне межчеловеческих, прежде всего родственных отношений³. Наиболее существенный сдвиг в ценностных ориентациях населения в течение двух предшествующих краху тоталитарного строя десятилетий связан с быстро растущим предпочтением "жить в покое, без риска, конфликтов, независимо от общества". В совокупной иерархии ценностей эта в 80-е годы по сравнению с 70-ми переместилась с 10 на 4 место вслед за стабильно занимающими первые три места соответственно следующими ценностями: здоровье, семьейдом, дети и мир⁴. Только в сфере личной, семейной жизни чех в те годы находил возможности своей социокультурной идентификации. Разграничение двух миров – частного и публичного – стало определяющей чертой чешского общества периода "нормализации"⁵.

Попытки возобновления реформистского движения в годы советской "перестройки", сама ее идеология были встречены чешским населением с большим недоверием. 55% респондентов высказало в 1988 г. полное недоверие официальной программе перестройки⁶. Тем не менее монополия коммунистической партии рухнула здесь буквально в одночасье. Как это могло произойти так легко, почему стал возможным поздний, но радикальный поворот Чехии "на новые рельсы", принятый всем населением? На эти вопросы дал свои ответы еще в 1991 г. чешский философ и социолог И.Можны⁷. Его книга "Почему так легко..." выполнена в жанре социологического эссе. Содержащиеся в ней идеи демонстрируют, насколько далеко опережало тогда не только научное, но и в целом общественное сознание Чехии наше отечественное, находившееся в плену новых иллюзий о наступлении эры политической и экономической свободы.

Действительно, различные социальные группы населения, по оценке И.Можны и его чешских коллег, на

собственном опыте смогли к концу 80-х годов убедиться, что в соревновании двух систем – "капиталистической и социалистической" – последняя потерпела поражение не только в сфере политических свобод, но и в области развития технологий производства, услуг, уровня материального потребления, образования, в темпах цивилизационно-культурной динамики, в совершенствовании образа жизни. Коммунистический режим стимулировал лишь социально-экономические процессы, характерные для начального экстенсивного этапа индустриализации с явным военно-оборонительным подтекстом, которые затормозили развитие общества индустриального типа, способствовали его демодернизации, в определенном смысле повторению пути, пройденного столетие назад. В результате Чехословакия и прежде всего наиболее высоко развитые ее западные чешские области не использовали возможностей цивилизационного роста, перехода к обществу постиндустриального типа, представляемых современной действительностью второй половины XX в., особенно технико-технологическим скачком 70-х годов. По оценкам социологов, более чем пятая часть мужского населения Чехии не смогла реализовать своих возможностей социального продвижения⁸. Все это стало реальностью массового сознания людей, прошедших школу "двойной жизни" – в системе формально-официальных, понижывающих и политическую, и экономическую среду, отношений, с одной стороны, и теневых, межчеловеческих, неформальных отношений – с другой. В критических обстоятельствах ноября 1989 г. переход к новой политической системе совершился быстрее и легче по сравнению с соседними странами бывшего "советского блока", войдя в историю под названием "бархатной", или "нежной" революции.

Задумываясь над ее причинами и содержанием, И.Можны отдает приоритет не столько социальным, сколько политическим предпосылкам перехода к новой фазе общественного развития, произошедшем в Чехословакии лишь

несколько позже, чем в других странах региона. Дело в том, что именно чешское общество в предшествующие десятилетия, как никакое другое, продемонстрировало случай регресса современных социальных структур, которые в остальных странах региона находились в этот период лишь в стадии формирования. Возврат здесь к традиционализму в общественной жизни, к архаическому переплетению в единое целое экономики, политики, идеологии соответствовал концепции государственного устройства первого поколения "строителей социализма". Необходимость отхода от этой концепции – очевидная для Чехии уже 60-х годов – с нарастающей силой ощущали следующие поколения лидеров коммунистических государств. Попытка эмансипации отдельных сфер общественной жизни, прежде всего государства и экономики, распад гомогенности политической системы, превращение диктата капитала социального, символического в диктат экономического рынка реализовались под антикоммунистическими лозунгами повсеместно в регионе на рубеже 80-х и 90-х годов. Наибольшую потребность в либерализации общественных отношений испытала элита "истеблишмента", ее младшее поколение или дети номенклатуры. Перевод социального и культурного капитала их отцов в экономический делал возможным его непосредственное наследование, переход от политического к реальному финансово-экономическому господству в обществе и государстве "новой элиты", в большинстве своем воспроизведенной "элитой старой". Уровнем культуры, демократизма пришедших к власти лидеров в каждой из стран – производном от общецивилизационного уровня всего населения – определялась степень жесткости мер переходного периода как преимущественно политической акции.

В наибольшей степени свободное от склонности к иллюзорному черно-белому восприятию действительности, свойственной общественному сознанию полупатриархального типа, рациональное чешское население изначально не попало под влияние сопровождавших "революционный процесс"

мифов о декоммунизации как наступлении эры полной политической и экономической свободы. Отсюда – высокая степень консервативности в отношении чехов к общественным переменам, особенно периода перестройки. Хотя банкротство прежней системы было здесь осознано на самом массовом уровне уже не одним из поколений, это породило достаточно своеобразный характер взаимоотношений людей. И.Можны констатирует крайне высокую степень взаимного недоверия своих сограждан, втрое превышающую аналогичные показатели в западноевропейских странах⁹. Тем более настороженное отношение встречали идущие "сверху" политические решения. Страх перед грядущими переменами с неопределенными последствиями в наименьшей степени был характерен для российского общества, с энтузиазмом их принявшего. В чешском обществе, напротив, этот страх еще и в конце 80-х годов поддерживал инерцию кажущейся приверженности к реалиям вчерашнего дня. Об этом явно свидетельствовали материалы социологических исследований тех лет.

В ноябре-декабре 1989 г. свыше 40% респондентов считало более предпочтительными для чешского общества идеи реформированного социализма, всего 3% были сторонниками капитализма и около 50% – концепции так называемого третьего пути, пути соединения их преимуществ¹⁰. Даже данные мая 1990 г. свидетельствовали, что 40% опрошенных имели отчетливую антиреформистскую настроенность и всего четвертая часть их – преимущественно образованная молодежь – приходилась на активных сторонников радикальных общественных преобразований¹¹. Подавляющее большинство населения возражало против передачи крупных предприятий в частные руки. Чаще это относилось даже к промышленным предприятиям, чем сельскохозяйственным. Решительно против приватизации крупных сельскохозяйственных предприятий в апреле 1990 г. выступало 51 %, а против приватизации шахт и металлургических комбинатов – 66% опрошенных¹².

Преимущественно пассивно-оборонительные, тревожные настроения преобладали и через полгода после смены политического режима, они даже отчетливо возросли в период с января по май 1990 г. Еще в сентябре этого года почти каждый третий считал, что "с ноября 1989 г. новые люди заняли выгодные должности, а в остальном ничего не изменилось" ¹³.

Однако впоследствии в достаточно короткие сроки произошли коренные перемены в оценках населением страны общественной действительности в пользу либерализации экономики и всеобщей поддержки демократизации политической жизни ¹⁴. Свыше половины опрошенных в конце 1990 г. позитивно оценивали процесс приватизации и относились к капитализму как единственно возможному пути общественно-го развития. В целом большинство – 2/3 населения относились к происходящему толерантно ¹⁵. Чехия вновь продемонстрировала, казалось бы, крайние формы принятия предлагаемых вариантов общественного развития, хотя здесь не обошлось без подключения высокоразвитых адаптационных способностей этноса, выработанных всей его предшествующей историей. Последние четыре столетия (кроме межвоенного двадцатилетия) проходили в условиях отсутствия национальной независимости, необходимости приспособления к изменяющимся обстоятельствам существования этой малой центральноевропейской нации. Нельзя не учитывать и того, что, встав на путь переустройства общества позже других, чешское руководство могло использовать опыт более чем двух десятилетий проведения экономической реформы кадрового режима в Венгрии и опыт политической борьбы оппозиционных сил во главе с движением "Солидарность" в Польше. Сильная социальная политика новой власти опирается на социал-демократические традиции довоенной Чехословакии, а также австрийскую и немецкую практику социально ориентированного рынка. Наиболее яркий ее результат, учитывая к тому же переходный характер

экономики, – один из самых низких в мире уровень безработицы в Чешской Республике.

Состояние массового сознания, принятие им курса на либерализацию экономики и демократизацию политической жизни оказалось наиболее динамичной сферой общественной действительности. Оно основывалось на опыте предшествующих поколений: почти половина чехов в 1990 г. заявила, что после февраля 1948 г. они или кто-либо из членов их семей были лишены той или иной собственности (предприятий, земель, домов, ферм и т.п.). Большинство преисполнилось решимости вернуть себе эту собственность¹⁶. К тому же еще в 1988 г. каждый десятый чех считал для себя очень важным иметь возможность заниматься частным предпринимательством¹⁷.

Результаты систематических международных исследований социологов показали, что Чешская Республика находится ближе всего из стран "Вышеградской четверки" по ценностным ориентациям ее населения к западноевропейским параметрам. Так, по данным осени 1991 г., на фоне выраженного преобладания негативных оценок действительности венграми и высокой полярности взглядов поляков с отчетливой тенденцией роста неприятия ими происходящего Чехия отличалась повышенным социальным оптимизмом. Свыше 70% опрошенных здесь считало существующий режим в конечном счете лучше прежнего, коммунистического. Такой же точки зрения придерживалось лишь 40% венгров, а 30% имело противоположные взгляды. Сторонников существующего режима в Польше тогда было 50%, в Словакии – свыше 40%, но в последней 15% – больше, чем где бы то ни было, – оценивали новый строй как гораздо худший по сравнению с предшествующим¹⁸.

По состоянию на начало 90-х годов наметились контуры преобладания отдельных социально-политических ориентаций: в Венгрии – социально-рыночной, в Словакии – промежуточной между социалистической и социально-рыночной

и в Чехии – тяготеющей к либеральной: "левая" ориентация здесь была в наибольшей степени скомпрометирована в 1948-1989 гг.¹⁹. Концепция "третьего пути", близкая социалистической, все еще находила своих сторонников среди большинства населения посткоммунистических стран. Внедрение либеральной концепции общественно-политического развития или капиталистической системы отношений происходило действительно "сверху" как централизованно спланированная акция. Такой тип развития событий соответствовал не только замыслу реформаторов, но и уже привычному ожиданию большинством населения бывших социалистических стран, включая Чехословакию, перемен, идущих от "центра"²⁰. Вместе с тем общественная практика рассматриваемого периода, связанная особенно со всплеском предпринимательской деятельности и участия в купонной приватизации, ставшими подлинно массовыми явлениями, продемонстрировали значительные, недооцененные возможности возрождения общества на подлинно демократической основе. Конечно, в первую очередь это относилось к Чехии.

Несмотря на сходство социально-демографических структур центральноевропейских стран, более успешной посткоммунистической трансформация оказалась в Чехии с ее высокоразвитым, динамичным социокультурным потенциалом. В 1990-1992 гг. либеральная ориентация здесь множила ряды своих сторонников. По данным середины 1992 г., 29% чешских граждан придерживались "левых" политических взглядов, 45% – "правых". Доля последних росла пропорционально уровню образования. Их было 52% среди служащих и 61% среди предпринимателей. Однако и среди рабочих "правые" составляли 42%. Противовес им образовывали люди пенсионного возраста²¹. Другое дело, что декларации о политических пристрастиях не всегда соответствовали возможностям их реализации на практике – и объективным, и субъективным. Опыт существования в новых условиях формировался "по ходу дела". Необходимость приобретения этого опыта

порождалась изменением материально-финансовой ситуации, вызванным падением уровня жизни большинства населения.

Значительный рост расходов чешских семей был связан с принятием правительством курса на либерализацию цен, пик которой пришелся на 1991 г. Опасность в этих условиях появления категории малоимущих в ближайшем будущем предсказывало всего 12% опрошенных в начале 1990 г., но уже 46% в середине года²². В 1991 г. индекс реальных денежных доходов населения составил 74,25% от уровня 1989 г.²³. В ответ на это в период с июня по ноябрь 1991 г. доля сторонников более последовательного вмешательства государства в ценовую политику возросла с четверти до трети²⁴. И уже в 1992 г. последовал некоторый рост реальных доходов населения (до 78,61% от уровня 1989 г.), который сопровождал начавшиеся именно тогда процессы материально-финансовой и имущественной дифференциации.

В социалистической Чехословакии с ее высшим в Европе уровнем нивелизации доходов их обусловленность социальными характеристиками (уровнем образования, сложностью выполняемого труда, стилем жизни) была крайне низкой. Еще осенью 1991 г. ситуация оставалась в этом отношении практически неизменной. Дифференциация доходов проявлялась лишь в возникновении небольшой группы представителей высших ее уровней – богатых²⁵. Процесс формирования этой группы, составлявшей десятую часть всего населения, как показало исследование Й.Вечерника, в 1992 г. ускорился²⁶. Однако в условиях достаточно деформированного и монополизированного рынка товаров и услуг, как и рынка капиталов, подавляющее большинство населения, занятое на государственных, кооперативных или часто лишь формально приватизированных предприятиях, все еще оставалось в стороне от процессов дифференциации доходов в зависимости от реального трудового вклада. К тому же в 1992 г. произошел рост среднего уровня заработной платы (к концу года – до 5,5 тыс. крон, или около 180 долларов), низкий уровень которой

характерен для активно приватизируемых предприятий быстро развивающейся сферы торговли²⁷. Надо заметить, что в целом в частном бизнесе доходы в среднем составляли относительно небольшую сумму – в июне 1993 г. 5,6 тыс. крон. Даже в частных промышленных фирмах оплата труда была ниже, чем в государственных²⁸.

Положительной стороной сохраняющейся слабой дифференциации доходов населения была низкая (1-3%, по оценкам специалистов) доля беднейших слоев в его общей численности, как и минимальный уровень безработицы²⁹. Впервые после 40 лет полной занятости явление безработицы было зарегистрировано в Чехословакии в 1990 г., а к январю 1992 г. оно достигло показателя 4,3%. Однако уже к концу этого года доля безработных сократилась до 2,6% и относительно стабилизировалась на этом уровне³⁰. В пространственном отношении безработица возрастает в направлении с запада на восток страны, достигая в промышленной Северной Моравии почти двукратного отклонения от среднего уровня (4,6% в 1993 г.). Напротив, в Праге безработные составляют всего 0,2% активного населения, немного их и в других крупных городах – средоточиях не только предпринимательской активности, но и в целом социально-профессиональных перемещений периода общественной трансформации³¹.

Что касается "новых бедных", то они отличаются от прежних, характерных для периода коммунистического правления. Теперь к ним относятся люди главным образом со слабой приспособляемостью к изменившимся условиям жизни. Социологи фиксируют большие различия в объективных показателях численности бедных. По их расчетам, доля бедных даже снизилась по сравнению с 1989 г., однако около 10% опрошенных относят себя к числу малоимущих. (Напомним, что столько же составляют люди наиболее высокого достатка.) Все чаще респонденты указывают на недостаточность своих реальных (декларированных) доходов³².

По многим эмпирическим показателям, население в этой ситуации разделилось на две примерно равные части. Половина избрала активную стратегию выживания, наиболее часто предпринимая попытку поиска дополнительных средств существования (второе место работы), либо перехода на более высокооплачиваемые места (профессиональная мобильность), либо поиска работы за рубежом, в иносфирмах, созданных в самой Чехии. Вторая половина населения, предпочитая чисто рыночным ценностям ценности социально ориентированного рынка и испытывая при этом серьезные финансовые трудности, выбрала "оборонительную" позицию. Среди последних значительную часть составляют люди постпродуктивного возраста, за счет которых происходит, по некоторым оценкам, 70% сокращения чрезвычайно высокой в ЧССР занятости³³. Вместе с тем всеобщая женская занятость практически не снижается: 88% чешских (92% словацких) женщин в 1991 г. работало в режиме полного трудового дня³⁴. Женщины испытывают особенно большой страх перед возможной безработицей³⁵. Однако неутешительные перспективы развития традиционных для предшествующего периода сфер женской занятости сочетаются с низкой представленностью их в новых, преимущественно мужских, видах экономической активности. Так, доля женщин среди предпринимателей, т.е. в частном секторе, составляла всего 5%³⁶. В целом 40% экономически активного населения Чехии уже в 1990-1992 гг. претерпело профессиональные перемещения, 14% в той или иной форме использовало возможности, предоставленные процессом приватизации³⁷. Общественная трансформация действительно отразилась на жизненных судьбах значительной части чехов – практически каждого второго из них.

По другим данным, объектом вертикальной социальной мобильности по показателю сложности выполняемого труда за период 1988-1993 гг. оказалось 21,9% опрошенных: десятая часть их испытала восходящий ее тип и столько же – нисходящий³⁸. Правда, меритократические тенденции

социальных перемещений проявлялись еще слабо: наибольшие шансы повысить свой статус имели не высококвалифицированные специалисты, а обладатели дипломов о полном среднем образовании и рабочей квалификации³⁹. Большинство и тех, и других составляла младшая часть средней возрастной группы.

Наиболее остро проблема поиска новых мест приложения труда стояла перед работниками сельского хозяйства, а также мелкими служащими и высококвалифицированными специалистами⁴⁰. Занятые в аграрном секторе продемонстрировали не только наибольшую обеспокоенность возможной потерей работы в ближайшем будущем, но и значительные способности к профессиональной переадаптации⁴¹. Однако в начале 90-х годов результаты деколлективизации были еще невелики, и крупные сельскохозяйственные кооперативы и в 1993 г. оставались наиболее распространенной формой ведения хозяйства в аграрной сфере⁴². Наряду с прогнозированным специалистами сокращением вдвое аграрной занятости к середине текущего десятилетия предполагается, что доля членов сельскохозяйственных кооперативов в ближайшие годы останется на уровне 7-8% экономически активного населения⁴³.

Началось сокращение занятости и на крупных государственных промышленных предприятиях: в первом полугодии 1993 г. на 6,3% по сравнению с первым полугодием 1992 г. Глубокий спад уровня жизни испытали работники приоритетных в предшествующий период угледобывающей, металлургической отраслей, тяжелого машиностроения. Тем не менее избыточная занятость в них сохранялась: люди здесь неохотно шли на переквалификацию⁴⁴. К середине 1993 г. изменение структуры чешской промышленности имело еще достаточно ограниченные последствия, которые, как ожидается, придется уже на вторую половину 90-х годов, т.е. период после завершения "большой приватизации"⁴⁵. Следует, однако, заметить, что квалифицированные рабочие в

совокупности наиболее часто по сравнению с остальными категориями занятых находили новое место работы⁴⁶. Значительное сокращение индустриальной занятости будет связано с уменьшением в будущем уровня его феминизированности за счет малоквалифицированной женской рабочей силы⁴⁷.

В целом в течение 2-3 лет приблизительно десятая часть чешского населения два и более раза сменила место работы. Отчетливый рост занятости произошел при этом в сфере обслуживания, торговли, туризма, банковского дела и страхования⁴⁸. Не только развитие этих отраслей, но и смена форм собственности, преобладавших в них, вызвали подлинно массовый – прежде всего именно здесь – рост численности частных предпринимателей, который предшествовал началу "большой приватизации". Всего свыше миллиона человек за прошедшее десятилетие было официально зарегистрировано в этом качестве. Они образовали так называемое "нулевое" поколение предпринимателей Чехии. Дело в том, что частный бизнес как главный вид профессиональной деятельности назвали в 1993 г. лишь 9% экономически активных, или около 450 тыс. человек, главным образом мужского пола⁴⁹. Большинство (свыше 70%) составляли индивидуалы или работники, использовавшие помощь еще 1-2 человек – как правило членов семьи – и собственные денежные сбережения⁵⁰. Предприниматели такого рода, занятые в сфере торговли и услуг, явно доминировали над занятыми материальным производством. Среди последних достаточно многочисленны были лишь работники строительной отрасли⁵¹. Вместе с тем нельзя забывать, что заработки в малых торговых – традиционно высокофеминизированных – фирмах были минимальными.

Для подавляющего большинства, а по некоторым оценкам для 80% зарегистрированных бизнесменов, т.е. имеющих лицензию на предпринимательскую деятельность, она оставалась лишь попыткой получения дополнительного заработка при сохранении права на социальное обеспечение и

привычного статуса в обществе. Речь идет о явлении "параллельного предпринимательства". Половина его представителей даже не предъявила деклараций о доходах. Это свидетельствовало о том, что они практически не воспользовались имеющейся лицензией⁵². Финансовые причины были в рассматриваемый период главными при изменении места работы. Их называли вдвое чаще, чем поиск работы по специальности. А уж потребность самореализации, стремление к самостоятельному предпринимательству, к новой интересной работе замыкали иерархию причин трудовой мобильности. На них указало всего 5% опрошенных⁵³.

Показатели уже конца 1993-1994 гг. свидетельствуют об относительной стабилизации общего количества частных предпринимателей Чехии и завершении характерного для всех стран региона довольно непродолжительного "предпринимательского бума". В основе его находился спад уровня жизни населения, а также распространенная в первые годы экономической либерализации идеология равенства возможностей обогащения, сменившая идеологию всеобщего равенства, господствовавшую здесь в течение почти полувека. Пополнение численности отряда предпринимателей, которое безусловно продолжится в ближайшие годы, уравнивается теперь оттоком людей, переоценивших свои возможности на этом поприще. Вместе с тем не прервется развитие сферы услуг и замещение государственных предприятий частными, доля занятых на которых, согласно прогнозам экспертов, составит к 2000 году 70% всей рабочей силы⁵⁴.

В целом же рост в течение буквально нескольких лет доли занятых в малом бизнесе от близкого к нулевому уровня до официальных 20-22% от численности экономически активного населения является важнейшим социальным сдвигом первого этапа общественной трансформации в Чехии⁵⁵. Во всяком случае формально частным бизнесом занят сейчас каждый пятый работающий. Большинство избравших сферу торговли и услуг было вынуждено, часто очень существенно,

менять профессию вплоть до перехода к совершенно иным видам деятельности. Способность к профессиональной мобильности возрастала с уровнем образования и очевидно была связана с частичными потерями квалификационного потенциала населения⁵⁶. Больше всего активных индивидуалов оказалось среди высококвалифицированных специалистов, ищущих новые источники существования. Они гораздо охотнее шли и на перекалфикацию по сравнению с работниками физического труда. Последние, особенно наименее подготовленные из них, реже всего в рассматриваемый период открывали частный бизнес⁵⁷.

Среди начинающих свою трудовую биографию те же 20% имеют четкую ориентацию на сферу частного предпринимательства. Вместе с тем треть молодежи испытывает к ней сдержанное, даже негативное отношение. В целом 2/3 молодого поколения останется в стороне от этой деятельности, которая в начале 90-х годов находилась в эпицентре общественного развития⁵⁸. Сфера малого бизнеса сыграла роль амортизатора спада уровня жизни населения и возможного роста безработицы: 62% опрошенных работников предприятий такого рода не испытывали страха перед ней. Вместе с тем именно этот страх – особенно для Чехии – мог стать основой нестабильности в переходный период⁵⁹. Действительно, согласно материалам социологических исследований, в 1991-1992 гг. опасаящихся остаться без работы становилось меньше, но с начала 1993 г. все же возобладали тенденции противоположного рода⁶⁰.

С точки зрения социально-исторической перспективы важно, что возникшая в прошедшие несколько лет категория людей, стремящихся к экономической самостоятельности, поиску альтернативных источников существования, станет в будущем основой формирующегося среднего класса – нового с точки зрения общественной реальности после ноября 1989 г. При этом предполагается снижение количества работников частного сектора "по совместительству", особенно из числа

высококвалифицированных профессионалов⁶¹. Существовавшая до этого деформированная социальная структура в силу своей гомогенности в условиях господства уравнительных принципов формально содержала искусственно созданный своеобразный "средний класс", к которому принадлежало подавляющее большинство населения. С полной перестройкой отношений собственности социальная структура претерпит радикальные изменения. Материальная (финансовая, имущественная) дифференциация получит свое развитие в дифференциации социальной, появлении общественных групп с выраженными социально-культурными характеристиками и интересами. В совокупности эти группы образуют принципиально иную социальную структуру, отличную от присущей обществу периода 1948-1989 гг. Ее ядро составит средний класс в его классическом понимании, включающем помимо представителей малого бизнеса, торговцев, ремесленников также высококвалифицированных рабочих и государственных служащих. Однако этому будет предшествовать длительная социальная эволюция, о темпах, содержании и конечных результатах которой пока можно лишь догадываться.

Особенно неопределенны пути формирования важного элемента новой социальной структуры – класса капиталистов или крупных предпринимателей, экономической элиты. Социальный облик этого класса, по оценкам чешских специалистов, пока неясен. Кто станет владельцем крупных приватизированных предприятий? На эту роль могут претендовать держатели инвестиционных фондов, возникших в ходе первой волны купонной приватизации, или собственно отечественный финансовый капитал, или иностранные бизнесмены. Считается малореальным, что решающие позиции получат нынешние не только малые, но даже средние предприниматели, порожденные этапом "малой приватизации". Напротив, большая, если не главная, роль будет принадлежать представителям государственного аппарата, бывшим и нынешним

чиновникам и политикам. "Тихая битва" будущих хозяев чешской экономики, как и весь процесс первоначального накопления капиталов, скрыт от глаз наблюдателей⁶².

Очевидно обоснованно мнение, что в бывших социалистических странах весь процесс приватизации управляется властными политическими институтами, подчиняясь их экономическим интересам. Привилегированными "актерами" приватизации стали представители старой номенклатуры и окружение новых властных структур. Их предпринимательская активность тесно переплетается. По определению, данному польскими социологами и уже несколько лет как вошедшему в научную и публицистическую литературу, посткоммунистическое общество переродилось в общество "политического или бюрократического капитализма"⁶³. Последний насаждается "сверху" новой элитой, реализующей принцип преемственности власти. При этом в оборот пускается "социальный капитал", под которым подразумеваются отлаженные в предшествующий период полезные неформальные связи⁶⁴. Согласно материалам социологических исследований, проведенным в стране в 1991-1992 гг., бывшие высшие кадровые партийные работники имели в пять-шесть раз больше шансов стать "полноценными" предпринимателями, чем все остальные, которые как правило обращались к бизнесу лишь как к дополнительному к основному заработку источнику доходов⁶⁵. Для рядовых членов партии эти шансы были вдвое выше среднего уровня⁶⁶. Возможности такого рода крупных предпринимателей в условиях рыночной экономики раскроет время. В любом случае ключевые социальные сдвиги, связанные с формированием среднего класса и экономической элиты, возрождением всех социальных субъектов общества современного, либерального типа, явно не могли уместиться в узкие хронологические рамки первого этапа общественной трансформации, который является предметом нашего анализа.

Прошедший период начавшихся в Центральной и Восточной Европе экономических реформ один из чешских социологов назвал возможно самым успешным из централизованно спланированных процессов, подчинявшихся логике политики не столько либеральной, сколько прагматической⁶⁷. Этот период социальной истории Чехии открыла "малая приватизация" в 1991 г. Она оставила после себя не только многочисленных представителей малого бизнеса – в большинстве своем людей с двойным, маргинальным статусом. Другой ее результат, в сильной мере предопределенный первым, – начавшаяся материальная дифференциация населения, точнее, меняющееся соотношение факторов будущей дифференциации.

Значение доминировавших прежде традиционных демографических факторов оплаты труда, характерных для общества уравнилельно-перераспределительного типа, сократилось. Если раньше доходы работника определялись производственным стажем, как, впрочем, и лояльностью по отношению к режиму, а общественное разделение труда было обусловлено преимущественно половой принадлежностью, то ныне ситуация стала меняться. Вместе с тем демографические факторы пока еще сохраняют свое первенство в их общей совокупности⁶⁸. Сохраняет силу и фактор принадлежности к той или иной отрасли. Для мужского населения роль детерминанты оставляет за собой положение в системе управления. Значение диплома об образовании после некоторого его спада в начале рассматриваемого периода, когда заработки квалифицированных работников бюджетной сферы оставались замороженными, с 1991 г. возросло, особенно для женщин⁶⁹. Но тесная зависимость уровня образования – сложности выполняемого труда – его оплаты остается нарушенной деформированной системой распределения доходов. Необходимость адекватной компенсации квалифицированного труда, как показало исследование престижности отдельных профессий, осознается населением лучше, чем властными

структурами⁷⁰. Переход к новым механизмам дифференциации доходов населения станет не только следствием принципиально иного состояния общества и уровня его развития, но и окажет на это развитие определяющее обратное влияние.

Для понимания особенностей современного этапа общественного развития интересно также проанализировать динамику факторов жизненного успеха в интерпретации самих опрошиваемых. Сравнение такого рода данных за 1989 и 1992 гг. показывает, что прежде всего произошло падение роли участия в политической деятельности. Оно переместилось на последнее место в иерархии этих факторов. Напротив, выше стала оцениваться роль образования, в еще большей степени – умения "делать деньги", самоутвердиться, т.е. в духе времени восторжествовала "предпринимательская этика". Вместе с тем фактор самоуверенности, который по-прежнему находится во главе иерархии рассматриваемой группы факторов, утерял свое явное преимущество, сложившееся в условиях тоталитаризма⁷¹.

Предприниматели, а также высоко квалифицированные служащие составляют социальную основу трансформации чешского общества, от которой они получили больше всего преимуществ. Благосостояние предпринимателей в период с ноября 1989 г. коренным образом изменилось, учитывая открывшиеся перед ними возможности и ненасыщенный рынок товаров и услуг. Напротив, "в проигрыше" оказались рабочие, прежде всего малоквалифицированные. Соответственно сдвигам в статусе менялись и политические ориентации отдельных групп населения. Так, еще в середине 1990 г. в среде интеллигенции преобладала левая ориентация, в среде квалифицированных рабочих – правая. Но уже через год, когда положение интеллигенции улучшилось, она стала тяготеть к правому крылу политического спектра, а квалифицированные рабочие несколько "полевели". Предпочтение последними государственной формы собственности, особенно отчетливое с 1990 г., постепенно усиливается. Вместе с тем

высокообразованные слои населения, прежде всего пострадавшие в предшествующий период господства принципов эгалитаризма, наиболее однозначно теперь их отрицали – даже по сравнению с представителями этой социальной группы в странах Запада⁷².

Чувство социальной неопределенности и страх за свое будущее все больше начинают определять характер политических ориентаций отдельных групп населения. Кристаллизация этих ориентаций и в целом статусных характеристик каждой из групп составляет основное содержание происходящей общественной трансформации. Формирование новой социальной структуры населения ускоряется тем, что групповые социальные перемещения явно преобладали до последнего времени над индивидуальными. И это составляло специфическую особенность всей посткоммунистической трансформации в регионе.

На фоне объективных социальных сдвигов начала 90-х годов сдвиги в их субъективном восприятии, в отношении людей к процессам общественной трансформации оказались намного значительней. От массовой ориентации на либеральные ценности и "западный" тип модернизации совершается переход к принятию отдельными группами населения различных вариантов общественно-политического развития страны.

Прежде наивные и противоречивые оценки современной общественной действительности начала рассматриваемого периода сочетали в сознании людей несоединимые понятия, например, "полной свободы частного предпринимательства" и "государственного контроля над экономикой" на фоне единодушного принятия правительственного курса на антигиталитарное переустройство общества⁷³. По мере реализации этого курса все более отчетливо начинают проступать контуры новой социально-культурной структуры населения.

Отношение к общественной реальности становится в целом менее позитивным, но одновременно и менее противоречивым. Все чаще приходит осознание необходимости различных форм ограничения свободы предпринимательства, вмешательства государства в экономическую сферу жизни страны. Только с мая 1990 по июнь 1992 г. в результате происшедших именно на этот период наибольших социальных потрясений чешского общества доля сторонников полной свободы рынка сократилась с 49,7% до 33,6%, а сторонников роста различий в заработках – с 57,8% до 43,4%. Однако и процент стремящихся к сохранению контроля государства над экономикой тоже претерпел спад с 52,0% до 29,2%⁷⁴. Тем не менее и в середине 1992 г. более половины считало, что государство так или иначе должно определять цены, трудоустраивать, предоставлять квартиры каждой семье, регулировать рост заработной платы, а каждый пятый высказался за необходимость определения государством верхней границы заработков. Отчетливая либеральная ориентация проявилась менее, чем у 20% (вспомним такую же долю занявшихся малым бизнесом). Однако выраженных сторонников левого крыла общественно-политического спектра оказалось еще меньше. Существенная часть населения – 55-60% – все еще характеризовалась амбивалентными взглядами с преобладанием ориентаций на свободный рынок и сильное государство вкуче⁷⁵. Незавершенным оставался процесс кристаллизации отдельных групп населения, их социально-культурного статуса. После динамичных перемен в общественном бытии и сознании, происшедших на 1990-1992 гг., наступил период их относительной стабилизации. Впрочем, переходный характер этого состояния очевиден.

Так же как и в самой практике поведения – "активной" и "оборонительной", – в самом отношении к общественной действительности население Чехии разделилось на две половины: сторонников "социально-рыночной экономики" и "свободного рынка". Чешские социологи на основании анализа

эмпирических данных пришли к выводу, что более, чем каждый второй респондент сохраняет приверженность глубоко укоренившейся эгалитарной системе взглядов и отношений⁷⁶. И все же, как пишет Й.Вечерник, "общественная сцена уже несомненно готова к вступлению на нее новых настоящих социальных актеров в виде общественных групп и движений, представляющих различные имущественные, профессиональные или локальные интересы"⁷⁷. Прежняя деформированная, в сильной мере гомогенизированная социальная структура населения может довольно быстро принять новый вид, не исключено, что достаточно радикальный.

Первые признаки этой радикализации проявились в наиболее динамичной сейчас культурной сфере или сфере общественного сознания. Мировоззренческая поляризация населения даже несколько опережает процессы материальной и тем более социальной дифференциации, хотя и производна от них. Как показали результаты исследований социологов, в основе поляризации взглядов людей находится их разделение по принципу "низкий - высокий доход", "низкий - высокий уровень образования", "физический - интеллектуальный труд", "малое поселение - Прага". Причем для обладателей более низкого социального статуса характерно дистанцирование и даже агрессивное отношение к обществу в целом и некоторым его социальным группам в особенности. Для представителей этой части общества свойственно отсутствие и внутригрупповой солидарности и взаимопонимания, порождающее у них ощущение фрустрации⁷⁸.

Социоэмпирические данные свидетельствуют о том, что достигнутый уже по состоянию на 1993 г. уровень дифференциации доходов чешского населения рассматривается им как чрезмерный (для 75% опрошенных). Пока далекому от подлинного либерализма общественному сознанию уже сейчас присуще стремление сократить достигнутое различие между низшими и высшими доходами на половину. Правда, аналогичные эгалитарные настроения в Словакии или Польше

проявляются еще более выражено⁷⁹. Для чехов примитивная уравнилельная идеология уже в целом трансформировалась в неприятие лишь "несправедливо" высоких доходов достаточно узкой группы населения. Вместе с тем общее снижение уровня жизни населения пока не затронуло "низы" чешского общества настолько, чтобы отразиться в неприятии большинством самого процесса его трансформации, поколебать его социальную стабильность.

Сравнительные данные 1991 г. впервые продемонстрировали принципиальное различие в субъективном отношении к этому процессу жителей Чешской и Словацкой Республик, входивших тогда еще в состав единой ЧСФР. Среди последних позитивно оценивавшие происходящие в обществе перемены, как и их перспективы, находились в явном меньшинстве. Чувство удовлетворенности и оптимизма у чехов проявилось в наибольшей степени по сравнению с представителями остальных посткоммунистических наций⁸⁰. Однако в высшей степени интересна последующая динамика показателей уровня жизни и восприятия перемен в обществе по данным опросов весны и осени 1993 г.

Переход в сферу частного предпринимательства – как основной или дополнительный вид экономической деятельности – охватил в Чехии существенно большую часть населения по сравнению со Словакией: соответственно, приближающуюся к 1/4 и менее 1/5. Примерно столько же – 17-19% – в обоих случаях только готовилось к этому переходу. Еще более значительными были различия в оценке опрашиваемыми их уровня жизни, его динамики в 1988-1993 гг. Падение уровня жизни, произошедшее в обеих республиках в этот период, в Словакии оказалось гораздо более резким.

Положительные ответы на вопрос: "Достаточно ли денег в Вашем семейном бюджете на ..." (см. таблицу)⁸¹.

ЧС

СР

	1988 ретро спективно	1993	1988 ретро спективно	1993
Питание	90,8	60,4	92,3	39,8
Одежда	80,0	41,9	88,3	26,3
Жилище	89,5	42,6	91,9	28,1
Предметы длительного пользования	61,7	29,8	77,3	16,7
Культура и досуг	74,1	36,3	74,4	17,6
Путешествия и туризм	51,2	22,8	61,2	9,4
Здраво- охранение	92,8	68,6	90,6	28,6
Образование	90,9	57,8	92,5	27,5

Жизненный опыт первых лет трансформации обусловил рост скептицизма населения в ее оценке. Сказалось не только снижение общего уровня жизни большинства, но и появление новых элит, воспроизводство старых правящих структур и др. С марта 1991 г. в Чехии начались систематические исследования уровня удовлетворенности населения посленоябрьским развитием событий в стране. Именно тогда и был зарегистрирован его первый значительный спад в результате высвобождения цен. Большинство опрошенных в апреле того же года согласилось с тезисом, что "сначала развитие шло в правильном направлении, но затем оно было искажено"⁸². Наиболее высоко оценивалась внешняя политика государства. Способствующая поднятию престижа страны за рубежом, она вызывала оптимизм. Иначе обстояло дело с оценкой внутренней политики. И все же отношение к

ходу трансформации общества в 1991-1992 гг. оставалось относительно стабильным. Однако данные 1993 г. свидетельствовали об усилении негативного характера этого отношения. Произошедшие после 1989 г. в чешском обществе перемены встретили в 1993 г. поддержку со стороны уже не почти половины, как в 1991 г., а всего трети опрошенных. Чуть больше людей позитивно оценили ближайшее будущее страны. Правда, эти показатели более благоприятны по сравнению с аналогичными показателями для Польши и Венгрии. К тому же в соседней Словакии снижение уровня поддержки режима было гораздо более выраженным: здесь сторонников курса последних четырех лет осталось менее 10% от общего числа опрошенных – вдвое меньше, чем в 1991 г.⁸³.

Хотя 2/3 чехов не одобряли происходящие в обществе изменения, всего треть их разделяла мнение о необходимости существенных, радикальных корректировок взятого курса. Сложившаяся ситуация не воспринимается ими как конфронтационная, что является гарантией общественно-политической стабильности в стране, в гораздо меньшей степени характерной для Словакии. Вместе с тем при дальнейшем ухудшении уровня жизни и деформации социальной среды, в условиях провала надежд прежде всего молодежи на быстрое обогащение, чешские обществоведы допускают возможность усиления критического отношения населения к процессам трансформации общества⁸⁴.

Специалисты зафиксировали в среднем 20-25%-е превышение в уровне принятия и одобрения чешским населением по сравнению со словацким политики реформ. Вместе с тем доказана относительная адекватность современной социальной ситуации в двух республиках, еще совсем недавно составлявших единое государство, которое проводило жесткую политику так называемого выравнивания уровней социального и национального развития и добилось их значительного подобия. Различие социальных структур индустриального чешского общества и полуаграрного словацкого,

фиксировавшееся еще в конце 60-х годов, к началу 80-х годов, т.е. в период "нормализации" с ее приоритетным развитием восточной части страны, было преодолено. Остались лишь минимальные формальные расхождения в структуре доходов, занятости и профессий, образованности, качества жилья, его оснащенности предметами длительного пользования и образе жизни людей. На фоне тождества перечисленных объективных параметров все ярче проявляются сейчас, в переходный период общественного развития различия в его субъективном восприятии. Они объясняются особенностями уже не социальных, а культурных структур двух типов общественных систем, обусловленных спецификой длительной исторической эволюции отдельных наций. Чешское общество, прошедшее путь модернизации "западноевропейского" типа, оказалось на общем фоне восточноевропейской действительности конца XX в. наиболее подготовленным к либерализации системы его отношений, да и в целом к любым потрясениям. Способность противостоять им, рассчитывая только на собственные силы, отчетливо проявилась в увеличивающемся в последние годы расхождении чехов и словаков в оценке возрастающей дифференциации доходов населения и роли государства в ее сокращении, других сторон общественной трансформации и реакции на них. То, что реализация либеральных идей на практике пойдет в каждой стране своим путем и неадекватными темпами, очевидно уже сейчас. Об этом свидетельствуют сравнительные опросные данные по Чехии и Словакии. Они послужили, в частности, основанием для вывода: для большинства населения Чехии эгалитарная идеология в ее простейшем виде – в отношении к проблеме дифференциации доходов – уже перестала существовать⁸⁵. Проявились и другие национально-культурные особенности.

Так, заниженная самооценка, неспособность отличить возможные перемены в статусе от фактических отличали недостаточно эмансипированных социально-демографических субъектов, более консервативную, слабомобильную

общественную систему, еще сохраняющую черты традиционализма от более рационально ориентированной, способной активно противостоять внешнему миру, менее зависимой от него общественной системы. Во втором случае речь идет об этносе, прошедшем "школу капитализма", историческая память которого хранит богатый опыт выживания в различных условиях⁸⁶. Поэтому ощущение фрустрации, отрицания всего происходящего, свойственное большинству населения стран региона, в Чехии присуще в основном, как отмечалось выше, лишь отдельным его группам с низшим социальным статусом. Запас прежде всего общечеловеческой "прочности" остального населения заключен в глубоких пластах его сознания, сформированного столетиями существования в контексте западноевропейской историко-культурной традиции.

Имеющиеся данные свидетельствуют о довольно быстром восстановлении в сознании чехов в начале 90-х годов роли христианских гуманистических ценностей, хотя еще более важным на сегодняшний день процессом оказался наиболее быстрый отход от идеологического или мифологического мировоззрения к прагматической концентрации на проблемах каждодневного существования. Особенности мировоззрения наиболее достоверно отражают показатели отношения к религии. В период после ноября 1989 г. уменьшение значения атеизма, т.е. по существу – социалистической идеологии в ее наиболее примитивном виде было в Чехии более ощутимым, чем собственно возвратный рост религиозности. Большинство населения страны осталось неверующим: в 1993 г. лишь 44% традиционно толерантного в религиозном отношении чешского населения относило себя к той или иной конфессии. Аналогичные данные были получены в 1991 и даже в 80-е годы (47% верующих): уровень религиозности чехов остается стабильной величиной⁸⁷. Вместе с тем возрастает процент признающих существование Бога и снижается доля неверующих, атеистов.

Тенденции изменения общественного сознания характеризуют данные динамики ценностных ориентаций населения страны. Они демонстрируют явное усиление его индивидуально-семейной ориентации, возрастание роли ценностей частной жизни, внутрисемейной взаимопомощи. Падение в последние годы значения многих жизненных ценностей в условиях адаптации к новой общественной системе не коснулось наиболее прочных экзистенциальных ориентаций чехов. Напротив, взгляды на жизнь прагматического плана, связанные с развитием частной финансово-экономической инициативы, получили наибольшее развитие в начале 90-х годов. Семья по-прежнему остается во главе иерархии ценностей чехов.

Вместе с тем значительное число семей – от четверти до трети их общей численности – оказались не в состоянии самостоятельно справиться с возникшими материально-финансовыми трудностями. В этой ситуации, по оценке М. Чермаковой, начался распад института семьи, всей системы родственных связей и отношений⁸⁸. Изменения в настоящее время к лучшему во внутрисемейной жизни – традиционной основе стабильности чешского общества – констатировало больше всего предпринимателей, каждый третий из них, но лишь 13% рабочих и 21% служащих⁸⁹. Собственно сам сценарий экономической реформы предвещал скорее вытеснение женщин с рынка труда, чем снижение их занятости по дому путем развития различных "служб быта", которые по-прежнему недоступны большинству семей и наиболее несовершеннолетним.

Значение многих жизненных ценностей в период посткоммунистической трансформации приобрело тенденцию снижения. Среди них – труд, в том числе творческий, профессионализм, знание, потребность самореализации. Однако сохраняет свое первостепенное значение ценность наличия постоянной работы на небольшом расстоянии от места жительства. Несколькими уменьшился "вес" и ценности здоровья,

необходимость его укрепления. Напротив, прекратилось падение роли эстетических ценностей, комфортной жизни, сменившись обратной тенденцией ее роста – очевидно для преуспевающей части населения. Для остальных, осознавших, сколь трудноосуществимы иллюзии обогащения в новых условиях, даже просто стремление зарабатывать много денег, как ни странно, в 1991 г. претерпело спад⁹⁰. А осознание невозможности повлиять на ход общественного развития вело к утере последних иллюзий и в сфере социально-политического развития страны.

На фоне общего "ценностного спада", произошедшего в начале 90-х годов, особенно резко уменьшился интерес населения к политике. Глубокое падение его в 1991-1992 гг., казалось, достигло своего предела. Однако данные ноября 1993 г. продемонстрировали дальнейшее снижение политической ангажированности людей. Оно проявилось прежде всего в значительном дистанцировании от ключевой ценности – собственно демократической активности населения. Этот процесс уже получил название "политической дезактивации", вызванной отсутствием так называемой прямой демократии (использование практики референдумов и проч.), недоверием к представительной власти, постоянным ухудшением уровня жизни. "Политика стала узким местом всей ценностной системы граждан Чешской Республики", – сделали вывод ведущие социологи страны⁹¹. В определенной степени они связывают это явление с начальным этапом "реставрации капитализма", когда проблемы материального существования и недостатка времени заглушают интерес к общественным проблемам, замыкая человека в рамки его личной жизни, наполненной борьбой за свое существование. Мобилизуется отработанный и проверенный всей национальной историей, особенно предшествующим периодом тоталитарно-коммунистического правления, инструмент выживания людей в условиях социального "напряжения" – на "родовой основе".

Примечания

- 1 Czech Republic – Transformations after 1989 and Beyond/ Scenario of Change until the Year 2005. National Report. Pr., November 1993. Этот доклад, как и остальные материалы, послужившие источниковой основой данной статьи, – результаты многочисленных конкретно-социологических исследований сотрудников Института социологии Чешской академии наук, изданные в форме, близкой к рукописной, как правило, для узкого круга специалистов.
- 2 Ibid. S. 51.
- 3 Machonin P. The Social Structure of Soviet-Type Societies, its Collapse and Legacy // Czech Sociological Review. 1993. N 2. S. 238.
- 4 Slejška D. Vývojové procesy lidských hodnot a naše doba (Příspěvek k poznání základů axiologické dynamiky). Pr., 1990. S. 64.
- 5 Šanderová J., Kabátek A. Socialist Czechoslovakia – System Error and Premises for Change. Pr., 1991. S. 6.
- 6 Slejška D. Vyojové procesy... S. 66.
- 7 Možný I. Proč tak snadno... Některé rodinné důvody sametové revoluce. Pr., 1991.
- 8 Machonin P., Tuček M. Geneze nové sociální struktury v České Republice a její sociální aktéři/ Pr., Listopad 1993. S. 4.
- 9 Možný I. Proč tak snadno... S. 74.
- 10 Czech Republic - Transformations after 1989 and Beyond ... S. 70.
- 11 Šanderová J., Kabátek A. Socialist Czechoslovakia ... S. 16.
- 12 Hampl S. Attitudes of Population in the Czech Republic (Secondary Analys of Data Coming from the Public Opnion Research Institute). Pr., June 1993. S. 8.
- 13 Ibid. S. 20.
- 14 Machonin P., Tuček M. Geneze nové sociální struktury ... S. 6.
- 15 Czech Republic – Transformations after 1989 and Beyond ... S. 70-71.
- 16 Hampl S. Attitudes of Population ... S. 8.
- 17 Slejška D. Vývojové procesy... S. 66.
- 18 Tuček M. Popular Attitudes Towards the Transformaton of Czech Society. Pr., September. 1993. S. 10.
- 19 Ibid. S. 14.

- 20 *Hartl J.* The Economic and Political Transformations in Czechoslovakia : Challenge and the Limits of Participation. – Social Problems of Participation in the Changing Czechoslovak Economy. S. 31.
- 21 *Hampel S.* Attitudes of Population ... S. 3.
- 22 *Večerník J.* Chudoba – různé metody, odlišné výsledky // Data a fakta. Září 1991. N 2.
- 23 *Machonin P., Tuček M.* Geneze nové sociální struktury ... S. 9.
- 24 *Miková Z.* Cenová liberalizace – názory a postoje veřejnosti. Data a fakta. Duben 1992. N 11.
- 25 *Machonin P.* Demokratické a meritokratické v procesu post-komunistické transformace společnosti // Politická a ekonomická transformace v zemích střední a východní Evropy. Pr., 1993. S. 32.
- 26 Czech Republic – Transformations after 1989 and Beyond ... S. 68.
- 27 *Sojka M.* Labour Market in the Czech Republic : Current State and Prospects. Pr., June 1993. S. 7-8.
- 28 Sociální a mzdové problémy zaměstnanců malých a středních soukromých podniků. Pr., 1993. S. 21-22.
- 29 Czech Republic – Transformations after 1989 and Beyond ... S. 69.
- 30 *Sojka M.* Labour Market in the Czech Republic ... S. 10.
- 31 Czech Republic – Transformations after 1989 and Beyond ... S. 27-28.
- 32 *Večerník J.* Social Problems and Social Policy. Pr., April 1993. S. 18.
- 33 *Sojka M.* Labour Market in the Czech Republic ... S. 6.
- 34 *Čermáková M.* Pracovní a životní podmínky žen v České Republice a ve Slovenské Republice // Data a fakta. Září 1992. N 13.
- 35 Sociální postavení rodiny jako základního činitele a adresáta sociální pomoci. Pr., 1993. S. 77.
- 36 *Čermáková M.* Pracovní a životní podmínky žen ... S. 2.
- 37 *Večerník J.* Social Problems ... S. 20.
- 38 *Machonin P., Tuček M.* Geneze nové sociální struktury ... S. 12.
- 39 *Machonin P.* Social and Political Transformations in the Czech Republic. Pr., 1993. S. 8.
- 40 *Kuchář P.* Social Consequences of Labour Market Creation. Pr., May 1993. S. 7.
- 41 *Ibid.* S. 3.
- 42 Czech Republic – Transformations after 1989 and Beyond ... S. 49.

- 43 *Sojka M.* Labour Market in the Czech Republic ... S. 20 ; *Tuček M.* Social and Class Structure of Society in the Czech Republic and its Predicted Development up to 2005. Pr., April, 1993. S. 24.
- 44 *Kuchář P.* Social Consequenciens ... S. 3 ; *Sojka M.* Labour Market in the Czech Republic ... S. 6.
- 45 *Havel J.* Behavior of Subjects: Privatization in the Czech Republic 1990-1993. Pr., June 1993. S. 9; Czech Republic – Transformations after 1989 and Beyond ... S. 44.
- 46 *Kuchář P.* Social Consequencies ... S. 9.
- 47 *Tuček M.* Social and Class Structure ... S. 29.
- 48 *Kuchář P.* Social Consequencies ... S. 9.
- 49 *Machonin P.* Social and Political Transformations ... S.3.
- 50 *Vitečková J.* Revival of Private Enterprise – Social Process and Social Problem // Social Problems of Participation in the Changing Czechoslovak Economy. Pr., S. 27.
- 51 *Kuchář P.* Social Consequencies ... S. 3.
- 52 *Havel J.* Behavior of Subjects ... S. 19-20.
- 53 Sociální a mzdové problémy zaměstnanců malých a středních soukromých podniků. S. 17.
- 54 *Sojka M.* Labour Market in the Czech Republic ... S. 20.
- 55 *Tuček M.* Social and Class Structure ... S. 22.
- 56 Sociální a mzdové problémy ... S. 21.
- 57 *Kuchář P.* Social Consequencies ... S. 21.
- 58 *Ibid.* S. 19.
- 59 Sociální a mzdové problémy ... S. 37; *Sojka M.* Labour Market in the Czech Republic ... S. 3.
- 60 *Kudernatsch M.* Jaka je dnes obava z nezaměstnanosti? // Data a fakta. Květen 1993, N 21.
- 61 *Kuchář P.* Social Consequencies ... S. 25.
- 62 *Machonin P., Tuček M.* Geneze nové sociální struktury ... S. 14.
- 63 *Strmiska Z.* Socio-politické kultury a postoje v podmínkách economiccké přeměny ve střední a východní Evropě // Politická a ekonomická transformace v zemích střední a východní Evropy. Pr., 1993; *Možný I.* Proč tak snadno...
- 64 *Machonin P.* Sociological Evidence on Historical Development of Czech-Slovak Relationships. Pr., April 1994. S. 6.

- 65 *Matějů P., Řeháková B.* Revoluce pro koho? Analýza vybraných vzorců intragenerační mobility v období 1989-1992. Pr., Únor 1993. S. 10.
- 66 *Matějů P.* Determinanty ekonomického úspěchu v první fázi post-komunistické transformace. Česká Republika 1989-1992. Pr., Březen 1993. S. 20.
- 67 *Havel J.* Behavior of Subjects ... S. 44-45.
- 68 *Machonin P.* Social and Political Transformations ... S. 9.
- 69 *Machonin P., Tuček M.* Geneze nové sociální struktury ... S. 10-11.
- 70 *Tuček M., Machonin P.* Prestiž povolání v České Republice v roce 1992 // Sociologický časopis. 1993. N 3. S. 380-381.
- 71 *Tuček M.* Social and Class Structure ... S. 18-19.
- 72 *Matějů P., Kluegel J.* Principles of Distributive Justice in Comparative Perspective. Pr., April 1993. S. 23
- 73 *Večerník J.* Utváření nové sociální regulace v Československu. // Politická a ekonomická transformace v zemích střední a východní Evropy. S. 137.
- 74 *Ibid.* S. 142-143.
- 75 *Czech Republic - Transformations after 1989 and Beyond ...* S. 71.
- 76 *Ibidem.*
- 77 *Večerník J.* Utváření nové sociální regulace v Československu ... S. 76.
- 78 *Sociální postavení rodiny* S. 76-77.
- 79 *Tuček M.* Sociální nerovnosti poprvé : Příjmová diferenciacce. // Data a fakta. Květen 1993. N 20.
- 80 *Machonin P.* Sociological Evidence ... S. 5.
- 81 *Ibid.* S. 7.
- 82 *Hámpel S.* Attitudes of Population ... S. 23.
- 83 *Machonin P.* Sociological Evidence ... S. 8.
- 84 *Czech Republic - Transformations after 1989 and Beyond ...* S. 72.
- 85 *Tuček M.* Social and Class Structure ... S. 25.
- 86 *Čermáková M.* Český a slovenské ženy - shody a rozdíly // Data a fakta. Prosinec 1992. N 15.
- 87 *Hámpel S.* Attitudes of Population ... S. 16.
- 88 *Sociální postavení rodiny.* S. 75.
- 89 *Zdravý život rodiny v Kontextu probíhajících společenských a ekonomických změn (z výsledků pilotní studie z října 1993) // Sociologické aktuality.* 1994. N 2. S. 16.
- 90 *Hámpel S.* Attitudes of Population ... S. 20.

Ю. С. Новопашин

Плоды победы над тоталитаризмом: Восточная Европа после 1989 г.

Что представлял собой восточноевропейский регион к концу прошлого десятилетия? Какие бы показатели тогдашнего развития не были взяты, они однозначно свидетельствуют: все неудержимо катилось вниз. Для общественно-политической сферы жизнедеятельности восточноевропейских социалистических стран, прежде всего для системы их партийно-государственного управления, характерной чертой к тому времени стала очевидная неспособность этой номенклатурной системы справиться с нараставшими трудностями, обеспечить эффективное внутреннее развитие и рост отдачи от внешних, в первую очередь взаимных, торгово-экономических связей, всего международного сотрудничества.

Правда, нельзя сказать, что к концу 80-х годов уже все общество осознавало факт полнейшего паралича коммунистического режима, внутренне присущей ему неререформируемости, неспособности шагнуть в ногу со временем. Немало было и таких, кто считал возможным придать реальному социализму "второе дыхание...". На вере этой части населения в

некие еще не раскрытые потенции реального социализма продержались всю вторую половину 80-х годов коммунисты-реформаторы, которые не только сделали в некоторых странах более привлекательным по форме, так сказать, демократическим фасад партийно-полицейской политической системы, но вольно или невольно содействовали ее сущностному изменению, включая признание правомерности организованной оппозиции, переговоры с нею за "круглым столом" и передачу этой антикоммунистической оппозиции цивилизованным, реформистским путем государственной власти согласно выраженной на всеобщих выборах воле населения (как это случилось в Венгрии и Польше).

В тех же странах, где не произошло за вторую половину 80-х годов даже формальной либерализации режима, где считалось ненужным (опасным) придавать демократический оттенок хотя бы только фасаду тоталитарного партийно-государственного устройства, паралитическая система коммунистической власти оказалась устраненной насильственным путем, с помощью в первую очередь давления многотысячных митингов и демонстраций в столицах и других городах. В Чехословакии, Болгарии и ГДР это антиправительственное давление улиц и площадей достигло своих результатов без пролития крови и обоснованно заслужило название нежной или бархатной революции. В Албании последняя получилась не совсем бархатной, ибо в Тиране дело все же дошло до столкновения молодежи с "силами охраны порядка", применившими 22 февраля 1991 г. оружие, в результате чего четверо ни в чем не повинных людей погибло, многие получили ранения, в том числе дети¹. В Румынии декабрьские (1989 г.) антикоммунистические митинги и демонстрации имели своим результатом совсем не бархатную развязку: в стране тогда были убиты 1104 человека и ранен 3321 человек².

Теперь о социально-экономической сфере. Известно, что результирующим показателем ее развития является прирост национального дохода. И проиллюстрировать тезис

о том, что все в восточноевропейском регионе к концу прошлого десятилетия катилось вниз, можно с помощью сравнительных данных о темпах роста национального дохода стран-членов СЭВ за почти четыре десятилетия. В 50-х годах эти страны обеспечивали ежегодно прирост своего совокупного национального дохода на 9,5%, в 60-х – на 6,7%, в 70-х – на 4,5%, а за 1981-1989 гг. – менее чем на 2%. Если учесть, что ощутимый порог расширенного воспроизводства и повышения народного благосостояния – это 3-3,5% ежегодного прироста национального дохода, то положение в регионе к концу 80-х годов нельзя назвать иначе, чем кризисным. И настроения различных слоев населения восточноевропейских стран, жизнь которого отнюдь не улучшалась, не сулили режиму ничего хорошего. Иными словами, отчетливо проявившаяся к тому времени тенденция к ухудшению благосостояния широких трудящихся масс, студенчества, других групп молодежи сыграла свою роль в том, что к концу прошлого десятилетия они отвернулись от правившей партии коммунистов, окончательно перестали ей верить. Лишившись же в массах какой-либо социальной опоры, тоталитарный режим все прошлое десятилетие балансировал, что называется, на грани, а потому и был так относительно легко свергнут на рубеже 90-х годов. Заступиться за него оказалось совершенно некому.

В этом, надо сказать, весьма немаловажную роль сыграла также мировоззренческая сфера. Догматические установки о "единственно верном учении", идеологическая зашоренность и нетерпимость восточноевропейских адептов этого учения, как и их советских наставников, обеспечили абсолютно обратные результаты по сравнению с теми, которых постоянно добивалась коммунистическая пропаганда. Она десятилетиями трубила о гениальных предвидениях марксизма-ленинизма, воплощающихся-де реальным социализмом в жизнь, а люди видели, что ни одно из этих так называемых предвидений не осуществилось, что в жизни все зачастую про-

исходило как раз с точностью до наоборот. Им твердили о "всемирно-исторических завоеваниях авангарда мирового человечества", а дела между тем в СССР и других социалистических странах, якобы олицетворявших этот авангард, год от года шли все хуже и хуже.

Наглухо отгородившись от народа "вооруженными отрядами" КГБ, МВД и армии, номенклатурная элита социалистических стран в подавляющем большинстве своем давно уже верила во всемогущество именно этих охранных отрядов, а отнюдь не марксистско-ленинского учения, которому лишь в целях социальной маскировки продолжала отбивать парадные поклоны. Поэтому-то она и пренебрегла смертельно опасным для себя сдвигом в общественном сознании и общественной психологии своих стран, происшедшим в 70-80-х годах и выразившимся в том, что представители всех слоев населения прекрасно разобрались в большой лжи, лицемерии этой элиты и четко и бесповоротно отграничили себя от нее по принципу "мы" и "они".

Любая революция, говаривали французские просветители XVIII в., начинается с мировоззренческой сферы, со сдвигов в массовом сознании, когда угнетенные классы начинают расценивать свое незавидное положение как социальную несправедливость, которую следует устранить силой, если нет возможности сделать это при существующем строе законным путем. Эти мысли наших великих предшественников следует, естественно, принять во внимание, размышляя о причинах революционных событий в восточноевропейском регионе конца 80-х – начала 90-х годов. Но в данном случае нет, думается, необходимости говорить об этих причинах более пространно, хотя еще об одной из них, но уже не внутреннего, а внешнего порядка, следует все же упомянуть. То есть надо остановиться на характеристике изменившейся к тому времени позиции советского руководства, которое выступало ранее международным гарантом "завоеваний" нового строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а

проще говоря, гарантом сохранения в них однопартийного коммунистического режима.

Главной силой, стоявшей в регионе на страже интересов "социалистического содружества", были советские войска. Западная группа этих войск, располагавшаяся с 1945 г. в Восточной Германии, состояла к концу 80-х годов из 546 тыс. солдат, офицеров, членов их семей и вольнонаемных; Центральная группа, образованная после советского вторжения в Чехословакию, насчитывала к тому же временному рубежу 87 тыс.; Северная группа, находившаяся в Польше, была равна 67 тыс., а Южная группа, дислоцировавшаяся в Венгрии, - 65 тыс. человек. Если к этому прибавить еще 150-тысячную группу советских войск в Прибалтике, стратегически тесно связанную с "защитой завоеваний социализма" в восточноевропейском регионе, в первую очередь в Польше, а также воинские соединения на территории Западной Украины, в Закарпатье, то говорить надо о более чем миллионной группировке, осуществлявшей или готовой по первому же слову вождей КПСС осуществлять полицейские функции в любом из "братских" государств - участников Организации Варшавского договора³.

Кстати, эту военно-политическую организацию автор настоящих строк характеризовал пять лет назад отнюдь не в качестве "бастиона мира и социализма", а как атавизм "холодной войны", как следствие "не урегулированного до конца послевоенного положения"⁴. Быть может, не очень скромно все это будет выглядеть, но хотелось бы воспроизвести из высказывавшихся тогда суждений следующее: "Когда советские войска, тесня нацистов, вошли в целый ряд стран, никто, наверное, не думал, что они там задержатся на 45 лет. Конечно, подписание хельсинского Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе означало определенное урегулирование послевоенного положения в этом регионе. Но разве можно говорить о полной нормализации положения? Конечно, нет. Никак ведь нельзя сказать, что

пробывание войск на чужих территориях, пусть даже в дружественных странах, это фактор укрепления доверия. Тем более, что были и такие страны, в которые советские войска вошли, не преследуя нацистов, а по другим причинам и совсем в другое время. Я имею в виду Чехословакию"⁵.

Современно звучит, не правда ли? И действительно, как только коммунистов в восточноевропейских странах отодвинули от государственного кормила, Венгрия, Польша, Чехо-Словакия, а также объединившаяся в 1990 г. Германия немедленно поставили перед советским руководством вопрос о давно назревшей, настоятельной необходимости убрать из этих стран свои войска. Тем самым упомянутые страны со всей очевидностью продемонстрировали, что видели и видят в расквартированных у себя воинских контингентах СССР не какой-то там "противовес НАТО", а главным образом жандарма, надсмотрщика за внутренним развитием этих стран, ограничивающегося их суверенитет. Советскому руководству, объявившему к тому времени о приоритете в своей политике общечеловеческих ценностей над классово-коммунистическими, не оставалось ничего другого, как согласиться на переговоры об условиях и сроках вывода собственных войск с территории ряда европейских стран, включая обретшие в начале 90-х годов национально-государственную независимость страны Балтии.

Это – один из важнейших аспектов той позиции кремлевских властей, которую они на рубеже прошлого и нынешнего десятилетия вынуждены были занять под давлением мало зависевших от них обстоятельств. Другой такой аспект заключался в отказе горбачевского руководства играть в восточноевропейских странах малоприятную и весьма накладную роль душителя свободы и демократии, т.е. в отказе и далее подпирать со всех сторон в этих странах прогнившие коммунистические режимы.

Данный аспект даже более важен, чем предыдущий. Ведь именно отказ подпирать в бывших "братских" государ-

ствах их несостоятельных правителей делал в общем-то ненужными и войска СССР в этих государствах, и Варшавский договор как механизм советского военно-политического контроля за положением в восточноевропейском регионе.

Разумеется, такого рода отказ тоже был во многом просто вынужденным решением, а не какой-то глубоко продуманной стратегией советских коммунистов-реформаторов. Чтобы сохранить свою "внутреннюю империю", т.е. СССР, они в 1986-1991 гг. не раз прибегали к использованию против народа вооруженной силы, несмотря на всю назойливую трескотню о новом политическом мышлении. Примеры трагических событий в Алма-Ате, Тбилиси, Баку, Вильнюсе и Риге говорят здесь сами за себя. Но бросить войска СССР также против народов восточноевропейских стран, чтобы сохранить в них коммунистические режимы, а значит, и свою "внешнюю империю", т.е. советский блок, эти "реформаторы" на исходе 80-х годов все же не решились. Они отдавали себе отчет, что в таком случае сразу окажется перечеркнутой политика перестройки и преодоления мрачного наследия "холодной войны". Понимали, что тогда столкнутся не только с массой трудно- или даже неразрешимых проблем во внешней политике, но и внутри собственной страны их демократически настроенные сторонники из всех слоев населения тут же превратятся в противников. Вот поэтому-то горбачевская команда и посчитала за меньшее зло свой отказ от полицейских функций в Восточной Европе, ибо крах всей внутренней и внешней политики этой команды рассматривался ею, конечно же, злом гораздо большим.

Но как бы то ни было, это изменение позиции советского руководства имело поистине историческое значение и явилось главным международным фактором победы восточноевропейских народов над своими тоталитарно-коммунистическими режимами.

Теперь о плодах этой победы за первые пять лет посткоммунистического развития. Если говорить об общественно-

политической сфере, можно констатировать повсюду в восточноевропейском регионе наличие многопартийной структуры. Хотя и ненадежная, хаотичная в некоторых странах, она стала тем не менее бесспорной реальностью, несмотря на то, что демократическая традиция здесь была ограниченной или не существовала вовсе. Очень важно, что после падения режима утвердился в регионе конституционно-парламентский механизм смены власти, и она за истекшие пять лет везде состоялась, за исключением Румынии, где бывших членов РКП в главе с Ионом Илиеску никто законным путем не сумел отодвинуть от рычагов управления страной. Нормальное функционирование механизма смены власти, опирающегося на результаты всенародных выборов, которые, кстати, могут быть и в пользу вчерашних коммунистов (как в Польше, Венгрии и Болгарии), – необходимый и отсутствовавший ранее элемент легитимации правительственных структур и фактор стабилизации всей общественно-политической системы.

Что же касается социально-экономической сферы, то тут дело с характеристикой итогов пятилетнего переходного периода к рыночной модели хозяйствования обстоит гораздо сложнее. В этой сфере приходится, по существу, начинать с нуля, учитывая дезорганизацию рынков, которая вызвана крахом советского блока, бременем накопленного коммунистическими режимами внешнего долга (особенно значительного у Венгрии, Польши и Болгарии), устарелость большей части промышленности, находившейся в полной зависимости от советского "старшего брата", и отсутствие в восточноевропейских странах, за исключением Польши и Венгрии (а также бывшей Югославии), частного сектора.

Все восточноевропейские страны пережили гиперинфляцию в начале переходного периода, хотя теперь, в 1995 г., она уже отошла в область постреволюционной истории. Экономика всех этих стран испытала сильнейшее падение производства (от 15 до 30% валового внутреннего продукта).

Правда, сегодня ценой огромных социальных издержек она начинает выбираться из критической ситуации. Уже в 1993 г. в Польше был зарегистрирован один из самых высоких в Европе показателей роста (3,8%). По данным Центрального управления планирования (ЦУП ПР), в 1994 г. валовой внутренний продукт Польши вырос еще на 4,7%, причем благодаря прежде всего частным фирмам и их капиталовложениям⁶. С начала прошлого года экономическое оживление, правда, в более скромных масштабах, наблюдается также в Чехии, Словакии, Венгрии и Словении.

За последние годы происходит массовое перераспределение собственности, открывшее шлюзы для псевданного, часто анархического, развития частного сектора, который даже внешне изменил облик восточноевропейских стран, их столиц и других городов. Однако с приватизацией государственной собственности далеко не все обстоит благополучно. Не говоря уже о многочисленных махинациях на ниве приватизации, ее темпы выглядят обнадеживающими лишь в центральноевропейских странах, а в балканском регионе этот процесс переживает стагнацию, связан с быстрым ростом безработицы, которая достигла в среднем 15% и потрясла целые слои общества. Парижская "Монд" в статье "Гигантские шаги в развитии Восточной Европы" касается этой, социально-экономической стороны дела, ссылаясь на мнение одного из лидеров внешней польской оппозиции Адама Михника. "Широкие массы, задавленные невзгодами и нищетой, отнюдь не вкусили плоды победы, — пишет он. — Многим нарождающаяся демократия и капитализм, отождествлявшиеся вначале с западным процветанием, принесли не улучшение жизни, а ее ухудшение"⁷.

Несколько смещая в этом суждении акценты, можно подчеркнуть: пока что нарождающаяся демократия и капитализм (дикий, зачастую криминальный) принесли не улучшение, а ухудшение жизни не просто многим — большинству населения стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Не

говоря уже о России и других государствах, возникших на территории бывшего СССР, где за три года безответственно, подчас просто преступного, экспериментирования выброшено за черту бедности подавляющее большинство населения. Однако характеристика российской так называемой рыночной реформы и ее поистине удручающих социальных последствий выходит за рамки данной статьи.

Возвращаясь же к сфере социально-экономического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы, можно сослаться на расчеты Венского института сравнительного анализа мировой экономики из статьи Джойн Перлез "Полосы медленной и быстрой езды по капиталистическому пути", согласно которым за 1989-1994 гг. реальная зарплата всюду резко упала: в Польше, например, покупательная способность зарплаты уменьшилась на 28%, в Чехии – на 18%, а в Венгрии – на 16%⁸. По данным, приведенным на одном из совещаний во Французском институте международных отношений директором отделения Центральной и Восточной Европы Всемирного банка Кемалом Дэвисом, только за 1989-1992 гг. валовый национальный продукт на душу населения сократился в Албании (с 645 до 194 долл.), Болгарии (с 2339 до 957), Румынии (с 1621 до 760), Чехо-Словакии (с 2913 до 2098), Словении (с 8391 до 5715), Венгрии (с 3118 до 3104). И лишь в Польше показатели ВНП увеличились (с 1621 до 2300 долл)⁹. За три рассматриваемых года (1990-1992) средний реальный доход на душу населения снизился во всем этом регионе на 18-39%. "Такое падение в странах с рыночной экономикой, – говорится в одном из документов ООН, – редко наблюдалось даже во время самой серьезной депрессии"¹⁰.

Итак, в главной для жизнедеятельности людей сфере – социально-экономической – плоды победы над тоталитаризмом вкусили весьма немногие, причем часто именно те, кто служил опорой старому режиму. Хенрик Доманевский, польский социолог, изучающий влияние бывшей коммунистической элиты, обнаружил недавно данные о функционерах

ЦК ПОРП, которые, по его словам, "зарабатывали до революции, как правило, на 50% больше, чем квалифицированные рабочие, а теперь зарабатывают в десять раз больше. Они, – заключает ученый, – оставляют позади остальное общество"¹¹.

Пожалуй, наиболее впечатляюще выглядят плоды победы над коммунистическим режимом в мировоззренческой сфере. Давно уже существовавшее разделение по принципу "мы" и "они" с их лживой пропагандой трансформировалось в постреволюционное время таким образом, что марксизм-ленинизм был задвинут в общественном сознании и общественной психологии на самые дальние задворки, т.е. утратил даже то, отнюдь и в прошлом не господствующее, положение, которое занимал на национальном идеологическом небосклоне еще пять лет назад. "Советская система, которая, казалось, могла конкурировать с капитализмом, рухнула как картонный домик, – заметил в интервью братиславской "Правде" известный политолог, в прошлом деятель "пражской весны" Зденек Млынарж. – После нее осталась весьма непривлекательная действительность. Крах так называемого реального социализма нанес серьезный урон самому понятию "социализм", идее построить нечто отличное от капитализма или попыткам подвергнуть его кардинальной реформе. Различие между капитализмом и социализмом еще долго будет восприниматься как конфликт между тем, что существовало в Советском Союзе, и тем, что существует в западных демократических государствах"¹².

Однако идейная, мировоззренческая дискредитация теории марксизма-ленинизма, положения и выводы которой не выдержали проверки политической и экономической практикой, – одно, а попытки добиться законодательного запрета этой теории, преследовать людей за коммунистические убеждения – уже совершенно другое, с чем вряд ли согласится любой демократически ориентированный человек. Между тем антикоммунистическая истерия в восточноевропейских стра-

нах – реальный, хотя и весьма прискорбный факт их нынешней политической и идеологической жизни.

Понять истоки этого негативного феномена можно (за 45 лет своего хозяйничанья в странах восточноевропейского региона коммунисты нанесли огромный ущерб их экономической и всей общественной жизни), но оправдать, конечно, нельзя. Усиливающаяся тенденция декоммунизации всех сфер жизнедеятельности этих стран, прежде всего государственных, далеко не безобидная, просто опасная, поскольку ставит презумпцию виновности выше презумпции невиновности, предполагает групповой, а не индивидуальный подход, предусматривает по существу политическую, а не судебную процедуру. Готовящиеся или уже вступившие в силу соответствующие законы раскалывают общество на благонадежных и неблагонадежных, открывают немалые возможности для травли неугодных, сведения счетов, т.е., по словам президента Болгарии Желю Желева, "просто воспроизводят старые (коммунистические. – Ю.Н.) рецепты классовой ненависти к врагу с той лишь разницей, что она направлена в другую сторону"¹³.

Против подобного закона, проведенного в 1992 г. через венгерский парламент его антикоммунистическим большинством, высказался, как известно, президент страны Арпад Гещ. Он опротестовал этот закон и получил поддержку Конституционного суда. С критикой проекта такого закона, подготовленного еще в 1991 г. парламентским клубом Соглашение центристских сил, выступил и президент Польши Лех Валенса. "Я не утверждаю, – заметил он, – что не следует наказывать виновных за совершенные ими преступления. Но каждый в нашей стране, включая ксендзов, ходил в коммунистическую школу, каждый пятьдесят лет жил при этой системе. Сведение счетов не может стать программой будущего"¹⁴.

Сведение счетов и многое другое, столь же неблагоприятное, сразу же проявилось, как только соответствующий закон о кадровых проверках госучреждений был, например, принят

в начале октября 1991 г. Национальным собранием ЧСФР. Однако других это как-то не остановило. "Процесс пошел", предпринимаются все новые попытки "деидеологизировать" в антикоммунистическом духе государственную службу, в том числе юстицию, науку, культуру, общественные организации. Так, в конце октября 1994 г. на обсуждение в румынском парламенте была внесена юридической комиссией палаты депутатов формулировка 166-й статьи Уголовного кодекса страны, согласно которой "фашистская и коммунистическая пропаганда наказывается тюремным заключением сроком от 6 месяцев до 5 лет". Эту формулировку опротестовал депутат от Социалистической партии труда – наследницы бывшей румынской компартии. Напомнив о недавних намерениях депутата-либерала поставить вне закона все партии с коммунистической идеологией, он заявил, что стремление наложить запрет на эту идеологию объясняется опасениями, что левые партии привлекут на свою сторону избирателей. Высказывая такое мнение, депутат от СПТ, несомненно, имел в виду итоги осенних выборов мэров в крупных городах Брэиле, Слатине и Онешти, где победителями оказались бывшие первые секретари уездных комитетов РКП. В результате состоявшейся дискуссии текст статьи все же переформулировали на следующий: "Пропаганда, направленная на установление тоталитарного государства, осуществляемая любыми средствами, наказывается тюремным заключением от 6 месяцев до 5 лет с лишением некоторых прав", т.е. без уточнения типа как инкриминируемого тоталитарного государства, так и пропаганды¹⁵.

Обратимся теперь к сфере международных отношений. Главный итог истекшего пятилетия здесь очевиден: вывод советских, а затем и российских войск с территории всех восточноевропейских стран, включая Латвию, Литву и Эстонию. Сейчас, правда, немало адресуется упреков бывшим советским руководителям, особенно Горбачеву, Шеварднадзе и Язову, которые приняли поспешные, не во всех своих аспек-

тах продуманные решения, в частности поддались давлению со стороны властей Венгрии, Польши, ЧСФР и Германии в вопросе определения ускоренных сроков вывода. Ведь более чем миллионная громада этих войск с умопомрачительными по объему запасами вооружений, боеприпасов и прочего военного имущества была перебазирована в отечественные пределы практически за четыре с небольшим года. Тогда как, если верить высказываниям Маргарет Тетчер, на нормальный вывод британской Рейнской армии, к примеру, требуется не менее 10 лет¹⁶. И настоящий государственный подход британской администрации в том, очевидно, и будет состоять, чтобы держаться на всех переговорах именно этого срока, хотя благоустроенность британской армии во многом превышает благоустроенность нашей. Однако, что уже сделано, то сделано, и с точки зрения исторической перспективы и большой политики сделано, несомненно, правильно.

Как писал один российский публицист, "не 1989-1990 годы с их восточноевропейскими бархатными революциями и падением берлинской стены, не декабрь 1991-го с его холодным реквием по СССР и не июнь 1992-го с его российско-американским братанием, а именно сентябрь 1994 г. (время прибытия в Москву последнего воинского эшелона из Германии – Ю.Н.) следует считать подлинным концом послевоенного мира, созданного в Ялте, Потсдаме и Сан-Франциско полвека тому назад. Наиболее зримый признак этого конца – впервые после 1945 г. бывших советских войск нет нигде больше за пределами бывшего СССР"¹⁷. Конец послевоенного мира с его разделением на победителей и побежденных, с многолетним блоковым противостоянием сил демократического Запада и коммунистического Востока, с высокомерным поведением сверхдержав и сопутствующим сателлитизмом – это ведь и начало нового мира, основными характеристиками которого должны быть равноправие народов и государств, их добрососедство и всестороннее сотрудничество.

Пока что, говоря об этом, приходится иметь в виду прежде всего будущее время, ибо в настоящем мире, в том числе и европейский, сотрясают многочисленные конфликты, бесперывно где-нибудь льется кровь, десятки и сотни тысяч людей лишаются средств к существованию, крова, изгоняются с родных мест и т.п. Достаточно в этой связи обратить взор на братоубийственную вражду в Боснии и Герцеговине, на Кавказе, в частности на кровавую бойню в Чечне между карательными войсками Москвы и сепаратистами Джохара Дудаева, унесшую не одну тысячу жизней российских солдат и офицеров, мирного населения, превратившую в руины г. Грозный, чтобы понять всю сложность формирования "европейского пространства" для всестороннего сотрудничества народов и государств. "С одной стороны, – заметил как-то в интервью известный немецкий политик Эгон Бар, – закончился фантастический эксперимент под названием "коммунизм", с другой – впервые в истории появился не менее фантастический, но реальный шанс превратить Европу в континент мирного сотрудничества"¹⁸.

Этот фантастический, но реальный шанс может быть использован, если в восточноевропейском регионе продолжится формирование новой системы межгосударственных, международных отношений без односторонней ориентации субъектов этих отношений на великого восточного соседа, как было в прошлом, или же лишь на Запад, как нередко получается сейчас. «Развал СЭВ, – комментировал ситуацию председатель правительства Чешской республики Вацлав Клаус, – привел к тому, что бывшие восточноевропейские социалистические страны максимально открылись в западном направлении, но отгородились друг от друга. Из-за этого все интеграционные процессы на Востоке имеют весьма несущественное практическое значение. Недостает и доброй воли для их реализации. Непосредственные интересы заставляют посткоммунистические страны руководствоваться принципом "спасайся, кто может"»¹⁹.

Пытаясь координировать свою внешнюю политику и оживить взаимные торгово-экономические связи, Венгрия, Польша и ЧСФР подписали четыре года назад в венгерском городке Вишеграде соответствующее соглашение о трехстороннем сотрудничестве. Позднее, с распадом ЧСФР, это региональное объединение стало группой четырех (Венгрия, Польша, Словакия и Чехия). Определенная антисоветская направленность данной группы была в то время очевидной, она не скрывается странами-участницами и сейчас. «Когда в 1991 г. создавалась Вишеградская группа, – подчеркнул 28 октября 1994 г. чешский президент Вацлав Гавел в интервью аккредитованному в Праге работнику венгерского телевидения, – существовало много важных совместных задач, к примеру, таких, как роспуск Варшавского договора или устранение советской гегемонии, и тем самым надо было продемонстрировать, что страны региона способны сотрудничать и хотят стать членами сообщества демократических государств Европы»²⁰.

Действие Варшавского договора было прекращено 1 июля 1991 г. соответствующим протоколом последнего (пражского) совещания Политического консультативного комитета государств-участников этого договора. Несколько ранее, (28 июня) представители стран-членов СЭВ подписали в Будапеште протокол о расформировании и этой международной организации, посредством которой СССР оказывал влияние на характер народнохозяйственного и внешнеэкономического развития своих партнеров. Социалистическое содружество приказало таким образом долго жить. Антисоветские цели вишеградских стратегов, и отнюдь не только их, оказались реализованными, т.е. военно-политическое взаимодействие восточноевропейских стран с СССР прервалось так же, как и сократилось до минимума торгово-экономическое, а попутно были аннулированы все соглашения о культурном и прочем сотрудничестве.

Теперь, когда ущерб от подобного оборота дел стал чувствительным буквально во всех сферах жизнедеятельности, когда и Россия, и наши бывшие восточноевропейские партнеры несут огромные убытки из-за стагнирующего или вовсе пркращенного взаимного, в том числе экономического, сотрудничества, положение начинает кое в чем меняться, пусть и весьма медленно. Болгария, Венгрия, Польша, Чехия и Словакия подписали с Российской Федерацией на высшем государственном уровне двусторонние договоры о равноправных и добрососедских связях, которые создают необходимую полигико-юридическую базу для развития этих связей во всех направлениях. Со стороны России существует стремление поставить на договорную основу свои отношения также и со всеми другими восточноевропейским странами.

Однако проблем тут остается великое множество. Отмечая, например, "вакуум безопасности" в восточноевропейском военно-политическом пространстве, наши бывшие партнеры считают, что "заполнить его призван Североатлантический альянс", а Россию следует держать на расстоянии, "не подпускать" к натовскому механизму сотрудничества, ибо в противном случае "судьба Европы решалась бы лишь великанами, а малые страны вновь тряслись бы от страха за свое существование"²¹.

К России, которую собираются не пускать в Европу, выработался в восточноевропейских странах некий снисходительный подход, и одновременно сквозит боязнь ее непредсказуемых, импульсивных действий. "В России по-прежнему таится огромная опасность, – предупреждает пражская печать. – Причем с экономической точки зрения совершенно безразлично, чего можно опасаться, – экономической экспансии или внутреннего краха и распада государства. Но, в общем, Москва небезынтересна и, возможно, когда-нибудь станет и заслуживающим доверия партнером. Естественно, стоит поддерживать с Россией хорошие политические отношения хотя бы ради того, чтобы знать потенциальные угрозы.

Хотя бы потому, что восточное направление наиболее опасно для Чешской Республики"²².

Об этой опасности восточного направления пишет и польская печать, муссируя тезис советников президента "о возрождении российского империализма"²³. Не отстает и румынская, болгарская и т.д. Былой антисоветизм как неизбежное следствие неравноправных в прошлом отношений трансформировался ныне в антироссийские настроения. Как только кто-либо в Москве поставит, скажем, вопрос, а стоит ли форсировать решение о принятии в НАТО некоторых вчерашних наших партнеров, тут же раздается "решительная" отповедь типа следующей: "Российские деятели, по-прежнему опьяненные великодержавной политикой бывшего Советского Союза, должны понять, что эра их господства в Центральной и Восточной Европе закончилась. "Холодная война" завершилась отнюдь не в их пользу, и сфера российского влияния не охватывает территорию государств этого региона"²⁴.

То, что сфера российского влияния весьма сократилась и не охватывает даже всю территорию бывшего СССР, не говоря уже о восточноевропейском регионе, это верно. И "холодная война" завершилась, конечно, отнюдь не в пользу кремлевской коммунистической номенклатуры. Она не только потеряла свою внешнюю и внутреннюю империю, но и вообще лишилась государственного корыта, у которого кормилось 70 с лишним лет не одно ее поколение. Нынешние же российские власти упрекать за великодержавные замашки этой номенклатуры все же не совсем корректно. Они ведь пытаются строить внешнюю политику страны на общепризнанных демократических принципах, а не руководствуются лукавыми нормами пролетарского или социалистического интернационализма, являвшимися парافразом советского экспансионизма и гегемонизма. Но правда и то, что от имперско-державного менталитета очень трудно избавиться, его рецидивы могут проявляться везде, включая и междуна-

родные дела. А эти рецидивы, конечно же, гальванизируют антироссийские настроения. Быстро их изжить поэтому вряд ли удастся, даже если есть соответствующая политическая воля президентов и правительств. Тем более, что продуманной и последовательной политики в отношении восточно-европейского региона никак еще российские государственные мужи выработать не могут, истории взаимных связей и непростого нашего сотрудничества подчас не знают, а спросить об этом специалистов считают, видимо, ниже собственного достоинства. Отсюда и проявляющийся порой непрофессионализм, который в межгосударственной, международной сфере ничего кроме вреда принести не может.

* * *

Завершая разговор об итогах и проблемах развития восточноевропейского региона после переломного 1989 г., хотелось бы избежать в обобщающей оценке двух встречающихся крайностей: с одной стороны, так сказать, ребячьего восторга, а с другой – стариковского брюзжания. "За последние пять лет, – считает, например, парижская "Монд", цитируя венгерского социолога Элемера Ханкиша, – даже самые остальные страны сделали гигантский шаг вперед. В самом деле, в Центральной и Восточной Европе наблюдаются сенсационные успехи, которые не в состоянии оценить ни Запад, ни те, кто живет здесь"²⁵. Противоположной этому ура-оптимистическому заявлению позиции придерживается представитель словацкой общественности прокоммунистического толка. По его мнению, «переворот в ноябре 1989 г. глубоко затронул жизнь всего общества. Массы обмануты "нежной" революцией с ее абстрактными лозунгами о демократии, свободе, плюрализме, приватизации, рыночной экономике. Люди убедились, что приватизация означает бессовестный грабеж тех ценностей, что созданы за сорок лет при социализме. Рыночная экономика – это безработица, снижение жиз-

ненного уровня народа, а демократия и свобода – только для богатых»²⁶. Такого рода суждения – крайности, а истина, очевидно, где-то посередине. Во всяком случае автор настоящей статьи придерживается той точки зрения, что крушение восточноевропейских коммунистических режимов и последующая пятилетняя деятельность их новых властей – это революционные события, отражающие общемировую демократическую тенденцию. Но теперь, когда уже улеглись восторги относительно открывшихся перспектив развития восточноевропейских революций, а действительность оказалась весьма отличной от первоначальных позитивных прогнозов, не замечать существующих проблем никак нельзя.

Ведь события последних пяти лет в регионе не укрепили народное благосостояние, а напротив, больно ударили по карману большинства населения. Радикальность перемен во всех странах проявилась пока что главным образом в полном сломе их старых производственно-хозяйственных и политико-идеологических систем, посредством которых осуществлялось функционирование и развитие этих стран четыре с половиной послевоенных десятилетия. Тем более, что становление новых систем происходит, как правило, медленно, часто непродуманно и непоследовательно, т.е. витриной успешного перехода к рыночным отношениям и демократическому правлению не является.

И если взглянуть на пятилетний период перехода от коммунистического тоталитаризма к демократии сквозь призму всех этих проблем, невольно приходит на ум предостережение русского философа И.А.Ильина, писавшего в 1948 г. о смертельной опасности для демократических правителей, которые не умеют или не хотят справиться с отрицательной социально-экономической динамикой. "Обнищавший народ, опустившийся до состояния черни, быстро вырождает и погубит всякое народоправство"²⁷. Тем более, если первоначально в это народоправство выдвигались неискушенными избирателями, вчерашними рабами тоталитарного режима

"безвольные глупцы, продажные невежды, бесчестные растеряхи и тому подобный социальный отброс... Демократия, — подчеркивал И.А.Ильин, — не умеющая выделить лучших, не оправдывает себя: она губит народ и государство и должна пасть"²⁸. Иллюстрируя свой вывод отечественным примером, он заключал: "А к чему ведет правление подлинно худших людей, это русские люди испытывают на себе уже тридцать второй год... Суровая школа!"²⁹.

Хотелось бы, конечно, верить, что уроки этой суровой школы, как и предостережения выдающихся мыслителей XX века, будут приняты нашим переходным обществом во внимание, что оно способно к самообучению и постепенно сумеет отделить лучших людей от худших. Если история хоть чему-нибудь все же учит, есть надежда, что ее влияние не обойдет стороной и восточноевропейский регион.

Примечания

- 1 Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней. М., 1992. С.459.
- 2 См.: Romania libera, 22.XII.1994; Evenimentul zilei, 23.XII.1994; Bek, 1995, N 1, с. 4.
- 3 См.: Le Monde. 1.IX.1994; Globe and Mail. 30.VIII.1994; Spring in Winter. The 1989 revolutions. Ed. by Gwyn Prins. Manchester-New York. 1990. P. 235; Московские новости. 1990. № 23. С. 12; Правда. 1.VI.1990.
- 4 Социализм: между прошлым и будущим. М., 1989. С.345.
- 5 Там же.
- 6 См.: Великая капиталистическая революция в Восточной Европе // Вести Европы (Спецвыпуск ИТАР-ТАСС). 1.XII.1994. С. 10; Вести Европы (Вестник ИТАР-ТАСС) 24.XI.1994. С. 6.
- 7 Le Monde. 23.XI.1994.
- 8 The New York Times. 31.X.1994.
- 9 Le Echo. 21.II.1993.
- 10 Le Monde. 23.XI.1994.
- 11 The Washington Post. 3.XI.1994.

-
- 12 Pravda. 22.IV.1993.
 - 13 Репортер 7. 11-17.I.1994. С. 2.
 - 14 Rzeczpospolita. 28.I.1992.
 - 15 Морозов Н. Румыния: коммунисты -- в парламент или в тюрьму?
// Вести Европы. (Вестник ИТАР-ТАСС). 31.X.1994. С. 17-18.
 - 16 Thatcher M. The Downing Street Years. London. 1993. P. 817.
 - 17 Пушков А. Сентябрь-94: конец еще одной эпохи // Московские
новости. 1994. № 42. С. 5.
 - 18 Neues Deutschland. 19.I.1993.
 - 19 Český deník. 31.I.1993.
 - 20 Ibid. 28.X.1994.
 - 21 Mladá fronta dnes. 10.VI.1994.
 - 22 Ibid. 11.IV.1994.
 - 23 Rzeczpospolita. 16.XI.1994.
 - 24 Mladá fronta dnes. 6.IX.1993.
 - 25 Le Monde. 23.XI.1994.
 - 26 Ржевский В. Словакия: воспоминания о "бархатной" револю-
ции. // Вести Европы (Вестник ИТАР-ТАСС). 18.XI.1994, с. 10.
 - 27 Ильин И.А. Наши задачи. историческая судьба и будущее Рос-
сии. Статьи 1948-1954 годов. В 2-х томах. М., 1992. Т. 1. С. 140.
 - 28 Там же. С. 128.
 - 29 Там же.

Содержание

3

Предисловие
(*Ю.С.Новопашин*)

13

Болгария в середине 90-х годов: по-прежнему на перепутье
(*Ю.Ф.Зудинов, Е.Л.Валева*)

40

Венгрия в системе центральноевропейских социально-экономических преобразований начала 90-х годов XX в.
(попытка сравнительного анализа)
(*Б.Й.Желицки*)

70

Либерально-демократический конгресс в поисках
своего места на польской политической сцене
(*О.Н.Майорова*)

98

Вопросы приватизации и реприватизации в Польше
(*В.В.Мирошников*)

120

Словакия: свет и тени нового пути
(*Г.Ю.Харцьева*)

140

Векторы приватизационных процессов
в Чехии и Словакии
(*Э.Г.Задорожнюк*)

159

Социокультурные процессы
периода посткоммунистической трансформации в Чехии
(по материалам исследований чешских социологов)
(*Н.В.Коровицына*)

193

Плоды победы над тоталитаризмом:
Восточная Европа после 1989 г.
(*Ю.С.Новопашин*)

215

**Постреволюционная
Восточная
Европа:
экономические ориентиры и
политические коллизии**

Сборник подготовлен к печати
в Редакционно-издательском отделе
Института славяноведения и балканистики
РАН

Компьютерный набор и оригинал-макет М.И. Леньшиной

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г

Подписано в печать . 95. Усл. печ. л. 10,0
Тираж 300 экз. Заказ № **35** . Цена договорная

Отпечатано

